

3 1761 03554 2786

Purchased from the
SEWERYN WINDYK LIBRARY BEQUEST

1757.
Проф. И. П. Филевичъ.

51

29904

ИЗЪ ИСТОРИИ КАРПАТСКОЙ РУСИ.

Очерки галицко-русской жизни съ 1772 г.
(1848—1866).

~~издана~~
ВАРШАВА.

ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1907

Проф. И. П. Филевичъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ПАТСКОЙ РУСИ.

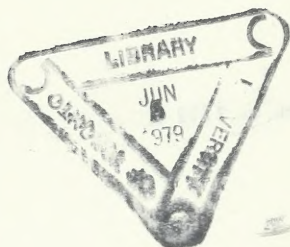
ОКН ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ЖИЗНИ СЪ 1772 г.
(1848—1866).

ВАРШАВА.

ОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Краковское Предмѣстье, № 3.

1907

DK
508
.772

F54
1907a

ИЗЪ ИСТОРИИ КАРПАТСКОЙ РУСИ.

Очерки галицко-русской жизни съ 1772 г.

I.

(1772—1848).

Въ 1769 г., за три года до подписанія трактатовъ о раздѣлѣ Польши, Австрія заняла своими войсками Снижъ и Любовлю, нѣкогда (1412) заложенные Венгріей Польше. Въ слѣдующемъ году заняты были опять нѣкоторые мѣста, будто бы первоначально входившія въ составъ указанныхъ округовъ. Кауницъ обласкалъ расквартировавшихся здѣсь польскихъ конфедератовъ, и они сочли австрійскую оккупанцію даже выгодной, на случай столкновенія съ русскими войсками. Австрійскія власти обходились съ конфедератами съ предупредительною любезностію, а польскому правительству было сдѣлано рѣшительное заявленіе о правахъ Венгріи на указанные округа и дано обещаніе окончательно опредѣлить границы по заключеніи мира между Россіей и Турціей и возстановленіи спокойствія въ Рѣчи Посполитой.

Рѣшительный шагъ Австріи ускорилъ ходъ переговоровъ между державами, и какъ только раздѣльный трактатъ былъ подписанъ, Австрія вытѣснила конфедератовъ и двинула войска для занятія той обширной области которая получила оффиціальное названіе королевствъ Галиціи и Лодомеріи. Манифестъ о присоединеніи былъ изданъ 11 сентибря 1772 г.,

а 1^я были заняты Львовъ, оставленный русскими войсками, находившимися тамъ съ 1764 г. Одновременно была издана въ Венѣ брошюра, доказывавшая права венгерской короны на все занятые Австріей земли. Не считая енижскаго округа, Австрія получила по первому раздѣлу Польши 1,500 кв. м. и 2½ мил. жителей. Ни въ одной изъ занятыхъ державами областей не было оказано ни малѣйшаго сопротивленія. „Польскій народъ, истощенный 4-лѣтней борьбой, предлагавилъ, по словамъ Грабенскаго, картину полного матеріальнаго и нравственнаго упадка“ ¹⁾.

Въ 1773 г. Иосифъ уже лично знакомился съ новыми владѣніями. Онъ прибылъ въ Галицію изъ Трансильваніи, гдѣ онъ долженъ былъ окончательно взвѣсить предложеніе Порты объ уступкѣ Австріи Малой Валахіи въ замѣнъ за содѣйствіе въ войнѣ съ Россіей. Иосифъ высказался противъ этого плана, но у него возникла мысль о необходимости, въ видахъ стратегическихъ, округлить владѣнія на востокъ пріобрѣтеніемъ Буковины, бывшей въ то время подъ русской властью. Значительный крутокъ, какой пришлось сдѣлать Иосифу во время переезда изъ Трансильваніи въ Галицію и результатъ развѣдокъ, предпринятыхъ одновременно съ его переездомъ, еще болѣе утвердили его въ этой мысли. Получивъ сейчасъ-же по пріѣздѣ въ Галицію (въ Сиятынь 10 авг.) отчетъ о благопріятныхъ результатахъ снаряженной имъ изъ Родны реконноспировки, Иосифъ немедленно-же отправилъ нѣсколькихъ офицеровъ для картографической съемки района между Прутомъ

¹⁾ St. Schnür-Papowski. Z przeszłości Galicyi (1772—1862) 1895. тл. 1-я. H. Д. Чечулинъ. Внѣшняя политика Россіи въ царствованіи Екатерины II. СПб. 1896. тл. 6 я. W. Grabieński. Dzieje państwa polskiego. II. 53. Krak. 1898. Что касается правъ Венгріи на занятые Австріей земли, то Марія Терезія относилась къ нимъ, очевидно, скептически. По крайней мѣрѣ, она велѣла вычеркнуть въ манифестѣ объ оккупации слово *rechtmässige* („rechtmässige Ansprüche geltend machen“). Это впрочемъ не помѣняло австрійской дипломатіи заивать очень крупныя притязанія и торговаться съ не-бывалою настойчивостью.

и Днѣстромъ, и уже 17 септября карта этого района была представлена въ главное военное управленіе вмѣстѣ съ докладомъ о стратегическомъ значеніи мѣстности. Сейчасъ же вспомнили о правахъ древняго Галича на эту область, и они показали австрійской дипломатіи настолько серьезными и убедительными, что о правахъ венгерской короны рѣшено было умолчать. Русскія власти оказались очень сговорчивы, и уже въ мартѣ 1774 Буковина вошла въ составъ австрійскаго государства ¹⁾.

Личной инициативѣ Іосифа Австрія обязана и расширеніемъ восточной галицкой границы. Въ раздѣльномъ трактатѣ эта граница, на пространствѣ отъ Збаража до Днѣстра, должна была проходить по р. Подгорце. Но такой рѣки на дѣлѣ не оказалось, и Іосифъ, осмотрѣвъ плодородныя окрестности Збаража, рѣшилъ признать за р. Подгорце не Сереть, а Збручъ. Никто не протестовалъ, и, благодаря этому, Збручъ обозначается до сихъ поръ на австрійскихъ картахъ фиктивнымъ дипломатическимъ названіемъ Подгорце ²⁾.

Восточный фронтъ Австріи былъ такимъ образомъ закругленъ, насколько было возможно.

Но Іосифъ обнаружилъ предусмотрительность не только въ опредѣленіи стратегическихъ и экономическихъ условій. Онъ сразу вѣрно оцѣнилъ и внутреннія отношенія въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. „Все ждутъ отъ насъ справедливости, — одни магнаты недовольны“ — вотъ какъ формулировать онъ свои галицкія впечатлѣнія въ письмѣ къ матери. Онъ и держался вдали отъ магнатовъ, но внимательно принималъ къ жизни и быту населенія; отъ мѣстныхъ властей онъ тре-

¹⁾ *D. Wrenka. Über die Grenzregulierung d. Bukowina zur Zeit d. Vereinigung mit Oesterreich. J. Pelz: Joseph's II Reisen nach Galizien u. d. Bukowina u. ihre Bedeutung für letztere Provinz. Jahrb. d. Bukowiner Landes-Museums. Czernowitz 1895. Kaindl, Kaiser Joseph II in seinem Verhältnisse zur Bukowina. Töke, 1896; also Gesch. d. Bukowina. 3 Abschn. Czernowitz 1898.*

²⁾ *Schnür-Pepl. к. в. 19.*

тъ сообщенія подробныхъ свѣдѣній и сами возбуждать и задавать рядъ вопросовъ и справокъ. Представители австрійской власти изучали новыя области тоже, повидимому, не особенно внимательно. Первый губернаторъ Галичинъ гр. Пергенъ изложилъ Иосифу во Львовѣ подробную записку о состояннѣ края. Въ запискѣ сообщались свѣдѣнія о положеннѣ, населеннѣхъ и продуктахъ области; о шляхтѣ; о религій и духовенствѣ; о мѣстностяхъ и городской промышленности; о крестьяннѣхъ и, наконецъ, о евреяхъ. Пергенъ сообщалъ, что громадное большинство сельскаго населенія составляютъ Русскіе, что между русскимъ и польскимъ духовенствомъ существуетъ сильная вражда, рекомендовалъ правительству обратить серьезное вниманіе на экономическое положеніе крестьянъ и такимъ образомъ привлечь ихъ на свою сторону. Что касается, въ частности, Русскихъ, то Пергенъ не совѣтовалъ оказывать имъ особенное покровительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ, что они, въ случаѣ надобности, могутъ составить очень удобное орудіе противъ польскаго господствующаго класса. Не менѣе характерныя свѣдѣнія сообщены были въ скоромъ времени гофратомъ Корандой, вѣдавшимъ школьное дѣло. Большую часть населенія бывшей польской провинціи составляютъ, по сообщенію Коранды, народъ не польскій; языкъ этого народа „близокъ къ „россійскому“ или иллирійскому.“ Польскій языкъ Коранда не считалъ подходящимъ для школьнаго обученія, а при преподаваннѣ исторіи рекомендовалъ обратить особенное вниманіе на „деспотизмъ шляхты, ея безграничную гордость и фанатическое свободолѣбіе“ ¹⁾.

Такимъ образомъ существованіе въ занятой Австріей провинціи народности, хотя и не вполне определенной, на австрійскій взглядъ, но во всякомъ случаѣ отличной отъ господствующаго польскаго класса, сразу обратило на себя вни-

¹⁾ *Schnür-Pepl.* k. n. 21. 59. *J. Lewicki. Ruch Rusinów w Galicyi w pierwszej połowie wieku panowania Austrii.* Lw. 1879. *L. Finkel. Memoryal A. hr. Pergena pierwszego gubernatora Galicyi.* Kwart. list. 1900. I.

маніе, и эта народность получила значеніе государственнаго фактора. Уже въ силу этого, ея положеніе должно было измѣниться; въ ея жизни долженъ былъ начаться новый процессъ.

Прослѣдить этотъ новый процессъ галицко-русской жизни, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ чертахъ, и составляетъ нашу задачу.

Галичина—такъ будемъ называть русскую часть занятой Австріей въ 1772 г. области—вошла въ составъ польскаго государства раньше другихъ зап.-русскихъ областей, и притомъ по праву завоеванія. На ней Польша вырабатывала ту практику въ отношеніи къ Руси, какую потомъ, послѣ люблинской уніи, применяла ко всей западной Руси. Но полувѣковая борьба Галичины съ Польшей (1340—86 г.) ¹⁾ закалила духъ галичанъ, а кривская унія въ значительной мѣрѣ возстановила ихъ связь съ остальною Русью. Внимательное изученіе карпато-русской письменности показываесть, что въ этой русской окраинѣ крѣпко держалась память объ общерусской матери—Кіевѣ и сознаніе своихъ національныхъ интересовъ еще въ XVII—XVIII в. ²⁾ Позже всѣхъ другихъ зап.-русскихъ земель Галичина приняла церковную унію ³⁾, причемъ, несомнѣнно, первое время православныя чувства были живы даже въ высшей средѣ уніатскаго общества. Первый львовскій уніатскій епископъ І. Шумлянский отказалъ по духовному завѣщанію (1707 г.) 1000 злотыхъ въ пользу Манявскаго епископа—православной обители (въ южной части Галичины, недалеко отъ Надворной), которая до конца своего существованія осталась православною, а еще въ 1768 въ книгахъ галицкаго суда занесено было намѣстникомъ епископомъ по порученію

¹⁾ *И. И. Филевичъ*. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимѣрское наслѣдіе. С.-Пб. 1890.

²⁾ *А. Франко*. Карпато-русское письменство XVII—XVIII в. Льв. 1900.

³⁾ Перемишльская епархія въ 1692, львовская—въ 1700, а львовское ставропигіальное братство—лишь въ 1708 г.

...и всего скитского собора заявление от имени всѣхъ
соединивъ жителей монастыря, „всякаго званія и состоянія,
что они, узнавъ о призваніи свободы православнаго исповѣ-
данія (согласно ходатайству русской Императрицы) открыто
признають себя исповѣдниками той святой православной вѣры,
которую до сихъ поръ хранили въ своемъ сердцѣ“ ¹⁾.

На другой сѣверной окраинѣ Галичины—въ Жолквѣ—
поклонился мощи православнаго святителя Іоанна, перевезен-
наго туда Соборомъ изъ Сочавы. На поклоненіе имъ прихо-
дила ежегодно масса православныхъ буковинцевъ, поддержи-
вавшихъ въ галицкихъ униатахъ живую память о ихъ „ста-
рой вѣрѣ“ ²⁾. Такимъ образомъ можно предполагать живую

¹⁾ Ю. Целевичъ. Исторія Скиту манивскаго. Льв. 1887, стр.
88. Документъ этотъ напечатанъ въ прилож. отд. 1, № 36: „do urzędu...
przyszedłszy Wielebny Jmć X. Jan Juszyński konwentu Skitskiego nie-
anifów reguły św. Bazylego W... zanośi oświadczenie czyli Manifest...
ż Monaster Skitski mający sobie uczynioną submissyą wyznania od lu-
dzi enjuscunqne status et conditionis, a osobliwie tych, którzy przed-
ym do tegoż monasteru Skitskiego juryzdykeyi duchownej należeli,
mieniem onychъ wszystkichъ czyni ten manifest w okoliczności takowcy,
e pomienieni ludzie... jak tylko dowiedzieli się iż Nayaśniejszy Król
me y Nayaśniejsza Rzeczpospolita, za poważnymъ wstawieniemъ się
Nayaśniejszey Imperatorowej Imci caley Rossyi, teraznioyszymъ trak-
em religyi greckiey oryentalney nieunickiey prawami opisaną wolność
rzywraćia y oną ubezpieczają, tudzieżъ prześladowania za oncy wyzna-
ie zakazują, natychmiastъ publicznymъ oświadczeniemъ tę prawosławną
iarę świętą, dotychczasъ w sereu dzierzaną, terazъ sercemъ i usty przed
iebemъ y światemъ wyznają y w niey y za nią orazъ y za oyczyznę swoią
rzy zachowaniu wiernego poddaństwa Nayaśniejszemu Królowi Imci y
dey Rzpltey panomъ swoimъ miłościwymъ żyć y umierać pragną.“ Енци-
он епископъ Н. Величскій (1780—98) окрестивъ униатскія церкви
оніи руети, — между тѣмъ „въ Скитѣ каждый праздникъ исповѣда-
лись и причащались тысячи народа.“ Манивскій скитъ былъ закрытъ
он Іосифъ II въ 1785 г.; но и теперь еще, какъ сообщаютъ Целевичъ,
простое население питаетъ надежду, что „чернецы вернутся; обитель
цѣлѣть снова, а ея слава и богатства стануть еще больше, чѣмъ
ли прежде.“ См. Целевичъ, к. в., 119 сл.

²⁾ Въ 1783 г. Іосифъ II велѣлъ возвратить мощи въ Сочаву, а въ
окружку прислать мощи св. Параскіи изъ монастыря клириковъ въ

связь Галичины съ православіемъ еще наканунѣ ея перехода подъ власть Австріи. Что-же касается русскаго обычая и преданія, то, по естественному ходу жизни, русскими безъ всякихъ ограниченій — *gente et natione* — признавался въ Галичинѣ собственно лишь народъ, т. е. престопаиодіе и бѣдное сельское духовенство, да немногочисленное мѣщанство, отънесенное свреями на предместья, занимавшееся земледѣліемъ и, подобно духовенству, немногимъ отличавшееся отъ хлопча. Этой темной, приниженой и совершенно безправной массой было, конечно, не до вопросовъ о народности. Она сама называла себя „хлопцами“, а дѣйствительное обозначеніе народности примѣнялось лишь къ вѣроисповѣданію ¹⁾. Въ общемъ, такимъ образомъ, русская народность въ Галичинѣ, при утвержденіи здѣсь австрійской власти, представляла массу „хлопча“ и поновъ“ русской вѣры, т. е. элементъ безъ всякой правовой силы и значенія, и нерѣдко поновъ долженъ былъ отбывать пащину, парави съ хлопчомъ.

Единственнымъ оффиціальнымъ представителемъ этой сборной массы было высшее духовенство — епископы и окружающіе ихъ крылошане съ конепеторскими чинами. Въ большинствѣ случаевъ, однако, это были базилиане, полагавшіе свою задачу въ возможномъ приближеніи уни къ латинству и считавшіе себя „попками русскаго рода“, слѣдовательно, въ сущности, чуждые народу. Въ немногочисленныхъ высшихъ сановникахъ изъ среды благаго духовенства изрѣдка мелькало смутное чувство своей народности, но — что для насъ особенно интересно — они уже не усматривали въ будущемъ никакихъ надеждъ для этой народности. Вотъ, напр., что пишетъ львовскій оффиціалъ Левинскій въ 1773 г. „Я уже совершен-

Вѣнѣ. Ф. *Систутъ*. Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи, ч. 1, стр. 61.

¹⁾ Тоже самое наблюдается и въ настоящее время среди русскіхъ крестьянъ Подляшья. На вопросъ: „кто ты?“ они отвѣчаютъ „господарь“. — „Какъ говоришь?“ — „по просту“. — „Какъ молишься?“ — „по русски“. *Wiśła*, III, 325. Ср. *Пышинъ*, *Исторія р. этногр.* IV. 109.

но смился съ мыслью, что Русь скорѣе погибнетъ, чѣмъ что
нибудь изъ нея выйдетъ. Очень жаль, что мы чему-то учи-
лись; такъ какъ если бы мы, подобно нашимъ отцамъ, ничего
не знали, то не чувствовали бы тѣхъ кривдъ, какія терпимъ
безъ вины. И не только наше униженіе, но и подводы, и
панщина, какую отбывали наши отцы, не были бы намъ столь
тягостны, какъ теперешнія недоли. А если бы надобно намъ
панщина и подводы, то, въ качествѣ православныхъ мужи-
ковъ, мы легко бы нашли покровительство въ Москвѣ, и на-
вѣрно нашли бы его тамъ скорѣе, чѣмъ теперь въ Римѣ.
Жаль, что конфедератамъ не повезло. Они бы насъ вырѣзали
и успокоились бы, а то теперь быють насъ, быють, и не мо-
гутъ убить¹⁾.

Это письмо чрезвычайно ярко рисуетъ настроеніе немно-
гихъ представителей галицкой Руси, еще не утратившихъ
чувства народности. При всей своей мрачности, оно, однако,
грядущей идеализаціи дѣйствительнаго положенія, такъ какъ
отъ панщины русскій понъ въ Галичинѣ не былъ еще сво-
боденъ²⁾. Съ другой стороны, Левинскій, очевидно, не пред-
полагаетъ, что галицко-русская народность, именно какъ на-
родность, уже обратила на себя вниманіе опытной въ обхож-
деніи съ разными народностями австрійской власти.

Какія же формы принялъ и какъ затѣмъ развивался во-
просъ объ этой народности?

По указаннымъ выше сообщеніямъ австрійскихъ чинов-
никовъ и первымъ впечатлѣніемъ Іосифа, можно было ожидать
рѣшительныхъ дѣйствій австрійскихъ властей въ Галичинѣ,

¹⁾ *І. Зансичъ. Літературні стремління галицкихъ русинів. Житє и Слово* I стр. 209. Письмо это напечатано А. Петрушевичемъ. Акты, относящіеся до затвержденія канитулы еписк. собора во Львовѣ. Галичанинъ 1872, кн. 1 вил. 1.

²⁾ Отбываніе панщины свідцениками запрещено было только въ 1777 г. *Parasiewicz, Annales ecclesiae ruthenae*. Leop. 1862, стр. 580. Но еще въ 1792 былъ такой случай, что понъ былъ выгнанъ на работу въ насады и въ вторникъ. Но понъ уже зналъ, что на это можно жало-
ваться; онъ роснулъ воловь въ полѣ и отправился ко владыкѣ въ Пе-
ремишль. *Мисевичъ. к. в.* 210.

а по характеру исторических условий галицко-русской жизни, т. е., прежде всего по тому, что народность здесь выражалась въ вѣроисповѣданіи, а единственнымъ ея представителемъ было духовенство, для русской народности величили прежде всего въ формѣ церковно-религіозной. Лвовскій епископъ Левъ Шенглицкій обратился къ Маріи Терезіи съ представленіемъ о тяжеломъ матеріальномъ положеніи русскаго духовенства¹⁾, и уже въ началѣ 1774 г. онъ получилъ извѣщеніе, что Императрица отнеслась очень благосклонно къ его представленію и что въ этомъ отношеніи будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры. Ободренный этимъ Шенглицкій обратился 12 марта 1774 г. къ Маріи Терезіи съ жалобой на базилианъ, не желавшихъ признавать надъ собою епископской власти, а 17 іюля того-же года явился при вѣнскомъ дворѣ епископскій уполномоченный, каноникъ І. Гудзь съ жалобами на обиды и притѣвленія со стороны латинянъ, а также на обращенія русскихъ въ латинство. Онъ былъ обласканъ Императрицей, и уже 28 іюля, слѣдовательно, съ необыкновенной по тому времени быстротой, онъ получилъ благосклонную резолюцію по всемъ пунктамъ своей скромной просьбы. Предписано было; а) чтобы латинскіе епископы вмѣнили своему духовенству въ обязанность относиться къ русскому клиру любовно и дружески; б) чтобы клиръ русскій назывался не греко-уніатскимъ, а греко-католическимъ, а русскіе священники не назывались бы понами, а титуловались такъ-же какъ и латинскіе, какъ въ частныхъ отношеніяхъ, такъ и официально; наконецъ в) Русскимъ было открытъ доступъ къ должностямъ, наравнѣ съ Поляками²⁾.

Марія Терезія руководилась при этомъ, какъ соображеніями простой справедливости, такъ и ревностью объ успѣхахъ католической церкви. По крайней мѣрѣ, въ севралѣ 1775 г. она объяснила упомянутому Гудзу, что предоставленіе латинскому духовенству руководства греко-католическими

¹⁾ Яркій примѣръ бѣдности уніатскихъ священниковъ, заставившей ихъ просить милостыню, см. у *Целевича*, 120.

²⁾ *Harasiewicz, Annales*, 557 слл.

дѣлами было бы вредно для католической церкви: „въ виду близости схизматиковъ, это значило-бы бросить сѣмя вѣчнаго недовольства и раздора, и навсегда отворотить схизматиковъ отъ униі“¹⁾.

Все это сильно обезпокоило львовскаго латинскаго архіепископа Сѣраковскаго. Въ томъ-же году онъ прибылъ въ Вѣну и обвинилъ здѣсь русскихъ Галичанъ въ тяготѣніи къ „схизмѣ“ и Россіи, указывая на невѣжество русскаго духовенства и требовать разрѣшенія свободнаго перехода русскихъ униатовъ въ латинство²⁾. По стараніи Сѣраковскаго не увѣнчались усиліями, а указаніе на невѣжество русскаго духовенства вызвало заботы объ его просвѣщеніи. Послѣдовать къ галицкимъ властямъ запросъ, „имѣють ли Русскіе к. н. средства образованія, не подвергались ли и не подвергаются ли теперь притѣсненіямъ, и какими средствами можно бы устранить невѣжество, не подвергая опасности греко-католическій обрядъ?“³⁾. Въ томъ-же 1775 г. принято было въ вѣнскій *Barbareum*⁴⁾ 14 русскихъ клириковъ.

Это былъ первый очень существенный успѣхъ русскихъ Галичанъ въ борьбѣ съ Поляками, одержанный, благодаря прямой поддержкѣ Вѣны. Рѣчь шла, повидимому, о дѣлахъ исключительно церковно-религіозныхъ, но, по тѣсной связи ихъ съ народными, успѣхъ, достигнутый въ области церков-

¹⁾ Тамъ-же, 569. Придворнымъ рескриптомъ 15 іюня 1775 г. униатскій обрядъ былъ признанъ равнымъ латинскому, стр. 581, а въ 1776 г. было издано предписаніе строго придерживаться каноническихъ, запрещавшихъ переходъ униатовъ въ латинство. Стр. 570.

²⁾ Чрезвычайно интересную Записку Сѣраковскаго см. у *Malinowski*, *Die Kirchen- u. Staats-Satzungen bezüglich d. gr - kath. Ritus d. Ruthenen in Galizien*. Lemb. 1861, стр. 354 сл. Ср. *Pelcz*, *Gesch. d. Un.* II, 649.

³⁾ *Harasiewicz*, 570.

⁴⁾ Семинарія при церкви св. Варвары въ Вѣнѣ. Она основана была Маріей Терезіей въ 1774 для униатовъ Венгріи, Трансильваніи и Хорватіи. Въ 1783 она была закрыта, въ виду учрежденія во Львовѣ т. наз. „генеральной“ семинаріи, но открыта вновь въ 1803. Отсюдашло большинство вѣнскихъ сановниковъ униатской церкви въ Австріи.

ной, получать смелость победы въ старой національной борьбѣ и не могъ не подѣйствовать оживляюще на то удрученное настроеніе представителей галицкой Руси, какое было у нихъ, при переходѣ подъ власть Австріи. Понятно, что въ этихъ представителяхъ Австрія сразу приобретала рѣшительныхъ и горячихъ сторонниковъ.

Но дѣйствія Австріи въ бывшей польской области должны были непременно отзываться и на широкихъ массахъ населенія. Это обуславливалось прежде всего другимъ характеромъ австрійскаго государственнаго строя, сравнительно съ строемъ бывшей Рѣчи Посполитой. Такъ напр., военная повинность шляхты (*pospolite ruszenie*) была замѣнена денежною податію (т. наз. „*контрибуція*“). Для установленія ея размѣровъ потребовалось опредѣлить доходность земельныхъ имѣній. Съ этою цѣлью патентомъ 22 дек. 1772 предписано было шляхтѣ обозначить количество принадлежащихъ ей земель, характеръ ихъ обработки, плодородность, число крестьянъ и ихъ повинности. Въ дополненіе къ этимъ даннымъ (на основаніи которыхъ составлены были т. наз. *Stockinventarien*) затребовано было 25 февр. 1774 правдивое и точное обозначеніе помѣщиками ихъ доходовъ (*Dominikal-Passionen*). На основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ и заведена была въ 1775 г. т. наз. рустикальная подать. Эти мѣры вызывались элементарными потребностями государства, но онѣ должны были отзываться на весь общественный строй, вводя въ него новые порядки, содѣйствуя установленію новыхъ взглядовъ. Въ 1775 г. Марія Терезія указывала помѣщикамъ необходимость справедливаго и гуманнаго отношенія къ крестьянамъ, и хотя такое указаніе не означалось опредѣленностью, все же оно должно было имѣть свою долю значенія, при силѣ административныхъ властей, а въ крестьянской массѣ должно было пробуждать надежды на возможность облегченія ея тяжелой участи¹⁾. При преемникѣ Маріи Терезіи эти надежды въ значительной мѣрѣ оправдались.

¹⁾ Но малое впечатлѣніе должна была производить на общество, воспитанное въ польскихъ порядкахъ, строгая требовательность властей.

Въ 1781 г. Іосифъ II издалъ патентъ, по которому признавалось значеніе только за такими инвентарями, противъ которыхъ крестьяне не заявляли никакихъ жалобъ. Въ этомъ же году было объявлено, что имѣется въ виду облегченіе положенія крестьянъ, а затѣмъ они были признаны лично свободными (въ Галичинѣ патентомъ 1782 г.). Въ 1786 г. были точно опредѣлены барщинныя повинности, причемъ нарушение положеній, доказанное притѣсеніемъ со стороны помѣщика („прегравація“) влекло за собой возмѣщеніе причиненныхъ крестьянину убытковъ въ двойномъ или даже тройномъ размѣрѣ. Въ то же время установлены были такъ наз. вестичіаріи и ихъ помощники—мандаторы, для отправленія судопроизводства. Они содержались помѣщикомъ, но были отвѣтственными передъ правительствомъ и уже потому не могли покрывать всѣхъ помѣщичьихъ злоупотребленій, тѣмъ болѣе, что, по духу іосифовскихъ реформъ, власти должны были внимательно относиться къ положенію народной массы—этой основы государственнаго благосостоянія.

Реформы Іосифа подвергаются обыкновенно упрекамъ за ихъ скороспѣлость и кабинетную отвлеченность. Что касается въ частности Галичины, то матеріальная зависимость отъ помѣщика мандаторовъ, какъ первой административно-полицейской и судебной инстанціи; признаніе за помѣщиками права наблюденія и контроля за дѣлами крестьянскихъ обществъ, наконецъ патентъ 1789, замѣнявшій барщину на денежный чиншъ, при полной почти невозможности добыть деньги, предоставляли помѣщикамъ на практикѣ возможность относиться къ крестьянамъ почти такъ же, какъ и въ доброе старое время, тѣмъ бо-

тей по отношенію къ помѣщикамъ. Отъ нихъ требовали точнаго исполненія распоряженій. Между прочимъ, запрещено было держать надворную козацкую стражу. Знаменитый магнатъ Потоцкій умеръ отъ огорченія и обиды, когда ему приказали распустить 1500 надворныхъ козаковъ, а въ отвѣтъ на заявленіе, что онъ не чувствуетъ себя безопаснымъ, прислали кривой изъ 300 солдатъ. *И. Свистунъ, Прикарпатская Русь* I, 21.

лѣе, что „свободный“ крестьянинъ обязанъ былъ относиться къ доминирующему „со смирениемъ и покорностью“. Но гуманный духъ реформъ, стремленіе облегчить тяжелую крестьянскую долю, а главное — самый принципъ ограниченія неограниченной до тѣхъ поръ власти помещика — принципъ, громко провозглашенный Иосифомъ, а по его приказу повторяемый всею галицкой администраціей, какова бы она ни была, не могъ не привлечь къ Австріи несчастное галицкое крестьянство. После дѣлаго ряда вѣковъ униженія оно первый разъ увидѣло въ австрійскомъ чиновникѣ защитника своихъ человѣческихъ правъ. Даже польское население Галиціи стало нескрѣпно считать себя „австріяками“ и трепетать при мысли о возможности возстановленія Польши¹⁾. Что-же говорить о чувствахъ русскаго крестьянина!...

Мѣры, предпринятія австрійскою государственною властью въ первые десятилѣтія австрійскаго господства въ Галичинѣ, составляютъ въ ея жизни эпоху въ полномъ смыслѣ слова. Онѣ глубоко отозвались на всея строе ея общественной жизни и общественныхъ отношеній, особенно въ виду племеннаго состава ея населенія и связанныхъ съ нимъ правъ и привилегій²⁾. Австрія не только облегчила экономическое поло-

1) „Długi ucisk zrobił lud ten nawskroś ciemnym, podejrzliwym, dzikim i przebiegłym, tak że na dobre objawy uczuć był on wprost nieczuły. Pojęcia społeczne i narodowe były mu nieznanie i niezrozumiałe. „U chłopu na Mazurach — powiada Slotwiński — „ojczyzna“ była ojęowizną, „polok“ był jakimś mitycznym potworem, nierównie gorszym od dyabła, a chłop sam w swym silnem przekonaniu nie był polskim, jeno „cysarskim“. Ostaszewski-Barański, Krwawy rok, стр. 31.

2) Этимъ различіемъ соціального положенія обѣихъ народностей въ Галичинѣ и объясняется различіе въ отношеніяхъ къ указаннымъ мѣрамъ австрійскаго правительтва со стороны поляковъ и русскихъ Галичанъ --. Свое негодованіе по поводу реформъ Иосифа имѣли въ виду выразили собою же послѣ его смерти въ поданной Леопольду II запискѣ „Magna charta von Galizien oder Untersuchung der Beschwerden des galizischen Adels polnischer Nation über die österreichische Regierung. -- „Si bene feceris, seito cui feceris“ Jassy 1790. Овъ точку зрѣнія очень

женно малое населеніе, но она сдѣлала попытку поднять русское народное сознаніе, положивъ начало образованію некото-

искусно провѣсть *В. Калыка* въ своемъ интересномъ сочиненіи *Galicya i Kraków pod panowaniem austriackiem*. Paryż 1853; втор. изд. Крак. 1898, и она господствуетъ въ польской литературѣ и по настоящее время, см. напр. *Schmitt-Pepłowski Z przeszłości Galicyi*, т. 2; *sto-żec*, Krowa karta. Льв. 1896. *Wł. Grabieński*, II, 179, утверждаетъ даже, что вредъ австрійской системы былъ чувствительнѣе прусской, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Это буквально та же самая точка зрѣнія, съ какой оцѣнивается крестьянская реформа 60-хъ годовъ въ русской Польшѣ; въ обоихъ случаяхъ употребляются даже одни и тѣ же выраженія: „радикализмъ“, „анархизмъ“, „коммунизмъ“. Совсѣмъ иначе относится къ реформамъ галицко-русскіе изслѣдователи. *П. Ф. Свистунъ*, Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи. 1772—1895 г. Льв. I т. 1896, II т. 1897 г. *І. Франко*. Панищина. Льв. 1898. *І. Заневичъ*, Знесеніе панищины в Галичинѣ. Ч. I-я. Льв. 1896. Это изслѣдованіе Заневича заслуживаетъ особеннаго вниманія. Онъ основательно изучилъ хранящіеся въ библиотекѣ Оссолинскихъ проекты по крестьянскому дѣлу галицкой шляхты 40-хъ гг., и совершенно разрушилъ легенды о благотворительныхъ намѣреніяхъ польской шляхты того времени. Въ отдѣльное изданіе книги Заневича не вошли первыя главы, напечатанныя въ журналѣ „Жито и Слово“ т. I—III. Льв. 1894—95: „Литературни стремленія галицкихъ Русинів“. Главнѣйшій матеріалъ см. *Klunker*, Die gesetzliche Unterthans-Verfassung in Galizien. 3 т. т. 1845—46. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по предпринятому въ 1786 г. поземельному кадастру, многія крестьянскія земли, особенно лѣса и пастбища, были записаны за помѣщиками. Что касается, наконецъ, исполнителей реформъ—австрійскаго чиновничества, то во всѣхъ польскихъ трудахъ оно характеризуется сплошь отрицательными чертами, чѣмъ, опять таки, эти труды рѣзко отличаются отъ указанныхъ русскихъ работъ. Какъ бы тамъ ни было, не можетъ подлежать сомнѣнію, что австрійскій чиновникъ явился представителемъ другихъ принциповъ, чѣмъ, напр. гр. Вѣльгорскій, доказывавшій Иосифу, что „безъ бука нѣтъ ни субординаціи, ни порядка, ни послушанія, ни экономіи“. *Заневичъ*, Ж. и Сл. I. 362. „При всемъ ретроградствѣ въ политическихъ и экономическихъ вопросахъ, австрійскія власти въ отношеніяхъ къ крестьянамъ были несравненно гуманнѣе нежели шляхта“, говоритъ *Заневичъ*, (Знес. 111) указывая краснорѣчивые факты, что еще въ 1841 году властямъ приходилось сдерживать помѣщиковъ отъ крайняго злоупотребленія тѣлесными

раго слоя русской интеллигенции. Вотъ почему галицкая Русь долго хранила благодарную память о первыхъ десятилетияхъ австрійскаго господства, и еще долго спустя, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, „скдоглавые старины разсказывали объ этомъ времени съ сердечнымъ восхищеніемъ“¹⁾.

Въ 1783 г. основана была во Львовѣ епархіальная семинарія²⁾, а въ слѣдующемъ году открытъ былъ университетъ. Черезъ три года, по просьбѣ епископа Бѣлянскаго, въ немъ заведено было русское преподаваніе на богословскомъ и философскомъ факультетахъ. Положеніе этого т. наз. „русскаго института“ было, правда, незавидно. Его называли *Winkelschule*, а профессоровъ *Winkellehrer*, ихъ даже не считали членами факультета, но, какъ бы тамъ ни было, русское слово, раздававшееся до сихъ поръ только въ крестьянской и поповской хатѣ, послышалось теперь съ университетской каедрой³⁾. „Вы помните, Мм. Гг., говорилъ въ торжественной

наказаніями. За время до 1829 было взыскано въ Галиціи однихъ штрафовъ за подтвержденныя разсѣлованіемъ обиды, нанесенныя шляхтой крестьянамъ 84818 гульд., а сумма вознагражденія потерпѣвшимъ составила 122262 гульд. *Франко*, Паницина 45.

1) *Заневичъ*, Ж. и Ст. II, 70, со ссылкой на „Зоря Гал.“ 1850 № 88.

2) До 1803 г., т. е. до новаго открытія *Barbaceush'a*, она считалась „генеральной“,— въ ней обучались уніаты всей Австріи.

3) Какое впечатлѣніе производило это на современниковъ, можно судить по слѣд. словамъ *І. Гаврасевича* (*Зоря Гал.* 1851): „День первый мѣсяца Листопада 1787 г. есть и будетъ памятнымъ въ житіи народномъ каждаго галицкаго Русиина—въ тотъ бо день осуществилось наибольшее рѣшеніе: на любомудрію и богословію отозвались преподаватели народнымъ церковно-русскимъ языкомъ, а въ домашнихъ приговорахъ трижды ежесѣчно упражнялися наши убѣгатели сама свиденническаго, безъ изытія въ русское изыць. Се было истиннымъ восхищеніемъ слухати, якъ молодіи таланты свое быстроуміе въ науковыхъ упражненіяхъ на своемъ родномъ изыць изыщали и якъ превосходно въ такъ важномъ дѣлѣ поступали“. *Головацій*, О первомъ литературно-уметвенномъ движеніи Русииновъ въ Галиціи со временъ австрійскаго владыч. *Наука. Сборн.*

рѣчи 1810 г., проф. политической экономіи Рореръ, что когда нашъ Императорскій домъ получилъ эту область, двѣ трети ея населенія, именно весь русскій народъ не имѣлъ никакихъ ученыхъ и образовательныхъ заведеній, мало того, духовные кандидаты должны были проживать въ курныхъ избахъ Валавы (село около Черемыши), гдѣ они передъ рукоположеніемъ выучивали лишь нѣкоторые церковныя правила. Какъ все это измѣнилось надъ австрійской властью!“(1).

Галичане не могли не чувствовать всей правды этихъ словъ Рорера; они сами заявляли объ этомъ не менѣ торжественно. „Любезнѣйшіе собратья! говорилъ въ 1806 г. на собраніи русскаго епархіальнаго духовенства докторъ богословія М. Гарасевичъ, взгляните на современное положеніе нашего духовенства, и вы убѣдитесь, что оно никогда не достигало такой высокой степени. А благодаря чему? Благодаря милости кротчайшаго австрійскаго правительства, ибо съ того времени, какъ мы перенесли подъ власть мудрой, справедливой, кроткой и руководящейся либеральными принципами австрійской власти, съ нами обращаются отечески и наравѣ съ друзьями“. И подобныя рѣчи находили живой отголосокъ въ тогдашнемъ галицкомъ духовенствѣ. Вотъ какой всеподданныйшій адресъ составило оно въ томъ же собраніи. „Всемилостивѣйшій Монархъ! Не имѣя возможности явиться у твоего престола, мы стоимъ передъ твоимъ изображеніемъ и торжественно заявляемъ, что твои милости и благодѣянія, которыхъ мы стали участниками, останутся навсегда неизгладимы въ нашихъ сердцахъ, что русскій народъ и русскій клиръ (dass die ruthenische Nazion u. der ruthenische Klerus), все-

1865, стр. 80.—Здѣсь же данныя о состояніи русскаго преподаванія въ университетѣ.—Въ 1791 г. сдѣлано было распоряженіе объ учрежденіи русскихъ тринальныхъ училищъ во всѣхъ городахъ восточной Галичины, гдѣ нѣтъ нѣмецкихъ или польскихъ. Къ сожалѣнію, Голованцій не указываетъ, сколько было такихъ городовъ.

1) *Записки*. М. и Сл. II, 77. Факты, подтверждающіе справедливость словъ Рорера см. *Голосицкій*, к. в. стр. 75.

гда преданные своимъ повелителямъ, питають въ себѣ и своему престолу величайшую любовь и преданность, что мы, въ качествѣ учителей народа и отцовъ семей, какъ до сихъ поръ, такъ и впредь будемъ употреблять все наши усилія, чтобы при каждомъ случаѣ видѣрять нашимъ роднымъ и духовнымъ дѣтямъ неизмѣнную вѣрность, послушаніе, любовь и привязанность къ своему священному престолу, однимъ словомъ — чистый и истинный патріотизмъ, и что мы во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ, постараемся представить несомнѣнные доказательства, что австрійскій домъ въ своихъ обширныхъ государствахъ не имѣетъ никого болѣе преданнаго, чѣмъ русскій клиръ и русскій народъ въ Галичинѣ¹⁾. Этотъ документъ, при всей официальнойности своего стиля, въ сопоставленіи съ указанными выше фактами, кажется, не оставляетъ сомнѣній, что, при Маріи Терезіи и Іосифѣ, Австрія сыграла въ Галичинѣ роль культурнаго государства, — она не только установила закономѣрность внутреннихъ отношеній, но заботами о просвѣщеніи положила начало совершенно новаго культурнаго процесса въ жизни, галицкой Руси, создавъ новый слой ея интеллигенціи. Какими бы цѣлями это ни обусловливалось, все-же фактъ остается фактомъ.

Первыми представителями этого новаго слоя были воспитанники вѣнекой и особенно львовской духовной семинаріи и такъ наз. „русскаго института“ при львовскомъ университетѣ. Этимъ новымъ представителямъ галицко-русскаго общества уже нельзя было идти по старой дорогѣ — *gente ruthenus, natione polonus*. Надо было найти новый путь. Но эта задача была нелегка. Если бы галицкая Русь представляла отдѣльное, этнологически-самостоятельное племя, то не могло бы возникнуть и вопроса о выборѣ пути. Но галицкая Русь представляла народность, центръ которой находился внѣ австрійскаго государства. Правда, положеніе дѣлъ за предѣлами этого государства — въ западно-русскихъ земляхъ, по смерти Ека-

¹⁾ *Harasiewicz, Annales, 815 слл.*

терия II, не могло привлечь Галичанъ, и обвиненія въ тиготѣ къ Москвѣ были въ значительной мѣрѣ преувеличены, но, несомнѣнно, они вполне соотвѣтствовали вѣсѣ историческимъ завѣтамъ галицко-русской жизни, и хотя національныя теоріи въ то время не провозглашались, но національныя чувства и стремленія, конечно, существовали. Въ виду этого съ Галичиной связывались для Австріи сложныя комбинаціи какъ внутренней, такъ и внешней политики, и именно, это особенно осложняло развитіе галицко-русской жизни тѣмъ болѣе, что представители галицко-русскаго общества—сельскіе священники были крайне необезпечены и несамостоятельны. Вотъ почему для уясненія условій галицко-русской жизни въ ея новой обстановкѣ необходимо отмѣтить тѣ перемѣны, какія произошли въ этой политикѣ какъ разъ ко времени появленій первыхъ культурныхъ входовъ галицко-русской нивы.

Въ то время, когда Гараевичъ провозглашалъ свою рѣчь, когда галицкое духовенство составляло адресъ Императору, когда Гореръ такъ прославлялъ заботы Австріи о двухъ третяхъ населенія новой австрійской области, обстоительства уже рѣзко перемѣнились, а вмѣстѣ съ ними измѣнилось и отношеніе къ Галичанамъ чуткой и упрямой Австріи.

Прежде всего существенно измѣнилось внутреннѣе обстоительства. Со смертію Іосифа наступилъ, какъ извѣстно, поворотъ назадъ, къ старымъ порядкамъ. Въ условіяхъ галицкой жизни это не могло не сказаться самымъ печальнымъ образомъ. Правда, поворотъ не былъ произведенъ такъ рѣзко, какъ прежнія реформы, но, конечно, почувствовался очень скоро. Прежнія заботы правительства о крестьянахъ все болѣе и болѣе теряли свой рѣшительный характеръ. Власти продолжали еще говорить объ облегченіи положенія крестьянъ, но дѣйствовали уже гораздо слабѣе. Созваны были шляхетскіе сеймы. Польская шляхта въ Галичинѣ обнаружила страшную ненависть къ реформамъ Іосифа, но выраженныя ея желанія¹⁾

¹⁾ Франко, Паничина 40, гдѣ эти желанія изложены подробно.

были настолько несообразны, что Леопольд, въ концѣ концовъ, ограничился отъѣмой тѣлеснаго и для крестьянъ натепа о замѣнѣ барщины на деньги. Но преемникъ Леопольда окончательно уразднилъ духъ времени Юсефа. Съ 1798 г. окончательно прекратились всякіе толки о крестьянахъ, и вплоть до 1846 г. власти ограничивались мягкими напоминаніями доминиіамъ о требованіяхъ гуманности, о томъ, что не слѣдуетъ злоупотреблять „буками“ и т. п.¹⁾ При такихъ условіяхъ доминиіи возвратили себѣ почти все потерянное при Юсефѣ.

Крестьяне не могли не замѣтить поворота, но нѣкоторое время еще питали надежды. Въ 1817 г. Францъ II посѣтилъ Галичину и забралъ съ собою цѣлую груду крестьянскихъ жалобъ, поданныхъ чуть ли не всеми галицкими громадами, по пауценію нарочно разосланныхъ агентовъ²⁾. Крестьяне стали обнаруживать неовиновенія, но это повлекло за собой военныя экзекуціи. Въ 1823 г., при вторичномъ посѣщеніи Галичины, Императоръ обнаружилъ преимущественное вниманіе къ шляхтѣ, а когда въ слѣдующемъ году неожиданное усиленіе барщины въ сколькомъ округѣ вызвало крестьянскій бунтъ, и онъ былъ усмирень военной силой, галицкій крестьянинъ наконецъ понялъ, что его золотыя сны оказались пустыми мечтами³⁾.

По скольку ниже и ниже склонилась голова галицкаго „хлопа“, постольку выше подымали голову верхніе классы, за которыми стали прямо ухаживать губернаторы баронъ Гауэръ и особенно кн. Лобковицъ.

¹⁾ Постановленіемъ 1798, разрѣшавшимъ выкупъ панцины, но только при добровольномъ согласіи обѣихъ сторонъ, завершено было экономическій реформа въ Галичинѣ, а патентами 1802 и 1803 разрѣшено было помѣщикамъ прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но все таки требовалось согласіе влѣстей и докторское свидѣтельство. Въ 1806 разрѣшено было крестьянамъ жаловаться прямо влѣстямъ, безъ заявленія жалобы доминиіи, какъ было прежде. Франко, к. в. 45.

²⁾ Заневичъ. Знос. панц. 117.

³⁾ Подробности у Заневича, гл. 3. Франко. Панц. 46—48.

Одновременно весьма существенно изменились и взаимоотношения. Если въ началѣ Австрія опасалась Польшу, если ея реформаторская ревность и „радикальный“ или даже „анархическій“ (по характеристикѣ польскихъ изслѣдователей) образъ дѣйствій, быть можетъ, подогревался планами реформъ въ Польшу, то конституція 3 мая и особенно возстаніе Костюшка обнаружили полное безсиліе Польши во всѣхъ отношеніяхъ. Австрія не могла не убѣдиться, что Польша, какъ противогосударственная сила, не могла внушать никакихъ серьезныхъ опасеній; такъ какъ единственный опасный элементъ шляхта и шляхетскій пролетаріатъ, благодаря своему отношенію къ народу, представляли, въ сущности, штабъ безъ арміи, и слѣдовательно, безъ всякой силы. Съ другой стороны, отношенія Польши къ Россіи, ихъ католическая правотворность должны были представлять въ глазахъ Австріи гораздо болѣе надежное ручательство ихъ политической благонадежности, чѣмъ даніи того народа, который говорилъ на языкѣ, близкомъ къ „россійскому“ и въ силу этого не могъ не возбуждать подозрѣній.—Изученіе прошлыхъ судебъ этой народности — а къ этому сейчасъ-же приступили австрійскіе ученые — показало, что не только по языку, но и въ другихъ отношеніяхъ она была связана съ народомъ той могущественной державы, съ которой Австрія очутилась въ непосредственномъ соудѣствіи. Въ предисловіи къ Исторіи Украины, Галича и Владиміра Энгель съ ужасомъ предвидитъ возможность заявленія притязаній на Галичину со стороны Россіи, и если кто, то, конечно, прежде всего Австрія должна была обнаружить сильную чувствительность къ подобной перенективѣ, особенно въ виду громкихъ побѣдъ русскаго оружія во вторую турецкую войну. Одновременно въ воссоединенныхъ западно-русскихъ областяхъ обнаружилось движеніе къ православію. Оно было замѣчено въ Австріи ¹⁾ и, конечно, должно было понизить тѣ розовыя надежды, какія возлагала на унию Марія Терезія. Оно и послужило рѣшительнымъ толчкомъ къ

¹⁾ *Harasiewicz, Annales, 623, 682.*

учрежденію униатской галицкой митрополіи¹⁾, ставшей потомъ сильнымъ орудіемъ Австріи въ Галичинѣ.

Такимъ образомъ не только перемѣна внутренней австрійской политики, но особенно измѣненіе вѣнскихъ отношеній, съ окончательнымъ паденіемъ Польши, должно было отозваться крайне неблагопріятно на положеніи Галичины, на ростѣ и развитіи ея культурныхъ веходовъ. Императоръ Леопольдъ старался избирать даже слова *ruthenus*, замѣняя его терминомъ *graeco-catholicus*²⁾, а при его преемникѣ тягость положенія русскихъ стала еще болѣе чувствительной.

Въ 1805 г. „тривіальныя“ школы въ Галичинѣ отдаются подъ надзоръ католическаго духовенства; львовскій университетъ соединяется съ краковскимъ, а во Львовѣ образованы лицей. Остававшіеся при немъ, еле дышавшіи „русскій институтъ“ былъ упраздненъ 1808 г.³⁾, а его прежніе питомцы — первый слой взрожденной Австріей русской интеллигенціи стали обозначаться въ спискахъ духовенства пометкой „*veteris educationis*“ и получать не 300, а 200 гульденовъ содержанія⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій языкъ, при Іосифѣ официально называвшіеся *Landes-Volks-и Nationalsprache*, совершенно исчезаетъ въ консисторскомъ дѣлопроизводствѣ. Консисторскіе бумаги пишутся на всѣхъ языкахъ — по латини, по нѣмецки, по польски — но никакъ не по русски.

1) Галицкая митрополія учреждена 1808 г. Пастырское посланіе новаго митрополита Ангеловича у Гарасевича *Annal.* 787. Оно написано по русски. Вопросъ о русской митрополіи въ Австріи былъ поднятъ уже въ 1774 г. Тамъ-же. 579.

2) Впрочемъ и позже еще употреблялись выраженія *russica lingua, in russischer Sprache*, какъ въ примѣненіи къ лекціямъ въ университетѣ, такъ даже въ заявленіи объ учрежденіи Львовской митрополіи: „für die Russen griech kath. Ritus in Galizien“. *Голованскій*, О перъ. движеніи 80, 82.

3) Еще два года продолжалось русское преподаваніе у базилианъ въ Краснопущѣ, но затѣмъ замѣнено было латинскимъ, послѣ чего по русски обучали только въ народныхъ школахъ. *Голованскій*, к. в. 83.

4) *J. Lewicki, Rach Rusinów.* 20.

Перемена отношеній правительства къ русской народности сказывается наконецъ особенно ярко на народной школѣ. Въ 1812 году отмѣнена въ Галичинѣ установленная раньше школьная обязательность. Это, конечно, должно было отозваться главнымъ образомъ на русскомъ населеніи, тѣмъ болѣе, что одновременно доминіи передавали въ солдаты церковныхъ дьячковъ, бывшихъ учителями въ народныхъ русскихъ школахъ, хотя постановленіемъ 1788 они были освобождены отъ военной службы¹⁾. Въ 1816 высшая власть Галичинѣ уже прямо возбуждаетъ сомнѣнія на счетъ русскаго преподаванія въ народныхъ школахъ. Митрополиту предложено было обсудить слѣдующія соображенія: русскій языкъ лишь безъ нужды осложняетъ преподаваніе, особенно въ виду кирилловаго письма, которое употребляется только въ церковныхъ книгахъ; русскій народъ въ Галичинѣ большею частью понимаетъ по польски, а потому не целесообразно ли было бы вести начальное обученіе на польскомъ языкѣ, чтобы не возбуждать духа сепаратизма между жителями одной области и одной мѣстности; если бы, однако, митрополитъ съ этимъ не согласился, то не будетъ ли признано подходящимъ принять для русскаго языка латинскую азбуку?²⁾. Мотивы этого предложенія раскрываются въ другомъ губернскомъ отношеніи того-же года. „Для просвѣщеннаго, либеральнаго и справедливаго австрійскаго правительства, говорится здѣсь, нѣтъ никакихъ политическихъ основаній противиться обученію въ Галичинѣ польскому чтенію и письму, но если принимать во вниманіе соображенія политическаго свойства, то, конечно, менѣе благоразумно распространять вмѣсто польскаго „рутенскій“ языкъ, представляющій лишь нарѣчіе (Abartung) русскаго языка“³⁾. При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о народномъ образованіи въ особой комиссіи очень рѣшительно выступилъ противъ русскаго языка львовскій латинскій архіепископъ Анквичъ.

¹⁾ *Parasiewicz, Annales*, 986 сл.

²⁾ Тамъ-же, 994.

³⁾ *Головницкій, О первомъ движеніи*, 97.

Они заявлять, что вводить русскій языкъ въ школу значило бы превращать ее въ школу церковную — для причетниковъ и пономарей. „Галиція — часть Польши, и потому польскій языкъ считается въ ней народнымъ, если же желаютъ дать возможность хлону греко-католической вѣры читать катихизисъ и церковныя книги, то наилучше было бы переложить ихъ на польскій языкъ или по крайней мѣрѣ напечатать латинскими буквами, такъ какъ не слѣдуетъ для хлоновъ умножать паръчій и алфавиты“¹⁾).

Благодаря протестамъ митрополита, русскія народныя школы не были уничтожены и остались въ завѣдываніи русской консисторіи²⁾, но русскія дѣла оказались въ незавидномъ положеніи, а на „рутенскій“ языкъ брошена была сильная тѣнь. Съ разныхъ сторонъ слышались то указанія на его полную необработанность, то указанія на его связь съ русскимъ языкомъ въ Россіи. Въ виду этого митрополитъ счелъ нужнымъ въ 1818 г. рѣшительно заявить властямъ, что его галицкая паства вовсе не „русскіе“, а „рутенѣ“, что языкъ ихъ не русскій, а „рутенскій“; „русскій языкъ, говоритъ митрополитъ, рѣзко отличается отъ мѣстнаго рутенскаго

¹⁾ *Головацкій*, тамъ-же, 95.

²⁾ Школьные дѣла были, наконецъ, опредѣлены постановленіемъ 1818 г. Русское преподаваніе оставлено было только въ школахъ „исключительно греко-католическаго состава“, но и здѣсь обучали польскому чтенію и письму. Въ мѣстностяхъ смѣшаннаго состава заведено польское преподаваніе; правда, русскому населенію предоставлено было право построить и содержать для своихъ дѣтей русскія школы, но власти должны были наблюдать, чтобы такіе общины не принимали на себя непосильныхъ обязательствъ, но побужденію епископовъ. При этомъ такіе школы должны оставаться навсегда на содержаніи общины и не имѣли права на какаб. другую поддержку. — Школами латинскаго обряда завѣдуетъ лагисекій, школами русскаго обряда — русскій надиратель. Надзоръ за смѣшанными школами совмѣщается съ большинствомъ состава учениковъ. Вотъ главнѣйшіе пункты постановленія 1818 г. — Последній пунктъ давалъ поводъ къ сильнымъ злоупотребленіямъ, на что послѣдствія неоднократно жаловались Галичане. *Harasiewicz, Annales*, 228 слл.

и совершенно чужды греко-католическому населению Галичины“¹⁾.

Но это заявленіе представителя галицкой Руси, при всемъ его соответствіи интересамъ австрійской власти, тѣмъ не менѣе не успокоило ея, не ослабило ея подозрительности. Въ 1821 г. поступило въ цензуру настырское посланіе митрополита. Оно вызвало чрезвычайно интересный обменъ взглядовъ между высшей галицкой администраціей и митрополитъей консисторіей. Власти обратили вниманіе на языкъ посланія, будто бы „кирилловскій“ и будто бы никогда до сихъ поръ не употреблявшійся въ настырскихъ посланіяхъ, а лишь въ богослуженіи.— Оказалось, что для такого языка нѣтъ цензора, и потому административная власть просила митрополита употребить въ печатныхъ посланіяхъ понятный для населенія мѣстный народный языкъ. Митрополитъ отвѣтилъ властямъ нѣлымъ ученымъ трактатомъ, въ которомъ доказывалъ, что: 1) настырскія посланія связаны съ церковными дѣлами и потому не могутъ обойтись безъ выраженій, заимствованныхъ изъ церковнаго языка; народу эти выраженія понятны, такъ какъ онъ употребляетъ ихъ въ обычныхъ молитвахъ; 2) „Рутенское“ или малорусское нарѣчіе (Mundart) вовсе не какая нибудь смѣсь діалектовъ, а самостоятельная вѣтвь славянскаго праязыка, также точно, какъ „рутенскій“ народъ отдѣльная самостоятельная часть славянскаго племени. Это нарѣчіе имѣетъ свою исторію, совершенно отдѣльную отъ польскаго и его нѣкоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ собственно-русскимъ (велико-русскимъ)²⁾. Наконецъ 3) рядомъ фактовъ митрополитъ опровергаетъ заявленіе галицкихъ властей, будто подобный языкъ не употреблялся въ настырскихъ посланіяхъ³⁾.

¹⁾ *Harasiewicz, Annales, 997.*

²⁾ Это положеніе обосновывается всеми данными тогдашней науки, — указываются труды Энгеля, Шлендера, Добровскаго, Линде, Вандтге. Характерно, что и у насъ начинаются какъ разъ съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка толки и споры о русско-малорусскихъ отношеніяхъ, при чемъ также нередко высказывались мнѣнія о полной самостоятельности малорусской рѣчи.

³⁾ *Harasiewicz, Annales, 1000 слл.*

Такимъ образомъ къ 20-мъ годамъ прошедшаго вѣка не только вполне обнаружилась взгляды австрійскаго правительства на галицкую Русь, но и обозначились черты, въ какихъ выразилось пробужденіе народнаго сознанія представителей этой Руси. Ученый трактатъ, отправленный митрополитомъ въ галицкую президію, былъ составленъ однимъ изъ круннѣхъ представителей тогдашней Галичины, каноникомъ П. Могильницкимъ¹⁾, и его можно считать первымъ звеномъ въ той длинной цѣпи ученыхъ трактатовъ, по вопросамъ русской филологіи, исторіи и этнографіи, какихъ вѣроятно не мало хранится въ архивахъ вѣнскихъ и галицкихъ канцелярій и какіе до послѣдняго времени нерѣдко раздаются съ трибунъ австрійскаго парламента и особенно галицкаго сейма.

Суди по тому, что посланіе митрополита, возбуждившее сомнѣнія, повидимому, не было напечатано²⁾, можно думать, что ученый трактатъ не особенно успокоилъ галицкую президію. Мало того, съ 1826 г. самъ митрополитъ предпочитаетъ обращаться къ своей пастырѣ на польскомъ или латинскомъ языкѣ³⁾, а затѣмъ начинаетъ прилагать усиленія старанія къ устраненію и подавленію въ галицко-русской жизни всего, что могло подавать поводъ къ сомнѣніямъ. Въ 1839 г. одинъ изъ львовскихъ семинаристовъ изложилъ чувства австрійскаго патріотизма въ стихотвореніи „радостное привѣтаніе его імператор. высочества эрцгерцога Францишка Карля во Львовѣ“, но имѣлъ неосторожность напечатать оду не церковнымъ шрифтомъ, а гражданскою. Митрополитъ велѣлъ ее конфисковать⁴⁾:

¹⁾ Въ польскомъ переводѣ онъ былъ напечатанъ въ изданіи бібліотеки Оссолинскихъ, годъ второй.

²⁾ По крайней мѣрѣ, оно не отмѣчено въ Галицко-русской бібліографіи П. Е. Левицкаго.

³⁾ Даже посланіе 1840 г., по случаю возсоединенія зап.-русск. униатовъ, было давано по латини; латинское посланіе 1841 г., гдѣ главенство папы доказывалось на основаніи клятвъ восточной церкви появилось въ русскомъ и польскомъ переводахъ. Гал.-р. библ. изд. I.

⁴⁾ Галицкая Русь въ европейской политикѣ. Льв. 1886, стр. 56. Выдержку изъ этого стихотворенія см. у *Однотомство* Нер. литер. р. II. 280.

гражданка, очевидно, не отличалась австрийской лояльностью и была несовместима съ австрийскимъ патриотизмомъ¹⁾. Въ то же время консисторіи приходилось вести самую мелочную борьбу то съ латинскимъ духовенствомъ, продолжавшимъ по прежнему католическую пропаганду, то съ доминіями изъ-за русскихъ народныхъ школъ. Въ этой мелкой ежедневной борьбѣ, повидимому, истощалась вся энергія консисторіи. Тогдашній представитель галицкой Руси, митрополитъ Михаилъ Левинскій былъ человѣкъ безъ всякихъ принциповъ и своею безграничною угодливостію властямъ не мало содѣйствовалъ незамѣтному подавленію первыхъ проблесковъ галицко-русскаго пробужденія²⁾. Первые культурные входы галицко-русской инвы не могли въ тогдашнихъ условіяхъ не поблкнуть³⁾. Скоро они и совсѣмъ завяли.

Прнемотримъ къ нимъ поближе.

На смѣну стараго представителя галицкой Руси — „попашлепа“, неразрывно связаннаго съ народомъ и тьмою, и нуждою выступило новое поколѣніе. Оно получало образованіе въ вѣнской и львовской семинаріи, слушало лекціи въ львовскомъ

¹⁾ Первая книга, напечатанная на половину церковно-слав. шрифтомъ, на половину гражданкой появилась во Львовѣ лишь въ 1842 г. Гал.-р. библи. вып. I № 260.

²⁾ Весьма яркую характеристику какъ самого Левинскаго, такъ и Галицкой Руси въ его время представилъ *Polowański* (Hawryło Rysyn) *Zustände der Russinen in Galizien. Jahrbücher für slav Liter.* 1846; см. также у *М. Павліка*, Читальни, Льв. 1887 стр. 18 слл., разсказъ о мытарствахъ, какимъ подвергался въ 1820 — 30 годахъ одинъ преданный дѣлу народнаго просвѣщенія свящ. Григоровичъ, какъ со стороны доминій, такъ и со стороны митрополита.

³⁾ Примеромъ можетъ служить основанное въ 1816 г. П. Могилыцкимъ „Общество священниковъ“ въ Перемислѣ, задвинувшее невинной цѣлью изданіи букварей и катихизиса для народа. Оно, однако, возбудило подозрѣніе; дѣло доходило до Рима, гдѣ къ обществу отнеслись неодобрительно. Ровниное къ постороннему вмѣшательству правительство заступилось за общество, но поистинѣ, дѣйствовать въ такихъ условіяхъ было невозможно. *Parasiewicz, Annales*, 1142.

университетъ. Умственный горизонтъ этой новой Руси долженъ былъ несомненно значительно расшириться. Но, спрашивается, какія представленія о своей народности могла вынести эта Русь изъ новой школы? Въ ней проходило главнымъ образомъ католическое богословіе, — ясно, какое мѣсто могли занимать въ немъ русскій міръ. Съ другой стороны, галицкая Русь была теперь совершенно отрѣзана отъ остальной Руси политической границей. Она тщательно оберегалась, а возвращеніе мощей св. Іоанна въ Буковину, необыкновенная внимательность властей къ языку настырскихъ посланій митрополита показываютъ, съ какой заботливостью ограждали Галичанъ австрійскія власти отъ всего, что могло бы наводить ихъ на мысли не совсѣмъ благонадежныя съ австрійской точки зрѣнія. Русскій питомецъ львовской или вѣнской семинаріи встрѣчался здѣсь лишь съ немногими сородичами изъ угорской Руси; остальные были уніаты изъ Хорватіи и Трансильваніи; въ Виль были православные Сербы и Румыны, и русскій питомецъ совершенно незамѣтно привыкалъ смотрѣть на себя, какъ на составную часть австрійскаго конгломерата и въ то же время также незамѣтно долженъ былъ забывать о своемъ русскомъ родѣ-племени, отъ котораго его отдѣляла политическая граница, католическое богословіе, австрійская лояльность. Та Русь, которую новый галицко-русскій интеллигентъ встрѣчалъ въ дѣйствительной жизни, по выходѣ изъ школы, состояла по прежнему лишь изъ хлѣба, надъ которымъ по прежнему господствовалъ польскій панъ, кое-въ чемъ ограниченный австрійскою властью, но все же обладавшій и силой, и значеніемъ. Этотъ панъ не забылъ проилаго, которое тогда было вчерашнимъ днемъ, и мечталъ о его возвращеніи. „Подождите, говорили Поляки Галичанамъ, скоро мы вашего Івана (колоколь перемышльской церкви) перельемъ въ пушки“¹⁾. Эта угроза не могла не производить впечатлѣнія. Мы видѣли, какъ измѣнилось положеніе дѣлъ въ Га-

¹⁾ В. А. Дядицкій. М. Качковскій и современная галицко-русская литература. Льв. 1876.

личинѣ, а за ея предѣлами Польща оживала въ Виленѣ, въ
Кременцѣ, снова бралаась съ Литвой и козачествомъ въ по-
эзіи Мицкевича и въ польско-украинской литературной школѣ,
а въ соседней Холмщинѣ окончательно добивала послѣдніе
остатки Руси. Естественно, что бѣдный русскій интеллигентъ,
хотя бы даже докторъ богословія, не могъ не чувствовать
своего одиночества и слабости, трепетать при мысли о воз-
становленіи Польши и неразлучныхъ съ нею панинѣхъ и под-
водахъ, и не видѣть кругомъ никакой защиты, никакой опо-
ры, кромѣ австрійской власти. Вотъ почему въ приведенной
выше рѣчи доктора богословія Гарасевича, въ адресѣ галиц-
каго духовенства слѣдуетъ видѣть не оффиціальныи языкъ,
а выраженіе искреннихъ чувствъ галицкаго духовенства, пер-
ваго слоя взрожденной Австріей галицко-русской интеллиген-
ціи. Она, какъ молодое деревцо, требовала опоры для даль-
нѣйшаго роста, какъ требуетъ опоры и бережнаго ухода вся-
кое культурное явленіе, ибо безъ этого оно или вянетъ, или
вырождается и дичаетъ.

Среди старыхъ „поновъ-хлоновъ“ не могло быть ника-
кихъ колебаній по вопросу о народности. Жизнь, въ частности,
панскіи кнутъ ясно указывали русскому пону, хотя бы униат-
скаго обряда, его мѣсто, и польскія тенденціи нѣкоторыхъ га-
лицкихъ владыкъ оставались безъ всякаго вліянія. Въ то же
время среди прежняго поколѣнія галицко-русскаго духовен-
ства попадались перѣдко церковные начетчики, „дышавшіе ти-
никомъ и исатирію“, попадались люди высокаго религіозно-
національнаго одушевленія, крѣпко помнившіе завѣты своего
великаго земляка Іоанна Вишенскаго.—Эти завѣты поддержи-
вались до конца XVIII в. представителями скита маньевского,
такъ ярко воплощавшими въ себѣ религіозно-національные
идеалы всего западно-русскаго народа. „Твоя родителька“
(т. е. православная церковь)—никогда одинъ изъ такихъ пред-
ставителей галицкой Руси—„не въ роскошахъ свѣта того, але
въ гуняхъ, скурахъ, голосянницахъ, по горахъ, лѣсникахъ, про-
пастяхъ волочающихся, опущенныхъ, утисненыхъ, поруганіе...
темницы, камѣніе, илованіе, мечи стокrotnie ноносящихъ, ко-

торыхъ не было гонимъ свѣтъ сыновъ сподобая, такихъ и вѣкъ сыновъ теперешнихъ вѣсточныхъ мѣти хотѣть, то е вамъ на тестаментъ zostавуесть, абысте, прошедши туль сквозъ огонь и воду, выражаены были до оного вѣчного покою“¹⁾).

Какими ничтожными карлами являлись сравнительно съ такими представителями галицкой Руси молодые вѣнскіе и львовскіе богословы съ своимъ главою митрополитомъ и кардиналомъ М. Левицкимъ. Они путались въ опредѣленіи своей народности, говорили большею частью по польски, молились по русски (такъ, по крайней мѣрѣ, они сами полагали, считая н.-славянскій языкъ русскимъ), но плохо понимали смыслъ молитвъ, а потому не особенно довѣряли ихъ силѣ. Были священники, которые слова: „сіе есть тѣло мое, сія есть кровь моя“ произносили про себя по латини²⁾. Поворожденнымъ они перѣдко давали имена Трусъ, Верига, потому что въ святцахъ встрѣчали выраженія: поклоненіе честнымъ веригамъ, память великаго труса въ Цареградѣ и считали эти слова личными именами святыхъ³⁾. Полное раболѣпіе передъ латинствомъ санкціонировалось самимъ митрополитомъ, который однажды служилъ въ вѣнской церкви объѣду на опрѣночкѣ⁴⁾. При такомъ положеніи, борьба русской коненеторіи съ латинскимъ духовенствомъ, по поводу перехода униатовъ въ латинство, терила всякій идеальный смыслъ и получала характеръ приниравельствъ за стаю строгихъ овецъ. Если первое поколѣніе взрожденной Австріей галицко-русской интеллигенціи и представляло нѣкоторый матеріалъ для образованія народнаго представительства, то уже слѣдующее за нимъ поколѣніе

¹⁾ *Цѣлеслѣчѣ*. Сжитъ Манивскій 132. Выдержка изъ хранищей-ся въ библ. Особлиньскихъ рукописей: „Негоріи о лиетрійскомъ, то сѣть о разбойническомъ Ферарскомъ або Флорентійскомъ синодѣ въ коротцѣ правдивѣ сниссана“.

²⁾ Одного изъ такихъ священниковъ Заевичъ называетъ по фамиліи: Парилоничъ.

³⁾ *И. Свистунъ*. Прикарп. Русь. I, 185.

⁴⁾ *В. А. Дидиурскій*. М. Качковскій, 82.

представляло лишь разнообразія варіантіи культурно-національного перерожденія. О народности оно имѣло самое смутное представление: „*Russini*“, по старой традиціонной терминологіи, стали теперь, по новой австрійской терминологіи, „*Rutheni*“. Но, собственно говоря, „рутенство“, какъ чистое офіціальная форма, могло держаться лишь въ томъ вѣшеніи.—и въ то же время крайне тѣсномъ—митрополичьемъ и епископскомъ кругѣ, который время отъ времени приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ высшими австрійскими властями. Для остального галицко-русского общества „рутенство“ могло имѣть лишь одинъ смыслъ—забыть о родственной народности за пограничными столбами.¹ Сколько нибудь опредѣленнаго содержанія оно въ себѣ не заключало. Складъ общественной жизни и отношеній допускалъ по прежнему лишь польскія формы для высшихъ проявленій жизни. Русскій элементъ представлялъ по прежнему грубую, инертную массу. Единственную конкретную форму, съ которой могло быть связано представленіе о Руси, составлялъ церковный обрядъ и обстановка. Въ этого оставались лишь крайне смутныя представленія о „великой русской матери“¹⁾ о славномъ русскомъ прошломъ, которое, однако, привело къ печальному настоящему, и следовательно, самое воспоминаніе объ этомъ прошломъ могло питать лишь элегическое настроеніе и пассивность. На такой почвѣ легко могла воскреснуть старая форма—„руениство“, обозначающая русскую лояльность въ отношеніи къ бывшему польскому государству и приводившая къ полной колонизаціи. Но, по крайней мѣрѣ въ первой четверти XIX в., трудно было возстановить въ Галичинѣ прежнюю жизненность формы—*gente ruthenus, natione polonus*: слишкомъ еще живо чувствовалось то рѣзкое раздѣленіе русской и польской народности, какое такъ рѣшительно поддерживали австрійскія власти

¹⁾ „Велика русска мати“ было любимое изреченіе того М. Гарасевича, рѣчь котораго духовенству мы привели выше. Ему же принадлежатъ *Annales ecclesiae ruthenae*—одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ галицкой жизни до половины прошлаго вѣка.

въ первые десятилѣтїя господства Австріи въ Галичинѣ. Ставъ непосредственной соедкой русскаго государства, Австрія, какъ мы видѣли, рѣшительно измѣнила свое отношеніе къ галичкѣй Русси, но, несмотря на свою опытность въ обращеніи съ разными народностями, она, все-же, какъ будто нуталась въ сложныхъ до крайности галичскихъ отношеніяхъ. Благодаря этому, въ галичко-русской жизни выдвинулось снова очень замѣтно польское вліяніе. Всего ярче это сказалось въ вопросахъ о языкѣ и азбукѣ.

Какъ ни печально было положеніе т. наз. „русскаго инстицута“ во львовскомъ университетѣ, все же, благодаря ему, живое значеніе славяно-русской книжности протянулось для Галичины и на XIX в. Благодаря этому, возможны были такіе любители древнихъ памятниковъ русской письменности, какъ напр. И. Могильницкій, а можетъ быть, и тѣ восемь священниковъ, которые, вмѣстѣ съ нимъ, составили извѣстное намъ перемишльское общество. Въ языкѣ этихъ старыхъ памятниковъ они усматривали свой настоящій русскій языкъ. Могильницкій даже полагалъ, что „въ теченіе вѣковъ этотъ языкъ несколько не измѣнился“. На этомъ языкѣ и писались настоятельны посланія. Но въ австрійскихъ властяхъ эти посланія вызвали сомнѣнія: а что, если языкъ ихъ не *ruthenische*, а *russische Sprache*? Галичане, однако, были настолько твердо убѣждены, что это ихъ языкъ, что и прежде посланія писались на такомъ-же языкѣ, что даже митрополитъ Левинскій не усумнился, какъ мы видѣли, подписать объявленіе Могильницкаго. Но объявленіе не подействовало, власти по прежнему продолжали указывать на мѣстный народный говоръ, а Галичане вовсе не были въ такомъ положеніи, чтобы сказать имъ: оставьте заботы о нашемъ языкѣ, языкъ—это наше дѣло, и мы съ нимъ какъ нибудь справимся. Условія галичкѣй жизни были настолько исключительны, что даже долго спустя, послѣ того какъ правительство заявило, что забота о языкѣ и литературѣ не входятъ въ кругъ дѣятельности властей, Галичане сами сообщали этимъ вопросамъ политическій характеръ, сами привлекали къ нимъ вниманіе властей, требовали

нихъ внимательства, и, конечно, власти оказывали вниманіе съ большимъ удовольствіемъ. Благодаря этому, вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галичинѣ не рѣшенъ окончательно и теперь.

Одновременно власти предлагали Галичанамъ латинскую азбуку. Тутъ ужъ они не ограничились пассивнымъ сопротивленіемъ; а запротестовали открыто. Этотъ протестъ представлялъ любознательную страничку галицкой жизни.

Указаніе властей на латинскую азбуку начинаются, какъ мы видѣли, со втораго десятилѣтія XIX в. „Кроткое австрійское правительство“ не прибѣгало въ этомъ случаѣ къ какимъ нибудь рѣшительнымъ мѣрамъ. Оно видѣло, что книжная производительность Галичины на русскомъ языкѣ ограничивалась, въ сущности, нѣсколькими букварями и катихизисами, а все остальное писалось по латыни, по польски или по нѣмецки¹⁾. Оно знало также, что въ домашнемъ обиходѣ Галичане по неволѣ слѣдовали совѣтамъ; такъ какъ русской скорописи не знали²⁾. Эта домашняя практика, еще, конечно, не означала сознательнаго желанія отречься отъ своей азбуки и замѣнить ее латинской; но она представляла яркую иллюстрацію галицко-русской жизни, все болѣе и болѣе затягиваемой чужими чертами. Въ 1823 г. многочисленные родственники и друзья одного изъ сельскихъ галицкихъ священниковъ, Романа Авдыковского издали по случаю 50-лѣтія его священства *Wieniec z sere żyezliwych*, гдѣ, между прочимъ, имѣется и русское стихотвореніе. Оно напечатано латинскими буквами. Шесть листковъ этого скромнаго „Вѣнца“ — яркая фотографическая картинка культурной жизни тогдашняго галицко-русскаго общества: польскіе и русскіе стихи рядомъ, причемъ послѣдніе на славяно-русскомъ языкѣ и латинскими

¹⁾ См. галицко-русс. библиографію М. Е. Левицкаго.

²⁾ Съ русской скорописью Галичане познакомились по грамматикѣ *I. Левицкого. Grammatik d. ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien. Przemyśl 1834*, при чемъ Левицкій скопировалъ образцы русской скорописи по нѣмецкой грамматикѣ *Tanne. Головацкій* Воспоминанія. Литерат. Сборн. Гал.-р. митицы. 1885 стр. 137.

буквами¹⁾. 20—30 лѣтъ спокойнаго хода такой жизни, и тишина ея сгладилась бы незамѣтно: русскій языкъ исчезъ бы также точно, какъ исчезли русскія буквы. Но времена настали неспокойныя. Ръшительный тонъ польскихъ членовъ известной намъ комиссіи по школьнымъ дѣламъ — архіепископа Анкивича, каноника Минасевича, настаивавшихъ на томъ, что подъ выраженіемъ „русскій языкъ (ruthenische Sprache) слѣдуетъ разумѣть именно простонародную „хлопскую“ рѣчь, что для „хлоповъ“ незачѣмъ умножать алфавиты, долженъ былъ заставить Галичанъ задуматься надъ употребленіемъ латинской азбуки въ домашней практикѣ. Къ тому же, съ именемъ Анкивича связывался и выхлопотанный имъ 1818 г. правительственный декретъ, по которому частіа обрядовыя недоразумѣнія, особенно при смѣшанныхъ бракахъ, разрѣшались въ общемъ не въ пользу Русскихъ²⁾. Можно поэтому предполагать, что уже въ 20-хъ годахъ галицкіе священники должны были часто толковать между собою не только объ обрядовыхъ вопросахъ, но и объ азбукѣ³⁾. Въ 30-хъ годахъ „азбучный“ вопросъ вызываетъ уже оживленную полемику.

Въ 1833 г. былъ изданъ во Львовѣ сборникъ народныхъ пѣсенъ В. Залѣскаго. Русскія и польскія пѣсни были здѣсь соединены вмѣстѣ. „Я не думаю, говоритъ по этому поводу Залѣскій, чтобы черезъ это я сдѣлалъ свой сборникъ менѣе пригоднымъ для поляковъ и для „русиновъ“, напротивъ, я думаю, что, благодаря этому онъ станетъ гораздо полезнѣе для тѣхъ и другихъ. Каждый русинъ понимаетъ польскія пѣсни, и полякъ пойметъ русскія, если только захочетъ

1) Гал.-русс. библиогр. I. № 63. Среди подписей въ „Видцѣ“ имѣется и подпись внука юбиляра, 12-лѣтняго М. Шаникевича. *Оюновскій*. Пет. р. лит. II. 358.

2) *Parasiewicz*. 1054. *Pelesz*, Geschichte d. Union. II. 1003.

3) Любопытныя подробности о тогдашнемъ бытѣ гал.-р. священниковъ старшаго и младшаго поколѣній, а также о волновавшихъ ихъ вопросахъ см. у *Индиргата*, М. Качковскій и его жес статьи, вмѣстѣ съ автобіографіями нѣкоторыхъ галицкихъ дѣятелей въ *Литер. Сборн. гал.-р. митлицы* 1885 и 1886 г.

и предположить некоторое стараніе; кроме того, историческія русскія пѣсни воспеваютъ событія изъ польской исторіи и въ этомъ отношеніи онѣ опять принадлежать къ польскому сборнику. Съ болѣе широкой точки зрѣнія, это отлученіе „русиновъ“ изъ нашей литературы кажется мнѣ очень вреднымъ для цѣлой славянской литературы, къ которой мы всегда обязаны стремиться. Словаки, Слезяки въ Силезіи, Моравяне пристаи къ Чехамъ. Къ кому же могутъ пристать „Русины“? Неужели же мы должны желать, чтобы они имѣли свою особую литературу? Что-же сталося бы съ нѣмецкой литературой, если бы каждая нѣмецкая народность стремилася имѣть свою литературу? Кто меня въ этомъ пунктѣ не понимаетъ, тому помочь я не могу; такъ какъ мнѣ неудобно говорить яснѣе“. Эта недомолвка Залѣскаго не могла не возбудить толковъ и сомнѣній. Въ исключительныхъ, какъ сейчасъ увидимъ, условіяхъ того времени она должна была стать очень сильнымъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ польской азбуки, не могла не набросить тѣни и на совѣты Конигтара въ томъ-же духѣ. Но нашлись и принципиальные сторонники латинской азбуки. Въ 1834 г. въ журналѣ „Rozmaitości“ появилась статья молодого священника Іосифа Лозинскаго „O wprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego; затѣмъ тотъ-же Лозинскій напечаталъ въ Перемишлѣ описаніе русской свадьбы (Ruskoje wesile). Вопросъ былъ поставленъ прямо, но предложеніе встрѣтило рѣшительный протестъ, какъ со стороны старшаго, такъ и младшаго поколѣнія¹⁾. Русская — точнѣе, церковно-славянская азбука получила значеніе народнаго знамени, и за него встали все, хотя по прежнему русскую скоропись знали очень немногіе²⁾. Указанные вопросы

¹⁾ Огоновскій, II. 141, сообщаетъ, что Лозинскій былъ „снопукарь“ помѣщикомъ Гв. Павликовскимъ. Въ автобіографіи Лозинскаго этой подробности нѣтъ, а на приходъ въ имѣніи Павликовскаго онъ перешелъ лишь въ 1836 г. Во всякомъ случаѣ подробность интересная. Въ 1848 Гв. Павликовскій былъ главой польскаго „Землетѣтя“ и его органа „Polska“. *Schnür-Pepl. Z przeszłości.* 504.

²⁾ Гражданка, какъ мы видѣли, появляется во Львовѣ лишь въ 40-хъ годахъ. Молодые священники того времени вовсе не знали

составляютъ въ галицкой жизни своего рода замкнутый кругъ, и съ ними намъ еще придется встрѣтиться не разъ.

Начиная съ 30-хъ годовъ къ прежнимъ факторамъ галицкой жизни присоединяется новый. Онъ былъ вызванъ неудачей польской революціи.

Изъ всѣхъ неудачныхъ попытокъ возстановленія Польши эта неудача отозвалась въ польскомъ обществѣ всего чувствительнѣе. Польша возстала съ 30-тысячной арміей, а положила оружіе, имѣя 70 т. войска, при всеобщихъ симпатіяхъ Евropy и благосклонномъ нейтралитетѣ Пруссіи и Австріи. „Больше благоприятныхъ условій нельзя было ожидать, и тѣмъ не менѣе тотъ, кого польская рука должна была отбросить за Дибиръ, остался на берегахъ Вислы, а масса участниковъ революціи должна была оставить Польшу и нести прѣота и кровительство Франціи“¹⁾.

Много горькихъ думъ пришлось передумать польской эмиграціи, и, въ результатъ этой уметвенной работы, она раскололась на двѣ главныя партіи—консервативную, съ номинальнымъ королемъ Ад. Чарторижскимъ во главѣ, и демократическую. Сходясь въ основной цѣли—возстановленія Польши, онѣ совершенно расходились въ средствахъ достиженія этой цѣли. Въ этомъ отношеніи идеи польской демократической партіи представляютъ интересъ и для насъ.

Такъ наз. „молодая Польша“ составила одну изъ частей международной организаціи („молодая Европа“) и выступила

русской грамоты. На одного священника поступила въ консисторію жалоба крестьянина, что онъ не хотѣлъ выдать ему метрическаго свидѣтельства о рожденіи отца. На запросъ консисторіи священникъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ прочесть старую метрическую книгу, такъ какъ она писана по русски; „онъ учился въ школѣ разнымъ языкамъ—польскому, нѣмецкому, латинскому, греческому, еврейскому, халдейскому и итальянскому и имѣлъ по всемъ этимъ предметамъ прекрасные аттѣсты, но русскому языку онъ не учился“. *Dołosański, Zustände d. Rusinen.* Совершенно тоже было и въ русской Холмщинѣ.

¹⁾ *Запевчикъ*, Знесене панц. 5.

на сцену съ девизомъ: „все для народа черезъ народъ“. Это и сообщаетъ ей характеръ существенно отличный отъ партіи консервативной, стоявшей на шляхетской основѣ и возлагавшей надежды на помощь еврейской дипломатіи.— Демократическая партія отказывалась совершенно отъ шляхетскихъ мечтаній, считала шляхту главнымъ виновникомъ бѣдъ польскаго народа. Она относилась отрицательно къ фактическому прошлому Польши, даже къ конституціи 3 мая, но тѣмъ болѣе глубоко она вѣрила въ неосуществленные идеалы польскаго народа—идеалы свободы, равенства, братства, которые, по ея взглядамъ, нигдѣ не сказывались такъ ярко, какъ именно въ польской исторіи, хотя нигдѣ и не попирались столь безнаочно¹⁾.

Начиная съ 1833 г. въ Галиціи возникаетъ много кружковъ, примыкающихъ къ идеямъ польскаго демократическаго общества. Центромъ ихъ дѣятельности является сначала „вольный городъ“ Краковъ, а съ 1836 г. Львовъ. Особенное значеніе получаетъ „Общество польскаго народа“ (*Stowarzyszenie ludu polskiego*), основанное самымъ крупнымъ представителемъ польско-украинской поэзіи С. Гощинскимъ. Общество это проповѣдывало идею самостоятельной Польши въ связи съ славянской федераціей и пріобрѣтало многочисленныхъ сторонниковъ. Проповѣдуемыя имъ идеи составляли своего рода евангеліе и оказывали сильное вліяніе на умы молодежи, тѣмъ болѣе, что проповѣдники этого евангелія были гонимы властями и даже шляхтой. Галицкая учащаяся молодежь хватала это евангеліе съ необыкновеннымъ жаромъ, а демократическій его характеръ не могъ не оказывать вліянія и на русскую молодежь. Въ Самборѣ и Перемишлѣ кружки завязались, повидимому, съ начала 30-хъ годовъ²⁾. Въ частности, съ самборскимъ кружкомъ связана чрезвычайно интересная личность К. Ценглевича, посвятившаго себя социаль-

¹⁾ W. Heltmann. *Demokracja polska na emigracyi*. Lipsk. 1866.

²⁾ *Schnür-Peplowski. Z przeszłości Galicyi*, гл. IX.

ной пропаганды новых политических идей среди галицко-русского народа. Съ этою нѣлю Ценглевичъ сочинилъ русскіе стихи и составилъ „Инструкцію для учителей русскаго народа“. Другую интересную личность того-же самборскаго кружка представляетъ Попель, авторъ стихотворенія „Rusyn na praznyki“¹⁾. Представители галицкихъ кружковъ „молодой Польши“ готовили польско-русскую унію гораздо большаго значенія, чѣмъ люблинская — унію основныхъ принциповъ и идеаловъ молодого русскаго и польскаго поколѣній. Но дѣйствительное достиженіе такого единенія было не такъ легко, какъ это казалось молодымъ мечтателямъ. Не говоря уже о томъ,

¹⁾ *Франко*. Шевченко героємъ польской революціонной легенды. Жито и Сл. т. I. Здѣсь интересныя подробности о дѣятельности въ Галицкой Руси пропагаторовъ идей „молодой Польши“. Франко усматриваетъ въ этой дѣятельности источникъ извѣстной легенды о „катицизаціи съ зернами пшеницы“, приписываемой нерѣдко Шевченку. Рукопись „Инструкціи для учителей русскаго народа“ г. Франко нашелъ въ библіотекѣ Осесинскихъ, и сообщилъ краткое ея содержаніе въ той-же статьѣ; печатный текстъ ея былъ, однако, конценсированъ. См. Жито и Сл. т. IV. 325. Стихотвореніе Попеля „Rusyn na praznyki“ напечатано въ Ж. и Сл. т. IV. 195 сл. Какъ и въ стихотвореніяхъ Ценглевича, здѣсь проповѣдуется любовь и согласіе Польши и Руси — дѣтей одной матери, „Szezo sia razem Polska zwrę“. Кончается это стихотвореніе такъ: Powstańmyś! dopokiz żduty! Dokiż budem szeze czekaty! Czas nam damnyj ne widdast' Wiece prawu naszym szeszast',—W kosach musim ho szukaty. Wytnim Nimciw najizdnykiw, A szeszastywch diżdem wikiw“. А вотъ какъ кончается стихотвореніе Ценглевича „Затужимъ.“ „Ви єсть Польки, нашіє євонки, били єя з цѣсарами; Ой ви єя били, цо бисьмо віджили, стали єя вамъ братами. Ви наєь од нанів, ви від царів хотіли єте відбиги, Ви то панцину, ви здеранину хотілиєте згубити“. Такъ, по Ценглевичу, обращается къ Полякамъ русскій „холодъ“. „Въ Галичинѣ, замѣчаетъ по этому поводу Франко, гдѣ наєь и полякъ — синонима, этотъ стихъ долженъ былъ производить нѣсколько странное впечатлѣніе“. Ж. и Сл. I, 391. Что касается народности Касира Ценглевича, то Франко считаетъ его Полякомъ, ссылается на его біографію въ Gaz. Nar. 1886 N 227—233. *Schnür-Pap.* на основаніи того-же источника считаетъ его русиномъ. — Попель обыкновенно считалъ русиномъ.

что стихи Ценглевича и Понели едва-ли могли оказать какое-нибудь впечатлѣніе на русскую народную массу уже потому, что языкъ ихъ былъ очень плохъ, а идеи были совсѣмъ чужды народу, но кромѣ того были и другія замѣнки весьма существеннаго свойства. На нихъ прекрасно указать Запечичъ, и мы позволимъ себѣ привести его слова.

„Какъ представительница демократическихъ идей польская революціонная пропаганда торжественно провозглашала идеи правды, народнаго братства, равенства и свободы, а первое слово, съ которымъ она обращалась къ русскому народу было рѣшительнымъ отрицаніемъ всѣхъ этихъ великихъ идей. Она обѣщала ему свободу отъ панщины въ новой Польшѣ, если онъ ее возстановитъ. Это было первое принципиальное противорѣчіе пропаганды: она считала невозможнымъ возстановленіе Польши безъ предварительнаго уничтоженія панщины, но также невозможнымъ считала она уничтоженіе панщины безъ предварительнаго возстановленія Польши. Кромѣ того свобода отъ панщины должна была быть даромъ польской демократіи, такъ какъ ни паны, ни правительство ея бы не дали; а за этотъ даръ русскій крестьянинъ долженъ былъ считать себя членомъ великаго польскаго народа, долженъ былъ отказаться отъ своей русской народности, такъ какъ его мать—Польша, и онъ отличается лишь вѣрою отъ другихъ Поляковъ. Это и составляло второе глубокое внутреннее противорѣчіе польской демократіи: на своемъ знамени она представляла братство и свободу народовъ и въ то же время отказывала русскому мужику въ этой свободѣ, конфискуя ее въ пользу польской народности. Выходило, такъ обр., что польское демократическое евангеліе въ отношеніи къ русской народности отличалось отъ исторической системы феодальной Польши развѣ только тѣмъ, что на мѣстѣ гегемоніи одного общественнаго класса ставило гегемонію всего польскаго народа... Изъ этихъ противорѣчій у польской демократіи не было никакого выхода. Ея евангеліе не только не допускало примѣненія національной свободы къ русской народности, но, напротивъ, по отношенію къ ней оно совершенно ломало свой

главный принципъ и сознательно закрѣпляло русскую народность будущей Польши. За обманъ уничтоженія экономической нации должна была тѣмъ сильнѣе удержаться нація на національная и политическая. Какъ польская шляхта не могла себѣ представить свободной Польши безъ экономической нации, такъ не могла себѣ ея представить польская демократія безъ національно-политической нации русскаго мужика" (Знесс. напц. 77—79).

Выступая съ пламенной защитой интересовъ польскаго народа, „молодая Польша“, съ одной стороны, также пламенно выступала противъ правъ русской народности, инстинктивно чувствуя ихъ непримиримость съ идеалами о великой Польшѣ „отъ моря до моря“, съ единымъ 22-милліоннымъ польскимъ народомъ на всемъ этомъ пространствѣ.

Русская молодежь увлекалась пылкимъ идеализмомъ „молодой Польши“, но не могла не чувствовать некоторыхъ внутреннихъ противорѣчій. Скоро дѣло выяснилось вполне.

Въ 1836 г. на одномъ изъ засѣданій верховной власти „Общества польскаго народа“ разсматривалась жалоба принятыхъ въ общество русскихъ богослововъ, по поводу того, что въ названіи общества не отмѣченъ русскій народъ и слѣдовательно на него не обращено никакого вниманія. „Если бы польскіе демократы признали справедливымъ это робкое заявленіе пробуждающагося народнаго чувства, то вѣроятно дѣло осталось бы безъ послѣдствій. Но это заявленіе показалось властямъ „Общества“ несмысленною дерзостью. Гдѣ-же былъ этотъ русскій народъ, который желать равноправія съ польскимъ? Развѣ Галичина не была соединена съ польскимъ государствомъ со временъ Казимира В. Развѣ она не была такъ основательно ополячена, что этотъ якобы русскій народъ состоялъ лишь изъ хлоповъ и поповъ? Развѣ русскій языкъ не былъ лишь языкомъ церковнымъ и простонароднымъ говоромъ. Развѣ русскіе поны не пользовались польскимъ языкомъ и въ проповѣдяхъ, и въ общественныхъ сношеніяхъ? Высочайшая оговорка, какую получили русскіе члены русскаго общества, была: „мы не имѣемъ никакого права на Галичину“.

нарін образовалась русская или, как ее называли Поляки, „московская“ партія¹⁾.

Такимъ образомъ, Русь встрѣтила со стороны „молодой Польши“ тоже въ сущности отношеніе, какое обнаружили къ ней архіепископы Свраковскій и Анквичъ. Власти „Общества польскаго народа“ вполне разъяснили русскимъ богословамъ смущавшую ихъ недомолвку Зальекаго²⁾. Въ то же самое время сборникъ Зальекаго представлялъ яркій примѣръ того романтическаго одушевленія народностью, которое составляло характерный признакъ времени и не могло не проникнуть и въ стѣны львовской русской семинаріи. Семинарская молодежь не могла не поддаваться впечатлѣніямъ той русской народной стихіи, которою, какъ ни какъ, было окружено ея дѣтство и домашній обстановка³⁾. Вотъ почему появленіе

1) *Записки*. Жите и Ст. II. 435. Этотъ фактъ сообщаетъ *M. Sala*. *Gesch. d. polnisch. Aufstandes vom J. 1846 nach authentischen Quellen dargestellt*. Wien 1867.

2) Замѣчательно, что именно въ 1836 семинаристы рѣшили произносить русскія проповѣди. Головацкій сообщаетъ объ этомъ характерную подробность: „Плешкевичъ первый приготовилъ русскую проповѣдь для городской церкви — но, подумайте, якова была сила предубѣжденія и обычая! Проповѣдникъ вышелъ на амвонъ, перекрестился сказалъ славянскій текетъ и посмотрѣвъ на интеллигентную публику, не могъ произнести русскаго слова. Смущенный до крайности онъ взялъ тетрадку и занялся переводить свою проповѣдь и съ трудомъ кончилъ оную. Въ семинаріи рѣшили, что во Львовѣ нельзя говорить русскіхъ проповѣдей, развѣ въ деревняхъ; но Пашкевичъ отстоялъ, чтобы никто изъ русскіхъ семинаристовъ не крестился по польски (*i ducha świętego*), чтобы проповѣдникъ текетъ всегда сказалъ прежде по славянски и чтобы никто не надѣвался комжи, хотя бы пришлось проповѣдывать въ костелѣ, что тогда часто случалось, чтобы такимъ образомъ нашъ проповѣдникъ всюда представлялся русскимъ и не стеснялся между латинниками. Въ это время то значило надѣться въ народномъ дѣлѣ“ (Воспоминанія, 26). Ср. однако *Осново-сл.*, II. 366 и 367 пр. 1. Совершенно отвѣченное освѣщеніе нѣкихъ этихъ отношеній у *Пашки*. *Истор. р. эногр.* III гл. 4-я и особенно 8-я.

3) Рядъ фактовъ см. въ указанныхъ выше статьяхъ *Дит. Сборника* галл. р. мѣстны 1885 г. 1886 г. Письма къ Погодину. М. 1879.

такъ наз. „русской тройцы“ (М. Шанкевичъ, Н. Вагилевичъ, Я. Голованскій) въ стѣнахъ русской семинаріи не представлять ничего удивительнаго.

Русска мати насъ родила,
 Русска мати насъ повила,
 Русска мати насъ любила, —
 Чому жъ мова ей не мила?
 Чомъ ся невь ветыдати маемъ?
 Чомъ чужую полюблемъ?

Пробуждалось желаніе поработать на пользу Руси, „гнать мраки тьмавы“, содѣйствовать измѣненію тѣхъ тяжелыхъ условій, которыя сообщали галицко-русской жизни такой безотрадный характеръ. „Часъ уже Лихамъ перестати, а намъ Русинамъ начинати“ написалъ одинъ изъ семинаристовъ въ семинарскій альбомъ.

Гей, кто Русинъ, за ратице!
 Въ крѣпки руки мечъ ясный;
 Шарка стрѣла наї засвище:
 Гордый Лише, день не твоїй.

Еще въ 1833 г. семинаристы составили рукописный сборникъ стихотвореній¹⁾. Они-же (главнымъ образомъ Шанкевичъ) выступили энергично противъ предложенія Лозинскаго о латинской азбукѣ²⁾, а въ 1837 г. стараніями „русской тройцы“ былъ издавъ въ Пемтѣ извѣстный сборникъ галицко-русскихъ народныхъ пѣсень „Русалка Дибетровая“.

Судьба одного галицко-русскаго ученаго. Изъ исторіи галицко-русской письменности. К. Стар. 1883. Июль и Авг. Объ статьи Голованскаго. Матеріалы и uwagi до исторіи австро-русскаго возрожденія Жито и Сл. III, кн. 1.

¹⁾ Сынъ Русъ или собраніе стихотворень въ рускимъ языкѣ ѿ клеру Семинаріи еперальной въ Львѣгородѣ, русскаго краю Метрополіи. Р. 1833. *Одновесій*, II, 364.

Такъ въ общихъ чертахъ выразилось новое пробужденіе галицкой Руси. Въ основѣ его лежало непосредственное вліяніе живой народной стихіи, но оно усиливалось еще воздѣйствіями славянскаго возрожденія и тѣми проявленіями пробужденія интереса къ южно-русской народности, какія обнаружались въ то время въ Россіи.

Понятно, что при такомъ поворотѣ въ уметвенныхъ теченіяхъ русской молодежи, пронагаторамъ идей „молодой Польши“ оставалось только объявить войну и русскому духовенству, но это значило выступить уже совершенно открыто противъ Руси¹⁾. Идея „молодой Польши“ о польско-русскомъ единеніи потерпѣли полнѣйшее фіаско, можно даже сказать, что эти идеи въ значительной мѣрѣ содѣйствовали оживленію народнаго сознанія представителей галицкой Руси.

Но и это второе оживленіе народнаго сознанія въ галицкой Руси не успѣло ни вполне опредѣлиться, ни, тѣмъ болѣе—окрѣпнуть, хотя оно не было такимъ незначительнымъ, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Не надо забывать, говоритъ Заневичъ, что мы знаемъ о немъ далеко не все: „отъ времени до времени обнаруживаются новыя указанія, что тотъ или другой сверстникъ Шанкевича дѣлалъ то-то и то, или среди стараго хлама, на поповскомъ чердакѣ окажется какая-нибудь, не совсѣмъ еще изодранная рукопись, доказывающая, что авторъ ея, въ молодые годы не былъ чуждъ мыслей о народномъ благѣ и желанія служить ему“²⁾. Но это дви-

¹⁾ Этимъ и кончилъ свою дѣятельность К. Ценгловичъ. Его „Rzecz czegwonowska“ Lw. 1848 представляетъ, по словамъ г. Франка, „настоящій арсеналъ разнообразнаго оружія противъ Руси: и энциклопедика, и этнографія, и исторія, и традиціи, и государственное право, и явобі культурная миссія—все пуцено въ ходъ для доказательства, что галицкая Русь—нераздѣльная часть Польши и въ польскихъ рамкахъ не имѣетъ никакого смысла“. Жите и Сл. I. 401.

²⁾ Жите и Сл. II. 443. Въ послѣдніе годы жизни, несмотря на крайне неблагоприятныя условія Шанкевичъ знакомится съ „Думками“ Метлинскаго (1839), съ „Ластовкой“ Гребенки (1841) и даже „Кобзаремъ“ Шевченка (1840). *Одесскій*, II. 371. Откуда онъ полу-

женіе не могло не показаться подозрительнымъ и опаснымъ. „У насъ дѣла по горло съ одною народностью (т. е. польскою), а эти сумасброды мечтають пробудить уложенную въ гробъ русскую народность!“ сказали директоръ львовской полиціи Найманъ. Впрочемъ полиціи не сочла нужнымъ сама вразумлять „сумасбродовъ“. Она представила это „рутенской“ консисторіи и цензору русскихъ книгъ священнику „рутенцу“ В. Левинскому. Присланная во Львовъ „Русалка Днѣстровая“ была накрѣпко заперта въ консисторскихъ подвалахъ, гдѣ и пролежала до 1848 г. Лучшіе представители семинарской молодежи очутились подъ строгимъ надзоромъ. Шанкевича, правда, рукоположили въ 1839 г., но Голованцаго лишь черезъ четыре года, а Вагилевича только спустя семь лѣтъ. Слабый здоровьемъ Шанкевичъ скоро зачахъ и умеръ (1843 г.) на одномъ изъ бѣднѣйшихъ приходоу въ горахъ, а русское слово было къ тому времени загнано до такой степени, что товарищъ его, другой галицко-русскій поэтъ Н. Устѣиновичъ не поемлять по случаю его смерти оозваться по русски. — Онъ написалъ польское стихотвореніе и послалъ его въ польскую „Газету Львовскую“, но оно не было напечатано¹⁾. Двумъ другимъ представителямъ „русской тройцы“ консисторія долго еще давала себя чувствовать. Впослѣдствіи ихъ пути разошлись совершенно. Вагилевичъ измѣнилъ мечтамъ молодости, перешелъ къ Полякамъ въ 1818 г., какъ разъ, когда среди галицкаго мрака занялась новая заря. Голованскій долго стоялъ на своемъ посту, но въ концѣ концовъ долженъ былъ нескать пріюта въ Россіи. Онъ пошелъ въ ней и пріютъ, и полную возможность полезной дѣятельности, а съ своей

часть ихъ, недостаточно ясно. Векорѣ затѣмъ благотворныя связи Галичины съ Россіей почти совсѣмъ прекращаются до 60-хъ годовъ. О знакомствахъ Шанкевича см. „Руска бібліотека III, стр. XXI.

¹⁾ „Я не поемлять, говорить въ своей автобіографіи, стр. 44, Н. Устѣиновичъ, написать згадку о немъ (Шанкевичѣ) на русскомъ языкѣ“, а редактору газеты стихотвореніе показалоь опаснымъ „по немке трактованю о галицко-русской народности“. Ср. М. Палачъ. Читанни 15 сл.

родиной онъ сохранилъ до конца своей жизни самыя тѣсныя связи.

Судьба „русской тройцы“ знаменательна! Не менѣе характеренъ и тотъ трагизмъ условій галицко-русской жизни, благодаря которому, главная роль въ подавленіи вторыхъ веходовъ галицко-русской нивы принадлежала официальному „рутенизму“.

Пробужденіе 30-хъ годовъ не успѣло ни опредѣлиться, ни окрѣпнуть и оставило по себѣ одни свѣтлыя воспоминанія. Эти воспоминанія оживилась съ особенною силою въ 1818 г. Длительнѣе этого года было вполнѣ естественно вспомнить о свѣтлой минутѣ юныхъ дней. Благодаря этому, установился взглядъ на 30-е годы, какъ на начало галицко-русскаго возрожденія. Взглядъ этотъ особенно стараются поддержать такъ называемые „українсько-руські“ представители галицко-русской общественности. Но при этомъ, отъ „русской тройцы“ остается только единица — зачахшій раньше всѣхъ М. Шанкевичъ¹⁾. Въ дѣйствительности 30-е и 40-е годы служатъ лишь яркой иллюстраціей того заколдованнаго круга, въ которомъ и до сихъ вращается галицко-русская жизнь.—Мракъ, покрывшій ее снова, сталъ какъ будто еще гуще, еще тяжелѣе. Свѣтскаго русскаго общества въ Галичинѣ по прежнему не было; отдѣльныя лица русскаго происхожденія — чиновники, врачи, преподаватели, по прежнему сливались съ среднимъ польскимъ кругомъ²⁾, а что касается главнаго разсадника га-

¹⁾ „Всякой благопристойной литературѣ подобаетъ имѣть свой культъ“ замѣтилъ Драгомановъ, по поводу подобныхъ взглядовъ на Шанкевича. Русскіе въ Галиціи, В. Евр. 1873 кн. I, стр. 135. Это не бѣда, но нехорошо, что въ стремленіи къ созданію культа не соблюдаютъ никакой мѣры. Въ 1893 г. — въ 50-лѣтнюю годовщину смерти Шанкевича изданъ былъ его портретъ, но знаніе Шанкевича крылошане М. Малиновскій и А. С. Петрушевичъ заявили, что портретъ подложный. *О. П. Момилоскій*. Литерат. и политич. украинствованіе. Льв. 1898, стр. 36.

²⁾ Что предъ глазами изъ себя въ жизни подобные лица русскаго происхожденія, объ этомъ можно судить по товарищу М. Качковского —

лико-русской интеллигенции—семинарии, то къ 40-мъ годамъ она была совершенно обезличена; русскій духъ ея былъ изтравленъ вполне, а это естественно повело за собой полонизацию. „Именно по тому, говоритъ Паумовичъ въ своей автобіографіи, что всякое чтеніе было запрещено, хотѣлось читать книги и особенно тѣ, которыя больше всего запрещались“; польскіе пронагаторы охотно доставляли такія книжки, и онѣ переходили изъ рукъ въ руки; благодаря этому, продолжаетъ онъ, „мы смотрѣли на Польшу какъ на наибольшую страдалницу за свободу; такимъ образомъ польскій духъ прививался и распространялся среди сыновъ и будущихъ представителей русскаго народа“¹⁾. Въ сущности только польская идея и выводила семинаристовъ того времени изъ мелкой будничности и пошлости ихъ обстановки, изъ того нутинства, которымъ обыкновенно заполнялись ихъ досуги²⁾. Естественно, что въ сколько нибудь выдающіеся семинаристы предавались этой идее всецѣло. Паумовичъ еще въ 1848 г. принадлежалъ къ „обществу братьевъ“ (towarzystwo braci) и только непосредственное соприкосновеніе съ народомъ открывало наконецъ

Кмицкевичу. Весь руссизмъ его заключался въ томъ, что въ русскіе праздники Рождества и Пасхи онъ устраивалъ у себя угощеніе. Въ 1848 г. онъ участвовалъ въ польской гвардіи. Самъ Качковскій долго чувствовалъ себя русскимъ „лишь по роду и обряду“. Болье глубокое сознаніе народности пробудилось въ немъ, когда онъ познакомился съ сочиненіемъ Зубрицкаго „Kronika miasta Lwowa“. Очень сильное впечатлѣніе произвела на него извѣстная статья Головацкаго „Zustände der Rusinen“: „toś mi, pan, przyjemny dzień w życiu zrobił“ сказалъ онъ своему другу святи. Паріюну Пляницкому, который доставилъ ему эту статью; но до 1849 онъ отстаивалъ латинскую азбуку, русской не зналъ и не могъ самъ читать, напр. „Вісникъ“ Головацкаго (изданныхъ въ 1846 и 1847 г.), хотя слушалъ чтеніе съ большимъ удовольствіемъ. *Дидицкій*. М. Качковскій. Подобные типы, да еще Наридовичи и составили галицко-русское общество того времени.

1) Литературні стремління... Жито и Ст. II. 450.

2) Образчикъ тогдашнихъ семинарскихъ развлеченій представляетъ, напр., *Mowa żydowska starozakonnego rabina*. Жито и Ст. т. III, кн. I.

глаза загнипотиванной русской молодежи и указывало ей иные пути и план¹⁾.

Въ тѣхъ же 40-хъ годахъ стали собираться надъ галицкой Русью новыя тучи. Польская шляхта порѣшила снять наконецъ съ себя тѣ упрёки, которыми осмнала ее польская демократія за равнодушіе къ крестьянству. На сеймѣ 1812 г. предложена была записка гр. Красницкаго о крестьянскихъ делахъ, вызвавшая оживленные дебаты и новыя проекты. Обстоятельное изученіе этихъ проектовъ показываетъ, что даже наиболѣе гуманный и либеральный проектъ Т. Василевскаго, сводился въ сущности не къ уничтоженію панщины, а къ закрѣпленію ея путемъ определенной регуляціи. „Въ шляхетскихъ рукахъ, говорить по этому поводу Заневичъ, наилучшіе замыслы перемѣнялись въ новый инструментъ для подавленія народа“ (Внес. панщ. 239). Но дебаты и планы польской шляхты были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. На сеймѣ 1815 г. одинъ изъ видныхъ депутатовъ Мавр. Краинскій внесъ предложеніе объ образованіи особой комиссіи для обсужденія вопроса о замѣнѣ существующихъ крестьянскихъ повинностей или даже совершенномъ выкупѣ ихъ. Предложеніе это было принято 116 голосами противъ 10. Но это предложеніе совершенно не вязалось съ проектами и планами. Совершенно неожиданный поворотъ объясняется столь же неожиданными обстоятельствами. „Помни слухи—разсказываетъ въ своей запискѣ гр. Красницкій—о какихъ-то народныхъ безпорядкахъ“... Крестьяне стали тревожить шляхту, при чемъ

¹⁾ Въ 1848 г. семинарія была на время закрыта, и Наумовичъ пріѣхалъ къ родителямъ въ Залыцки. Какъ ревностный членъ „общества братьевъ“, онъ однажды сталъ говорить народу о предстоящей войнѣ съ Москалами и рисовалъ картины будущихъ побѣдъ Польши. Но вотъ одинъ изъ крестьянъ подошелъ къ нему и сказалъ: „чи вы, паннчу, не русскыя дитина? Вашъ тато ходить на службу божу до церкви,—що вы за такий полякъ?“ Другой снялъ съ его головы польскую конфедератку и бросилъ въ Дибетръ. Съ этого случая и начинается въ жизни Наумовича поворотъ. *Мончаловскій. Житіе и дѣятельность П. Наумовича, Льв. 1899.*

нельзя было дознаться, чего собственно они желали... (Тамъ-же, 286). Но шляхта спохватилась поздно. Началось революціонное движеніе, а въ отвѣтъ на него та знаменитая рѣзня польской шляхты польскими крестьянами, которая такъ кроваво освѣтила взаимныя отношенія верхнихъ и нижнихъ классовъ польскаго народа.

Эта кровавая страница польской исторіи не имѣетъ при-
мого отношенія къ занимающимъ насъ явленіямъ галицко-
русской жизни. На восточную Галицію рѣзня не распростра-
нилась, а сцены въ Парасевѣ (бережанскаго округа) и въ Го-
рожанинѣ (около Дороговича) имѣли совсѣмъ другой харак-
теръ, чѣмъ кровавыя сцены въ западной Галиціи.

Русскій крестьянинъ выступилъ на сцену только въ
1848-мъ г., когда, подъ вліяніемъ новыхъ условій, вновь
обозначился въ Галиціи и русскій вопросъ.

II.

(1848—66).

Насталъ 1848-й годъ, а съ нимъ новая пора въ жизни
народовъ Австріи. Сознаніе неудовлетворительности суще-
ствующихъ порядковъ и недовольство ими было всеобщее,
слабость государственной машины сказывалась во всемъ, и
она уже не могла сдерживать стремленій къ свободѣ и са-
модѣтельности образованныхъ классовъ, нашедшихъ опору
въ общемъ недовольствѣ массъ. Руководитель „кромкаго, про-
свѣщеннаго и либеральнаго“ австрійскаго правительства Мет-
тернихъ долженъ былъ съ позоромъ бѣжать изъ Вѣны, ока-
завшись въ рѣшительную минуту очень близорукимъ и впол-
нѣ безпомощнымъ, а австрійскій государственный корабль бѣды,
невидимому, предоставленъ на волю вѣтискохъ и бурь
народныхъ волеи.

Пробужденіе народностей и вызванный имъ народный движеніи сообщаютъ мартовской революціи въ Австріи значеніе поворотнаго момента въ ея жизни; придаютъ событіямъ 48-го года вынужденность и величіе. Но только за движеніями нѣкоторыхъ частей сложнаго австрійскаго конгломерата признается характеръ стремленій къ установленію народной свободы. Движеніямъ другихъ частей, особенно движенію русскихъ Галичанъ, прямо приписывается ретроградный характеръ. Галичане и до сихъ поръ изображаются какъ „слуги реакціи“, „вѣрный опора правительства“, и какъ въ октябрскіе дни 48-го г. галицко-русскіе крестьяне-послы парламента не могли идти въ Венѣ почта и должны были ночевать въ парламентскихъ корридорахъ, такъ и теперь движеніе Галичанъ совершенно исключается изъ ряда освободительныхъ движеній такъ называемой „весны народовъ“. Верны ли такіе взгляды, не повторяется ли въ нихъ также ошибка, благодаря которой ретроградный характеръ приписывался нѣкогда и движеніямъ венгерскихъ Сербо-Хорватовъ и Словаковъ, а также дѣйствіямъ чешскихъ представителей, оказавшихся, во время пребыванія въ Венѣ мадырской депутаціи, почти въ такомъ-же положеніи, какъ и русскіе послы?

Пересмотръ обстоятельствъ галицкой жизни 48-го года представляетъ въ этомъ отношеніи не малый интересъ.

Мартовскіе дни сразу оживили въ Галиціи разбитую, но не уничтоженную польскую революціонную организацію. „Остановленное въ 46-мъ г. возстаніе, говоритъ Мѣрославскій, во все не сложило оружія, въ виду вѣселищъ Потоцкаго и Виснѣвскаго, въ виду толора Шелы и прусскихъ процессовъ. Заключенное въ тюрьму въ 1846—47 г. оно, подѣ влияніемъ европейскаго движенія, выступило снова, съ тѣмъ-же евангеліемъ, съ той-же неизмѣнной вѣрой въ святость своихъ догматовъ и дѣйствительность средствъ, какими предполагало достигнуть своей цѣли“. Возстановленіе Польши стало повсюду однимъ изъ лозунговъ либеральныхъ партій, а значительный контингентъ польскихъ эмигрантовъ, организаціи и школа польскихъ конспирацій доставили революціи 48-го г.

которые сразу выступили на сцену и сыграли во многих случаях очень видную роль ¹⁾.

Галицкая Русь еле-еле дышала, а ее молодежь так-же как и в 30-х годах увлекалась польскими идеями. Но все-же она не могла считать себя поляками вполне, все-же она оставалась „gente ruthena“. Сознание народности пробудилось в ней вновь совершенно таким же путем, как и в 30-х годах.

Вѣсть о вѣнской революціи пришла во Львовъ 18 Марта вечеромъ. Губернаторъ Фр. Стадіонъ немедленно опубликовалъ императорскій патентъ 15 Марта, а польскіе патріоты—Смолька, Рефернъ, Земляковский и др. посѣщали собратей для составленія адреса или петиціи съ выраженіемъ народныхъ желаній ²⁾. На слѣдующій день явились во львовскую русскую семинарію два польскіхъ депутата, призывая воспитанниковъ торопиться подписать адресъ. Одумавленные польскими идеями семинаристы обратились къ ректору. Тотъ замѣтилъ, что не имѣетъ инструкціи изъ консенаторіи; тогда депутаты предложили отправиться вмѣстѣ въ консенаторію. Ректоръ согласился, но карета покатила не къ св. Юру, а къ университету, гдѣ собирались подписи. Посѣщали туда-же и семинаристы. Вотъ здѣсь и былъ повторенъ тотъ-же урокъ польской политической этнографіи, какой былъ преподанъ русской молодежи въ 1836 г. властями „общества польскаго народа“.

Въ составленномъ Поляками адресѣ не было упомянуто ни единымъ словомъ о русской народности, а первый пунктъ его требовалъ гарантій польской народности, устраненія всѣхъ препятствій къ ее свободному развитію, введенія польскаго

¹⁾ Это случилось не только въ венгерскомъ волстаніи но и въ дѣятельности вѣнскаго парламента, гдѣ поляки составляли одну треть парламентскаго бюро. K. Widmann, Fr. Smolka, jego życie i zawód publiczny. 205.

²⁾ Schiller-Popławski, Z przeszłości Galicyi. 484.

языка въ школахъ, судахъ и управленіи ¹⁾. Когда по прочтеніи адреса, членъ Ставропигій Кирилль Выховскій замѣтилъ, что слѣдовало бы въ адресѣ упомянуть и о другой народности края—о Русскихъ, то въ отвѣтъ на это заявленіе поднялся страшный шумъ, а нѣкто Подлѣскій громко закричалъ: „*tu niema Rusinów, to zdrajca Moskal, — za okno z nim!*“ ²⁾. Положеніе семинаристовъ и „gente рутеновъ“ оказалось весьма неловкимъ. Нѣкоторые изъ нихъ почувствовали себя лишними и удалились ³⁾.

Такъ началось въ 48-мъ г. обособленіе галицкой Руси. Въ первую минуту оно не оказало, повидимому, никакого вліянія на теченіе дѣлъ: адресъ, безъ всякихъ измѣненій, былъ врученъ Стадіону того-же 19-го числа. Но начавшіеся съ заявленія Подлѣскаго процессы обособленія Руси уже не могъ быть остановленъ. Мелькнувшая тѣнь Руси скоро воплотилась и тогда весьма замѣтно обнаружилось ея вліяніе на ходъ дѣлъ.

Депутация отправившаяся къ Стадіону, въ сопровожденіи громадной толпы народа, получила отъ него согласіе только

¹⁾ Кромѣ этого требованія петиція заключала въ себѣ слѣд. пункты: 1) отдѣльное областное управленіе, 2) общія политическія амністія, 3) представительство въ сеймъ всѣхъ классовъ населенія, 4) уничтоженіе цензуры, 5) организація національной гвардіи, 6) муниципальное самоуправленіе, 7) заведеніе повсюду народныхъ школъ, 8) гласное судопроизводство съ присяжными, 9) уничтоженіе барщины и связанныхъ съ нею обязательствъ, 10) всеобщее гражданское равенство, 11) устраненіе чиновниковъ иноземцевъ, 12) мѣстное войско съ офицерами изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Немецкій текстъ петиціи см. *Widmann*, к. в. 806. По ясности и опредѣленности заявленій польская петиція стояла наравнѣ съ мадярской и свидѣтельствовала о хорошей политической школѣ. Она была издана потомъ и въ рускомъ переводѣ. *Литурій*. Гал. р. библиографія № 374.

²⁾ Историческій моментъ 19 Марта 1848 г. Жито и Сл. III, 467.

³⁾ Остались, повидимому, немногіе. См. *Зиневичъ* Ж. и Сл. III. 107. *Свистунъ*, Прикарп. Русь 1.259, сообщаетъ, что Выховскій явился въ семинарію и здѣсь держалъ патріотическую рѣчь, но указанное выше свидѣтельство не говоритъ объ этомъ.

на два пункта петиції: Стадіонъ обіцявъ, що народна гвардія будеть організована и вооружена, какъ толико будеть доставлено оружје изъ магазинівъ въ Ярославль; крімъ того онъ согласился випустити на свободу политическихъ арестантовъ, но и то за поручительствомъ двухъ видныхъ гражданъ ¹⁾. Ни уничтоженія цензуры, ни організації признаваемого властью комитета депутаты не добились, и когда они явились къ Стадіону на слѣдующій день, онъ спросилъ ихъ, должны ли онъ смотрѣть на нихъ, какъ на частныхъ лицъ, или какъ на представителей к. н. корпорацій, и разстался съ ними, какъ съ своими частными гостями.

Ночью на 21-е Марта появились на улицахъ оффиціальныя объявленія, въ которыхъ указывалось, что поведеніе львовянъ можетъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ среди крестьянъ; изъ провинціи будто бы уже получены сообщенія о распространеніи тамъ разныхъ ложныхъ слуховъ, а потому воспрещаются всякія сходки какъ въ общественныхъ мѣстахъ, такъ и въ частныхъ домахъ, торжественныя шествія, а также обременительныя для бѣдныхъ иллюминаціи города и наконецъ всякія вообще сборища ²⁾. Это объявленіе не могло не вызвать возбужденія, тѣмъ болѣе, что 20-е число прошло совершенно спокойно. Но вожакамъ удалось усюкотить массу, и рѣшено было избрать „общественный комитетъ“, по образцу вѣнскаго. „Комитетъ“ составилъ изъ 40 членовъ, съ Яномъ Добжанскимъ во главѣ ³⁾ и рѣшено было послать къ

¹⁾ Очень характерно передалъ народу эти обіцанія Стадіона адвокатъ Н. Романовскій: „*będziemy mieli naszą gwardyę narodową, nasze wojsko, polskie sztandary, polską komendę!*“ *Schnür-Peplowski. Z przeszłości.* 491.

²⁾ *Записки.* Ж. и Сл. III, 110.

³⁾ Добжанскій 19 числа прочитывалъ и объяснялъ народу адресъ и, благодаря этому, прибрѣлъ извѣстность и популярность среди массы. *Gente ruthenas*, онъ сталъ впоследствии крупнымъ представителемъ той польской партіи въ Галиціи, которая относилась къ Руси съ крайнею нетерпимостью. См. о немъ мой очеркъ въ Изв. Сл. общества 1886. № 10.

Стадіону съ требованіемъ оружія для народной гвардіи. Когда посланные возвратились ни съ чѣмъ, Добжанскій рѣшилъ стираться лично съ новою депутаціей. Толпа подхватила его на руки и торжественно понесла къ губернаторскому дому. Какъ вдругъ раздались крики: „оружія! оружія! Намъ хотять рѣзать!“ Пронеслась вѣсть, что громадная масса крестьянъ идетъ на Львовъ. Добжанскому, однако, удалось успокоить смутеніе, удалось даже удержать толпу отъ захвата оружія въ военномъ арсеналѣ, мимо котораго принятось проходить и откуда какъ разъ брали оружіе для академической гвардіи. Стадіона не застали дома. Добжанскій спросилъ попавшагося ему чиновника, что значать тревожные толки о крестьянахъ и получилъ весьма характерный отвѣтъ: „да это Венковскій изъ Славроніи избунтовалъ Русскихъ!“ Опять, такимъ образомъ, мелькнула тѣнь Руся но и на этотъ разъ исчезла, невидимому, безслѣдно. Шествіе направилось въ университетъ, гдѣ Стадіонъ принималъ присягу студенческой гвардіи на вѣрность „королю Поляковъ“,—такъ измѣнена была формула: „король Галиціи“. По прибытіи въ университетъ, Добжанскій прежде всего узналъ о новой формулѣ присяги. Въ этой радостной вѣсти онъ уемотрѣлъ руку провидѣнія, осуществленіе заветныхъ желаній. Виѣ себя отъ радости онъ, все еще несомый толпою на рукахъ, воскликнулъ: „да здравствуетъ Польша въ границахъ до 1772!“ „Его голосъ пронесся молніей по веѣмъ улицамъ города. Массы народа ходили точно въ туманѣ, не понимая, что все это значитъ—сонъ ли это, или дѣйствительность“...

Передъ Стадіономъ Добжанскій явился въ состояніи крайняго возбужденія: глаза налились кровью, волосы растрепались, взоръ блуждалъ. Охрипшимъ голосомъ онъ прокричалъ свою рѣчь. Стадіонъ выслушалъ и, обратившись къ окружающимъ, замѣтилъ: „если такихъ шальныхъ головъ найдется еще больше, то навѣрно потечеть кровь“. Предсказаніе оправдалось, къ счастью только на одномъ Добжанскомъ: онъ тутъ же упалъ въ обморокъ; его отнесли домой и пустили кровь. Изъ оконъ его квартиры раздавались призывы къ мас-

съ не расходиться, пока не дадутъ оружія: „пусть разоружать войска и дадутъ вамъ оружіе!“ Но это лишь повредило успѣху начинавшагося движенія, возстановивъ противъ него войска. Власти тоже не дремали. Вновь назначенный бургомистръ, гр. Голуховскій, уступившій было заль магистрата для засѣданій „Комитета“, теперь потребовалъ его оцѣтки, а затѣмъ явился самъ Стадіонъ и призналъ „комитетъ“ незаконнымъ. „Комитетъ“ такимъ образомъ просуществовалъ всего нѣсколько часовъ.

Немедленно послѣ этого явилась къ Стадіону депутація польскихъ писателей, съ гр. А. Фредро во главѣ. Она требовала уничтоженія цензуры. Стадіонъ торговался и между прочимъ сказалъ депутаціи слѣдующія знаменательныя слова. „Польская народность имѣетъ очень много враговъ. Вѣрьте мнѣ, господа, что пока вся печать зависитъ отъ меня, я стараюсь запрещать и подавлять все, что вамъ вредно. Есть здѣсь одна русская партія, которая ненавидитъ насъ отъ всей души и, при помощи печати, готова распространять эту ненависть среди простого народа. Если я вамъ дамъ свободу печати, мнѣ нельзя будетъ запрещать и той партіи печатать, что угодно. Помните: вы берете на свою совѣсть ответственность за свободу печати, послѣдствія которой, въ вашихъ условіяхъ, могутъ быть грозными“ ¹⁾.

Это заявленіе Стадіона нѣсколько приподымаетъ завѣсу, за которой скрывалась мелькавшая на львовскомъ грунтѣ русская тѣнь. Очевидно, эта тѣнь не была пустымъ миражемъ. Зоркій глазъ представителя австрійской власти видѣлъ дѣйствительность, какъ она есть и указывалъ на нее польской депутаціи. Депутація, однако, настаивала на своемъ требованіи. Стадіонъ уступилъ, но это была единственная его уступка польскому движенію, такъ что успѣхъ его на львовскомъ грунтѣ былъ значительно меньше, чѣмъ успѣхъ народныхъ движеній въ Прагѣ и даже въ Краковѣ. Обыкновенно это приписываютъ стойкости и младокровію львовскаго губерна-

¹⁾ Записки. Ж. и Сл. III. 277 слл.

теперь не едва ли справедливо совершенно игнорировать самый характер львовской почвы ¹⁾.

Одно только не удалось Стадiónу: онъ не могъ помѣнить отъѣзду польской депутаціи въ Вѣну для врученія адреса Императору. Депутація вышла изъ Львова въ концѣ Марта и застала въ Вѣнѣ самую благоприятную для своихъ плановъ обстановку.

Возстановленіе Польши стало, какъ извѣстно, однимъ изъ чаяній тогдашняго европейскаго движенія, какъ бы символомъ его торжества надъ ненавистнымъ абсолютизмомъ, представителемъ котораго считалась въ особенности Россія. Такое настроеніе сказалось въ Парижѣ и особенно въ Берлинѣ. Здѣсь были освобождены народомъ все арестованные въ 1846 г. Поляки. Берлинцы провожали ихъ по улицамъ, съ пѣсенками и польскими знаменами, а передъ ратушей торжественно выразили свои польскія симпатіи. „Да здравствуютъ Поляки! Возвращаемъ вамъ ваше познанское княжество, развинтайте въ немъ все, что можетъ послужить вамъ для борьбы съ сѣвернымъ тираномъ, а мы вамъ поможемъ! Вновь станете передовымъ постомъ просвѣщенія! Будьте братьями нѣмцамъ, какъ нѣмцы отнынѣ становятся вашими братьями!“ Отъ ратуши отирались къ королевскому дворцу. Король вышелъ на балконъ и въ отвѣтъ на клики народа—„да здравствуетъ Польша!“—сказалъ: „и я, съ своей стороны за-

¹⁾ Стадiónъ былъ связанъ родствомъ съ польской аристократіей и во многихъ дѣйствіяхъ, въ началѣ своего губернаторства въ Галиціи, обнаружилъ расположеніе къ Полякамъ. Еще 24 Марта Стадiónъ усиленно рекомендовалъ правительству третій пунктъ львовскаго адреса—амнистію политическимъ преступникамъ, а 24 Апрѣля указывалъ на необходимость уступокъ въ области преподаванія и устраненіе нѣмецкаго и латинскаго языка въ судахъ. *Dr. Łoziński. Agendor hr. Goluchoński Lw. 1901 стр. 31 сл.* Официальная жалоба, поданная на него 30 Апрѣля въ Вѣнѣ польской депутаціей обусловила перемены его настроеній; но и послѣ этого онъ выдвинулъ Голуховскаго и первый обратилъ вниманіе на Смольку. Россію онъ ненавидѣлъ. *В. Дидицкий. М. Качк. 105.*

влию—да здравствует Польша!" На другой день министр Арнимъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ Поляковъ, изъ которыхъ уже составилъ польскій комитетъ, а родственникъ короля, князь Радзивиллъ сообщилъ имъ, что проситъ короли помнить о Польшѣ, и онъ заявилъ, что не отступитъ отъ желаній народа и даже готовъ на войну съ Россіей: „да, господа, заключилъ Радзивиллъ, ваши желанія исполнены: будетъ война съ Россіей!" 24 Марта Познань объявлена была состоящей лишь подъ прусскимъ протекторатомъ. Польскіе орлы заняли мѣсто прусскихъ; организована была польская народная гвардія, а прусскія войска передвигались въ Бранденбургъ; администрація предоставлена была полякамъ. Въ Берлинѣ образованъ былъ польскій легіонъ, и берлинцы, возвращаясь съ похоронъ погибшихъ въ мартовскіе дни, приветствовали его кликомъ: „noch ist Polen nicht verloren!"¹⁾ Казалось, нѣмцы были готовы къ войнѣ съ Россіей по первому поводу, а нѣмецкія газеты отбрасывали Россію за Двину и Днѣпръ¹⁾.

На нѣмецкой почвѣ все это имѣло очень опредѣленный смыслъ: возстановленная Польша должна была сыграть для Германіи роль охранительнаго вала со стороны Россіи, которая, предполагалось, не потерпитъ перемѣнъ, обусловленныхъ народными движеніями. Но, понятно, Полякамъ не приходилось заниматься анализомъ тѣхъ побужденій, какими руководились нѣмцы въ своихъ польскихъ симпатіяхъ. Господствовавшее въ Европѣ настроеніе совершенно естественно подымало патріотизмъ Поляковъ и не могло не сказаться на настроеніи прибывшей въ Вѣну польской депутаціи. Къ призыву другихъ собравшихся въ Вѣнѣ славянскихъ депутацій соединиться вмѣстѣ Поляки отнеслись съ совершеннымъ равнодушіемъ, заявивъ, что они думаютъ лишь о возстановленіи своего государства, а судьба славянства для нихъ безразлична.

¹⁾ Подробности у Заневича, Ж. и Сл. III, 436 слл.

на ¹⁾. Свои чаянія они вложили въ адресъ, поданный Императору 6 Апрѣля ²⁾.

Съ особенною силой подчеркнута была въ адресѣ историческая роль Польши, какъ передового европейскаго государства, и ея раздѣлы представлены какъ признаваемое общимъ мнѣніемъ Европы насилие, совершенное надъ польскою народностью. Въ виду этого, какъ равно въ виду нарушенія вѣнскаго трактата, война казалась неизбежною. „Мы не боимся войны, заявляли депутаты въ адресѣ, но мы желаемъ заблаговременно быть къ ней готовы. Нѣсколько вѣковъ мы проливали свою кровь за другихъ, теперь желаемъ пролить ее за другихъ и за себя. Сердца всѣхъ поляковъ откликнутся на призывъ воскресающей отчизны“. Вотъ почему, кромѣ установленія гражданской свободы, соответственно требованіямъ времени, поляки желали учрежденія польскаго „народнаго комитета“ съ административною властью для внутренней организаціи края, при чемъ въ составъ этой администраціи должны входить только его уроженцы. Указывалась также необходимость новой организаціи народной гвардіи и собственнаго народнаго войска. „Чтобы не стать добычей общихъ враговъ, мы, заявляли депутаты въ адресѣ, нуждаемся въ опекѣ Вашего величества, хотимъ оставаться въ связи съ Австріей и ея народами, но эта связь можетъ основываться только на искренности, на общей, сообразной съ временемъ свободѣ, какъ это въ дѣйствительности и существуетъ относительно Венгрии и въ особенности въ Познанинѣхъ, родственной съ нами по происхожденію ея жителей по прошлымъ судьбамъ и представляющей аналогіи по нынѣшнему положенію“ ³⁾.

¹⁾ *Свистунъ*. Прикарп. Русь 1.261.

²⁾ Адресъ былъ составленъ г-р. Менкомъ Борковскимъ и предложенъ депутатамъ для обсужденія и окончательной редакціи 4 Апрѣля. Дебаты продолжались съ 8 часовъ утра до 1 ночи. Г-р. Борковский былъ замѣчательный ораторъ; вѣнскія газеты отводили ему второе послѣ Смольки мѣсто среди Поляковъ. *Widmann*, 715. Какъ онъ относился къ Руси, увидимъ ниже.

³⁾ Пѣсенный текстъ адреса см. *Widmann* 810 сл.

Въ Вѣнѣ повторилось тоже, что и въ Берлинѣ. Вѣнцы оказали депутациі Поляковъ, „dieser Löwen der Freiheit“ восторженный пріемъ. „Hoch den Polen! Es lebe Polen!“ раздавалось по улицамъ австрійской столицы, когда депутація 6 Апрѣля направлялась въ Бургъ на аудіенцію.

Адресъ былъ прочитанъ цѣлкомъ главою депутаціи кн. Юр. Любомірекимъ. Императоръ сказалъ, что просьбу депутатовъ своего королевства онъ принимаетъ съ удовольствіемъ и что представленныя ими желанія, будутъ, по обсужденіи ихъ, по возможности удовлетворены, а глава депутаціи замѣтилъ при этомъ, что время не терпитъ и проволочка можетъ быть опасна.

„На обратномъ пути изъ Бурга Поляковъ встрѣтила депутація университетской молодежи съ польскою хоругвою, украшенной лавровымъ вѣнкомъ. Передъ Leseverein'омъ выѣхали нѣмецкую хоругвь; депутація приблизилась къ ней и коснулась ея польскою хоругвою, при общихъ восклицаніяхъ: „Dies sei der Bruderkuss der polnischen und der deutschen Nation!“ Въ залѣ были произнесены рѣчи, послѣ чего студенты соединили вмѣстѣ обѣ хоругвы и вышли на галлерею, размахивали ими, при кликахъ: „jetzt sind wir stark genug! hier wird sie gut vertheidigt!“ Такія же сцены проходили и въ политехникѣ“.

Очень ободряющій пріемъ встрѣтила польская депутація и со стороны эрцгерцога Іоанна. Онъ называлъ раздѣлъ Польши „тяжелымъ грѣхомъ“ и величайшимъ несчастіемъ Европы“, а официальные вѣнскія газеты завѣряли, что „свободная Австрія доставитъ Польшѣ свободу и сильная союзомъ съ Польшей и симпатіями Европы не будетъ колебаться вступить въ войну съ Россіей“¹⁾.

Пробудившіеся національныя стремленія вызвали въ Берлинѣ и Вѣнѣ горячія мечты о единой нѣмецкой державѣ. Тутъ и тамъ главную опасность усматривали со стороны „сѣ-

¹⁾ Записки, к. в. 448 сл.

вера“, и представлѣнія о Польнѣ, какъ объ „antemurale christianitatis“ получали въ глазахъ нѣмцевъ весьма реальный смыслъ и значеніе. И то сказать,—кто изъ тогдашнихъ добродушныхъ берлинскихъ и веселыхъ вѣнскихъ бюргеровъ зналъ, что нибудь о галицкой Руси и вообще о той Руси, которая, въ предѣлахъ бывшаго польскаго государства, составляла сплошную массу населенія отъ Карпатъ и Буга до Двины и Днѣпра, за которые отбрасывали Россію нѣмецкія газеты. Къ тому же адресъ польской депутаціи, казалось, не оставлялъ безъ вниманія и этого пункта. Требованіе львовскаго адреса о всеобщемъ употребленіи польскаго языка въ Галиціи было измѣнено въ вѣнскомъ адресѣ въ томъ смыслѣ, что въ народныхъ школахъ предполагалось употреблять языкъ большинства населенія данной мѣстности. Если принять во вниманіе, что вѣнскій адресъ имѣлъ характеръ общаго адреса представителей всей Галиціи (т. е. обоихъ ея округовъ—краковскаго и львовскаго), что въ депутаціи принялъ участіе и известный намъ Кпр. Вѣковекій ¹⁾ то понятно, что депутація дѣйствительно могла смотрѣть на себя какъ на представителей всего края и всего его населенія, а на мелькавшую во Львовѣ тѣнь Руси смотрѣть какъ на искусственный призракъ, вызываемый противниками народныхъ стремленій, а особенно Стадіономъ. Депутація дѣйствительно жаловалась въ министерствѣ, будто Стадіонъ возбуждаетъ домашніе раздоры. Конечно, въ такомъ-же смыслѣ сообщалась свѣдѣнія о галицкихъ отношеніяхъ и вѣнской публикѣ ²⁾. И нечего удивляться, что эта публика, услыхавъ вѣкоръ о „Рутенахъ“, какъ объ отдѣльной отъ поляковъ народности, повѣрила ле-

¹⁾ Изъ русскихъ, кромѣ Вѣковекаго, участвовали въ депутаціи чиновникъ С. Мелигдоничъ, свѣщ. О. Криницкій и крестьянинъ Чорный (по кр. м. судя по фамиліи, русскій). *Widmann*, 149. У *Schür-Pepl*, *Z przeszł.* 497, Чорный не названъ.

²⁾ *Łozinski*. *Aq. hr. Gólurowski*, 32. Часть депутатовъ осталась въ Вѣнѣ и составила здѣсь постоянное польское представительство. *Widmann*, 150, оказавъ немалое вліяніе на общественное мнѣніе.

гендѣ объ „изобрѣтеніи“ ихъ Стаціономъ, тѣмъ болѣе, что легенда сообщена была публикѣ вѣнскимъ юмористомъ, свирѣемъ Сансифромъ въ очень остроумной формѣ.

Между тѣмъ на львовскомъ грунѣ обстоятельства складывались совсѣмъ несогласно съ польскими чаяніями.

Чтобы хоть нѣсколько парализовать разрастающееся движеніе, Стаціонъ объявилъ о созваніи сейма. Прозрачность этой комбинаціи вызвала немедленно организацію „Рады народной“, которая сейчасъ-же издала обращенія: 1) къ помещикамъ, съ призывомъ къ освобожденію крестьянъ и 2) „къ русскимъ братьямъ“, съ призывомъ къ миру и единенію, наконецъ 3) протестъ противъ созванія сейма. Эти рѣшительныя дѣйствія „Рады народной“ не остались безъ послѣдствій. Въ отвѣтъ на обращеніе „Рады“ къ помещикамъ, правительство объявило объ уничтоженіи панщины¹⁾; въ отвѣтъ на протестъ противъ созванія сейма, Стаціонъ образовалъ „Советъ“ (Weirath) изъ наиболѣе видныхъ представителей общества, для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ конституціей²⁾; наконецъ, въ отвѣтъ на обращеніе къ „русскимъ братьямъ“, выступила Русь, какъ народность отдѣльная отъ Поляковъ.

19 Апрѣля явилась къ Стаціону скромная депутация Галичанъ, съ крылошаниномъ Куземскимъ во главѣ, и вручила ему „Петицію къ Монарху“, гдѣ, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Значительное большинство населенія Галиціи составляютъ Русскіе. И мы Русины—отрасль великаго славянскаго рода—имѣли своихъ собственныхъ князей, потомковъ св. Владиміра. По смерти ихъ, наше отечество потеряло свою самостоятельность, а среди политическихъ бурь и гоненій за вѣру потеряло и свою шляхту. Но ядро народа—масса населенія, сохранила крѣпко и непоколебимо и русскую вѣру, и

¹⁾ Стаціонъ оповѣстилъ объ этомъ 22 Апр. а съ 15 Мая должно было прекратиться отбываніе барщинныхъ повинностей.

²⁾ На сторону Стаціона склонилась часть польской аристократіи, съ Гвальбергомъ, Павличковскимъ во главѣ. *Schnitz-Pap.* 520.

русскую народность. Верно сохранить эту дорогую каждому Русину народность и передать ее неоскорбленной нашим потомкамъ—составляетъ нашу священную обязанность ¹⁾).

Въ глубокой задумчивости выслушавъ Стадіонъ русскую петицію и, послѣ нѣсколькихъ минутъ перынного молчанія, обратился къ депутатамъ съ слѣдующимъ вопросомъ: „Sind Sie denn eigentlich mit den Grossrussen eine und dieselbe Nation?“ Депутаты заявили, что они—„*Ruteny*“. Стадіонъ ободривъ, обласкавъ депутатовъ, обѣщалъ принять во вниманіе интересы ихъ народности и немедленно призвалъ къ себѣ Голуховекаго и другихъ „совѣтниковъ“ намѣстничества и долго обсуждалъ съ ними положеніе русской народности въ Галичинѣ. Такъ рассказываетъ объ этомъ знаменательномъ эпизодѣ галицко-русской жизни В. Дѣдичій, свидѣтельство котораго имѣетъ въ этомъ случаѣ особенное значеніе по близкимъ отношеніямъ его къ членамъ русской депутации, особенно ея главѣ—Куземскому ²⁾).

Должно быть, „совѣтники“ намѣстничества не нашли ничего противъ признанія народности отдѣльной отъ „Grossrussen“. Должно быть, при обсужденіи положенія Галичанъ, проемотривались дѣла, по крайней мѣрѣ, повидимому, при этомъ об-

¹⁾ В. Дѣдичій М. Качковскій, 109. „Петиція“ заключаетъ слѣдующіе пункты: 1) русское преподаваніе во всехъ народныхъ школахъ, гдѣ населеніе или большинство его Русскіе; 2) предоставленіе русскому языку подобающаго мѣста и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ русской части края; 3) сообщеніе русскому населенію законовъ и правительственныхъ распоряженій на русскомъ языкѣ; 4) знанію русскаго языка чиновниками; 5) такая подготовка духовенства, чтобы оно могло поучать свою паству по русски; 6) уравненіе духовенства всехъ трехъ обрядовъ въ правахъ и привилегіяхъ; 7) предоставленіе русскимъ доступа ко всемъ должностямъ. Петиція напечатана была въ „Зорѣ галицкой“ 1818 № 2. Ср. *Осиповскій*, *Исторія* р. лит. II. 20.

²⁾ Пользуемся изложеніемъ этихъ обстоятельствъ въ указанной книжкѣ Дѣдичаго (М. Качковскій), полагая, что оно точнѣе, чѣмъ его показаніе, данное въ судебной обстановкѣ, при разбирательствѣ по дѣлу Ольги Грабаръ въ 1882 г. Ср. *Свистунъ*, *Прикази*. Русь 1.269.

сужденіи венчало поданное Ставропільсѣй еще осенью 1847 г. прошеніе о разрѣшеніи изданія на русскомъ языкѣ. Разрѣшеніе было дано немедленно и, по распоряженію Стадіана, Голуховскій лично вручилъ его сеніору Ставропільн, а 15 Мая былъ изданъ первый номеръ „Зори Галицкой“.

28 Апрѣля, въ день рожденія императора и обнародованія конституціи происходило во львовской семинаріи торжественное собраніе, въ присутствіи львовскаго епископа-суфрагана Яхимовича и крылошанъ, профессоровъ университета и высшихъ чиновниковъ. Семинаристъ П. Гунгалевичъ произнесъ рѣчь на русскомъ языкѣ, хоръ пропѣлъ нѣсколько русскихъ пѣсень. Это было первое во Львовѣ собраніе общества, носившее явно русскій характеръ¹⁾. Имѣло ли оно какое нибудь вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ, неизвѣстно.

Представительство Руси было организовано только 2 Мая. Въ этотъ день во львовскомъ конспираторскомъ залѣ состоялось, подъ предѣлательствомъ Куземекаго, собраніе, положившее начало такъ называемой „Голосной Ряды русской“. 9 Мая полученъ былъ благосклонный отвѣтъ на все пункты русской петиціи и тоже былъ доставленъ лично Голуховскимъ епископу Яхимовичу, избранному 3 Мая предѣлателемъ „Ряды“, а 10 Мая „Ряда“ окончательно формулировала свои взгляды на положеніе, интересы и задачи галицко-русской народности, въ духъ тѣхъ заявленій, какіе были сдѣланы русской деютаціей 19 Апрѣля²⁾, наконецъ 15 Мая появилась „Зоря галицка“, ставшая органомъ „Ряды“. Мелькавшая до сихъ поръ русская тѣнь облеклась такимъ образомъ въ опредѣленные формы.

Нечего и говорить о значеніи этого факта въ жизни Галичины.

Въ обстоительствахъ 48-го г. заявленіе „Ряды“ должно было получить очень опредѣленный смыслъ. Все пробужда-

¹⁾ *Свистунъ*, тамъ-же 262.

²⁾ „Огосва до русскаго народу“ „Зоря Гал.“ X I и во множествѣ экземплировъ. О ея характерѣ и значеніи будетъ сказано ниже.

лось къ новой жизни, воздухъ оглашался повсюду радостными кликами народностей, почувствовавшихъ, что наконецъ падаетъ скомывавшія ихъ цѣпи. Казалось бы, въ этомъ хорѣ должно было найтись мѣсто и для галицко-русской народности, къ которой еще такъ недавно, какъ къ братьямъ обращалась, польская „Рада народовая“. На дѣлѣ оказалось не то.

Въ „петиціи къ монарху“ и въ заявленіи „Головной Радѣ“ галицкая Русь выступала, какъ самостоятельная, отдѣльная отъ Поляковъ народность. Тѣмъ, чего требовали въ Вѣнѣ представители Галиціи, эта народность, очевидно, не удовлетворялась. У нея оказались свои собственные интересы и задачи, и уже потому она становилась прямо поперекъ польскихъ плановъ и мечтаній о единомъ 22-милліонномъ польскомъ народѣ на всемъ пространствѣ б. рѣчи посполитой. Повторилось тоже, что случилось съ русской молодежью въ 1836 г. Но теперь, въ виду сочувствія польскому дѣлу въ столицахъ центральной Европы, прежнія мечтанія могли казаться очень близкими къ осуществленію, и очень легко понять разочарованіе и негодованіе Поляковъ, оказавшихся, въ виду русскихъ заявленій, далеко не единственными хозяевами въ Галиціи. Ясно, однако, что Русь была виновата лишь тѣмъ, что существовала, такъ же точно, какъ въ глазахъ нѣмцевъ въ томъ же были повинны Чехи, обнаружившіе рѣшительное намѣреніе вынырнуть изъ нѣмецкаго моря, а въ глазахъ Мадьяръ—Словаки и Сербо-Хорваты, не желавшіе считать себя Мадьярами. Но венгерскіе Славяне оказались счастливые Галичанѣ,—по крайней мѣрѣ, кажется, не существуетъ легенды объ ихъ „изобрѣтеніи“. Галицкая Русь провозглашена была новымъ „изобрѣтеніемъ“, по однимъ—Стадіона, по другимъ—Голуховскаго ¹⁾. Легенда объ „изобрѣтеніи“

¹⁾ О Стадіонѣ говорили преимущественно въ Вѣнѣ, конечно, со словъ польской депутаціи; о Голуховскомъ—во Львовѣ. „Изобрѣтеніе“ Руси приписала Голуховскому „Gaz. Narod.“ (№ 100. „Zawiazek rady świętojurskiej“), и ей переи имѣла усѣбъхъ. Впервые въ легендѣ усумнился *Шуцкій*: „z próżnego i mądry Salomon nie należy“ (Z wy-

имѣла большой успѣхъ. Но, кажется, представленіе выше факты совершенно устраняють надобность въ какихъ нибудь легендахъ. Петичія 19 Апрѣля представляютъ свѣдѣніе элементарныхъ положеній. Многія изъ нихъ провозглашались законами не разъ, какъ мы видѣли въ первой главѣ. Правда, жизнь постепенно уничтожала ихъ значеніе, но это, конечно, не значитъ, что у Галичанъ изглаживалась и память объ этомъ. Галицкая Русь жила, какъ ни старались уложить ее въ гробъ. Въ 40-хъ годахъ польское вліяніе получило въ Галичинѣ особенную силу, но къ 1843-му г. въ вѣдѣніи львовской русской консисторіи еще оставалось 27 тривіальныхъ и

cięzek do Lwowa. Kwestya ruska. Krak. 1866), хотя и онъ не склоненъ былъ признать Галичанамъ самостоятельность дѣйствій. Легенду о Голуховскомъ очень категорично подтвердилъ затѣмъ K. Widmann, Fr. Smolka. Lw. 1884. стр. 245, и ее съ полной вѣрой повторилъ еще въ 1895 г. *Schnürleppowski*, *Z przesz.* 534. Только Gr. Łozinski въ указанной выше специальной монографіи о Голуховскомъ рѣшительно возстаеъ противъ легенды: показаніе Видмана (отца) Лозинскій считаетъ плодомъ чиновничьей зависти, ссылаясь при этомъ на полное умолчаніе Стадіона о роли Голуховскаго въ „русскомъ вопросѣ“, при представленіи его на должность административнаго начальника край. Въ общемъ, однако, и у Лозинскаго осмысленіе русскаго вопроса въ Галиціи далеко не свободно отъ традиціонной окраски. Лозинскій признаетъ, что 48-й г. ускорилъ повсюду въ Австріи развитіе даже зародышей народнаго сознанія, признаетъ существованіе такихъ зародышей въ Галичинѣ уже въ 30-хъ годахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже тогда предполагаетъ роль „русско-московской“ агитаціи (134). Въ 48-мъ г. галицкая Русь дѣйствовала, по словамъ Лозинскаго, подъ вліяніемъ „политическихъ демоновъ“ (126). Какихъ именно? остается неизвѣстнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лозинскій совершенно оставилъ безъ вниманія указаніе Дѣдицкаго, что Стадіонъ потомъ въ Вѣнѣ говорилъ: „Gr. Goluchowski war Schuld daran, dass ich über die Angelegenheiten der Ruthenen bereits zu spät unterrichtet ward“ и что вѣроятно поэтому онъ и поручалъ Голуховскому лично доставлять Русскимъ важнѣйшія распоряженія (М. Качк. 111). Въ наброскѣ письма Зубрицкаго Моск. обществу ист. и древн. 6 Янв. 1853 г. имѣется в. интересное сообщеніе о переговорахъ Стадіона съ Галичанамъ. „Въ исходѣ 47 или началѣ 48-го г.“ ... Стадіонъ призвалъ къ себѣ нѣсколь-

813 приходскихъ народныхъ школъ¹⁾. Съ того же времени Куземей, котораго мы видѣли во главѣ депутаціи къ Стадіону, прилагалъ все старанія для дальнѣйшаго развитія русскыхъ народныхъ училищъ. Осенью 1847-го г. Ставропигія ходатайствовала о разрѣшеніи изданія на русскомъ языкѣ²⁾. Русь существовала,—признавалась и властями, предписанными въ 1847-мъ году оновѣщать въ Галичинѣ губернскіи распоряженія на русскомъ языкѣ кириллицей,³⁾ и самими Поляками, обращающимися съ воззваніями „къ русскимъ братьямъ“, и, конечно, было бы просто странно, если бы эта Русь не заявила о себѣ въ обстоительствахъ 48-го г. Она должна была выступить, не могла не выступить. Ея шагъ во Львовѣ, начиная съ „петиціи къ монарху“, опредѣлился, въ сущности, дѣйствіями Поляковъ и ихъ „Рады народной“, а самое выступленіе ихъ было обусловлено рѣшительнымъ съ польской стороны отрицаніемъ существованія Руси, какъ народности. Однимъ словомъ, въ 48-мъ г. повторилось буквально то же, что мы видѣли въ 30-хъ годахъ. Но время было другое, а потому и новое движеніе приняло другой характеръ. Благодаря этому, въ 48-мъ г. впервые въ галицкой жизни были

кихъ Галичанъ—въ томъ числѣ и Зубрицкаго—и спрашивали, „есть ли у насъ галицкая исторія, литература и проч., совѣтовали упражняться въ народной рѣчи и требовали отъ меня заняться изданіемъ журнала на русскомъ языкѣ. Я поблагодарилъ за довѣренность, отказался одинокъ по поводу старости, и когда уже вѣялихнула революція, по внушенію тогоже губернатора и съ его пособіемъ началъ молодой кандидатъ права издавать кириллицею журналъ „Галицка Зоря“ на смѣси простонароднаго гал.-русскаго и польскаго говора, ибо и онъ самъ, и читатели его не умѣли другого“. *К. Студинскій*. Въ корреспонденціи Д. Зубрицкаго. Зап. тов. Шевч. т. 43, стр. 58. Къ сожалѣнію, фактъ датированъ Зубрицкимъ крайне неопредѣленно. Интересно указаніе на субсидію „Зорѣ“. Въ замѣчаніяхъ о языкѣ нетрудно замѣтить субъективныя неточности.

¹⁾ *Горассович*. Annales. 1015.

²⁾ *В. Диницкій*. М. Качк. 110. Быть можетъ, приведенное выше сообщеніе Зубрицкаго имѣетъ связь съ этимъ ходатайствомъ.

³⁾ *Br. Łoziński*. Aq. hr. Goluchowski, 137.

выдвинуты и формулированы задачи, не утративши значения и понынь. Мало того, благодаря галицкой Руси, впервые въ 48-мъ г. всплываетъ передъ Европою русскій вопросъ не въ официально-политической, а въ національной формѣ. Галицкая Русь возбуждаетъ мысль о русскомъ мірѣ не только въ Подляскомъ, но и въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей тогдашней Австріи—Стадіонѣ. Тотъ-же вопросъ возникаетъ потомъ и на пражскомъ съѣздѣ, и въ австрійскомъ парламентѣ. Все это сообщаетъ событіямъ галицко-русской жизни 48-го г. особенный интересъ и значеніе. Сами по себѣ эти событія могутъ служить яркимъ образчикомъ пробужденія и роста народнаго сознанія одной изъ самыхъ забытыхъ и приниженныхъ славянскихъ народностей въ Австріи. Въ тоже время они представляютъ не мало такихъ живыхъ подробностей, которыя во многомъ дополняютъ представленный въ предыдущей главѣ набросокъ галицкой жизни и лучше всякихъ легендъ, даютъ ключъ къ пониманію дальнѣйшаго ея хода. Вотъ почему мы и позволимъ себѣ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Познакомимся прежде всего съ выступившими на сцену представителями галицкой Руси.

Депутатія 19 Апрѣля состояла изъ трехъ крылошанъ и трехъ членовъ Ставропигія. Эти скромныя формы, въ которыхъ наконецъ воплотилась мелкавинная во Львовѣ русская тѣнь, вполне отвѣчали скромной русской дѣйствительности. Русское духовенство, какъ единственный въ сущности представитель галицко-русской народности, Ставропигія, какъ единственное ея просвѣтительное учрежденіе—вотъ кто выступилъ наконецъ съ заявленіями о правахъ русской народности. Толпа не сопровождала депутатіи, мало того, въ ней не участвуютъ и официальные представители Руси—митрополитъ или епископъ. Они отсутствовали и въ первомъ собраніи Галичанъ 2 Мая, когда была учреждена такъ называемая „Головная Рада Русская“. Тѣмъ не менѣе и депутатія, и собраніе произвели очень внушительное впечатлѣніе.

Составъ собранія и его обстановка очень характерна. „Около 300 Галичанъ духовныхъ и свѣтскихъ собралось 2 Мая въ коненеторскомъ залѣ у св. Юра“, такъ обыкновенно начинается разсказъ объ организаціи „Головной Рады“. Но тутъ не лишніи нѣкоторые разъясненія относительно количества свѣтскихъ галичанъ, такъ какъ, безъ этого, будетъ неясенъ характеръ выступившихъ на сцену элементовъ галицко-русскаго общества. Какъ ничтожно было число свѣтскихъ представителей галицкой Руси, это лучше всего видно изъ того, что на такъ наз. „Соборѣ галицко-русскихъ ученыхъ“, состоявшемся въ Октябрѣ 48-го г., когда русское дѣло уже выяснилось и сравнительно окрыло, ихъ оказалось всего 30 человѣкъ, т. е. такихъ свѣтскихъ Галичанъ, которые умѣли читать по русски, такихъ-же, которые знали русскую скоропись было всего нѣсколько человѣкъ даже между священниками ¹⁾. Иначе говоря, русская народность по прежнему состояла изъ „хлопа и пона“. Дѣятелемъ, конечно, могъ быть только послѣдній, и онъ дѣйствительно выступилъ на сцену. Въ собраніи 2 Мая главная роль принадлежала рядовымъ понамъ, и они съ того времени являются недолго главными представителями и дѣятелями галицко-русской общественной жизни.

Это были по преимуществу сверетники знаменитой „русской тройцы“. Одинъ изъ нихъ, П. Устѣановичъ прочиталъ въ собраніи стихотвореніе, посвященное памяти безвременно угасшаго М. Шаникевича. Стихотвореніе вызвало всеобщій восторгъ, а Устѣановичъ сталъ героемъ дня. Въ сердцахъ участниковъ собранія воскресла живая память о дняхъ юности, и новое возрожденіе связалось такимъ образомъ съ пробужденіемъ галицкой жизни въ 30-е годы. Отъ мѣста, въ которомъ состоялось первое собраніе выступившихъ на сцену Галичанъ, они получили названіе „свистотурцевъ“. Такъ, по крайней мѣрѣ, сра-

¹⁾ Съѣздъ гал.-р ученыхъ въ 48 г. и ихъ изыковиза пренія. Изъ записокъ Ю. В. Ж. Изд. редакціи „Галичанина“. Льв. 1898. Ср. выш., гл. 1, стр. 44 пр. 2, а также *Свистуриж*, Прикарп. Русь, 1, 128.

зу назвала ихъ „Gaz. Narodowa“, также называли ихъ и польскіе депутаты изъ Галиціи на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ. Но слѣдуетъ сказать, что съ „св. Юромъ“, въ строгомъ смыслѣ этого термина, т. е. съ митрополитомъ и его консенсоріей, до сихъ поръ руководившими галицко-русской жизнью и налагавшими на нее отпечатокъ officialнаго „рутенства“, они не имѣли ничего общаго. До сихъ поръ со стороны св. Юра они испытывали только всечестіи преслѣдованія и не даромъ называли его „осинымъ гнѣздомъ“. Теперь это „осиное гнѣздо“ не обнаруживало никакихъ признаковъ жизни. Все участіе „св. Юра“ въ занимающихъ насъ событіяхъ ограничилось разрѣшеніемъ вынуть изъ консенсорскихъ подваловъ запертую въ нихъ „Русалку Дифтеровую“. Внослѣдствіи митрополиту пришлось объявить себя передъ обществомъ, т. е. главнымъ образомъ передъ массою подчиненнаго ему духовенства¹⁾ но онъ такъ и остался въ сторонѣ отъ охватившаго галицкую Русь движенія, а консенсорія примкнула къ нему развѣ въ томъ смыслѣ, что завела наконецъ у себя русское дѣловодство.

Собраніе 2 Мая началось съ шумныхъ пререканій съ Поляками, которые составляли почти половину публички и всечестіи убѣждали Русскихъ неразрывать польско-національнаго единства и не основывать отдѣльной „Рады“. Когда председатель объявилъ заѣданіе открытымъ и началъ свою рѣчь, шумъ и крики усилились: „не пужимъ двѣ Рады во Львовѣ, одинъ край—одинъ народъ; русины составляютъ часть польскаго народа; русскій языкъ—лишь нарѣчіе польскаго!“ Рѣшено было избрать двухъ ораторовъ: Суэкаго съ польской стороны и А. Заклинскаго съ русской для публичнаго соеязанія по вопросу о Руси. Конечно, соеязаніе не привело ни

¹⁾ „Огвѣтъ клеветникамъ“ Зоря гал. 1849. № 14. Приложение. Замѣчательно, что подобную же роль пришлось въ недавнее время сыграть и митрополиту С. Сембратовичу, но сгруппированной случайности, тоже кардиналу, какимъ внослѣдствіи сталъ и митрополитъ М. Левицкій.

къ чему. Наконецъ, увидѣвъ что Русскіе непреклонны, Поляки вышли изъ зала. Остались одни Русскіе. 80 человекъ записалось въ Члены новаго общества ¹⁾, и лишь затѣмъ председателемъ его былъ избранъ Яхимовичъ, незадолго до этого назначенный перемишльскимъ епископомъ. Такъ организовано было представительство Руси во Львовѣ — „Головная Рада Русская“. По ея призыву и образцу началась организація мѣстныхъ радъ, которыя составили ея отдѣленія. Къ концу Юля такихъ мѣстныхъ радъ было уже 34.

Перенесемъ въ галицкую провинцію, гдѣ, подъ вліяніемъ призывовъ Головной Рады, закипала новая жизнь и гдѣ должна была обнаружиться дѣятельность главнаго элемента галицко-русской общественности — массы сельскаго духовенства. Вотъ какъ описываетъ организацію мѣстной Рады въ Жолквѣ одинъ изъ ея участниковъ. „Весною 1848 г. получилъ отъ знакомаго мнѣ помѣщика письмо, въ которомъ онъ въ очень лестныхъ для меня выраженіяхъ приглашалъ меня пріѣхать въ опредѣленный день и часъ въ Жолкву, съ цѣлью организовать „комитетъ народовой“. Я остолебѣлъ. Цѣль письма была мнѣ неясна, и я долго колебался, что мнѣ дѣлать. Наконецъ, посоветовавшись съ женой и добрымъ моимъ другомъ мѣстнымъ мандаторомъ, которые убѣдили меня не вооружать противъ себя помѣщика, я отправился въ путь не безъ тревоги, которая по дорогѣ еще усилилась, въ виду обнаруживаемаго евреями-корчмарями безпокойства. Прибывъ счастливо въ Жолкву, я увидѣлъ знакомыхъ священниковъ и ободрился. Въ разговорахъ о новыхъ событіяхъ, я объяснилъ цѣль своего пріѣзда и показалъ полученное приглашеніе, „Мы получили также подобное приглашеніе, отвѣчаютъ мнѣ мои друзья, и пріѣхали, чтобы принять участіе въ организаціи комитета народоваго. Но вотъ бѣда, — ночью пріѣхалъ губернской чиновникъ съ письмомъ отъ епископа ²⁾

¹⁾ Свистунъ. Прикарп. Русь. 1.268.

²⁾ Т. е., очевидно, предсѣдателя рады Яхимовича.

и порученіемъ организовать комитетъ русскій. Мы не знаемъ къ какому комитету пристать“. Разговоръ, разумѣется, проше-хидилъ на польскомъ языкѣ. Долго спорили; подошли и вновь прѣхавшіе священники; одни изъ нихъ стояли за „комитетъ народовый“, ибо онъ народный, другіе стояли за русскій комитетъ. Но вотъ одному пришла въ голову оригинальная мысль: „Пойдемъ къ старостѣ (т. е. начальнику уѣзда) и посоветуемся съ нимъ!“ „Большинство приняло это предложеніе; выбрали депутатію, въ которую вошелъ и я. Мы застали старосту—это былъ полякъ—въ большомъ смущеніи.... Когда мы сообщили ему о нашихъ недоумѣніяхъ (при чемъ, конечно, рѣчь велась на польскомъ языкѣ) и спросили, подобаетъ ли намъ принимать участіе въ комитетахъ, и—если это позволительно—въ какомъ именно принять намъ участіе, онъ, подумавъ немного, отвѣтилъ тихимъ, неувереннымъ голосомъ, что въ дѣло комитетовъ онъ не вмѣшивается и предоставляетъ намъ полную свободу, самъ онъ, однако, полагаетъ, что если бы былъ русскимъ, то принялъ бы участіе въ русскомъ комитетѣ. Эти слова и послужили для насъ указаніемъ. Мы сейчасъ-же отиравились къ губернскому чиновнику и заявили ему готовность приступить къ образованію русскаго комитета. Но нѣкоторые изъ нашихъ остались при комитетѣ народовомъ и отъ насъ отделились“¹⁾).

Вотъ живая иллюстрація галицко-русскаго возрожденія. Подобнымъ же образомъ организованы были рады и въ другихъ мѣстахъ. Починъ исходилъ то отъ помѣщиковъ, то отъ мѣстныхъ чиновниковъ, а характеръ радъ устанавливался естественно, согласно съ массовымъ характеромъ населенія²⁾).

¹⁾ Галицкая Русь въ европейской политикѣ. Изд. ред. „Новаго Пролома“. Льв. 1886, стр. 68 сл.

²⁾ Вотъ напр. какимъ образомъ была организована рада въ Станиславовѣ. „Въ назначенный день собралось нѣмцы и чехи; председатель говорилъ по нѣмецки, потому одинъ полякъ—чиновникъ по польски. Собравшіеся составили общество и пригласили къ вступленію въ него русскихъ мѣщанъ и селянъ, и только когда явились послѣдніе на

Неопределенная роль местных чиновников была немедленно не использована, между прочим, въ многочисленныхъ каррикатурахъ, гдѣ Стадіонъ изображался въ митрополичьемъ облаченіи а Яхимовичъ съ косою въ рукѣ (будто онъ думаетъ рѣзать Поляковъ) и мышкомъ „московскихъ рублей“¹⁾. Подобными карриками сильно дѣйствовали особенно на молодежь. Всюду она становилась въ первые ряды движенія, но отъ русскихъ радъ она сторонилась. Гимназисты и студенты университета не умѣли читать по русски; воззванія львовской Рады на нихъ поэтому не оказывали никакого вліянія. Въ большинствѣ случаевъ они были увлечены польской агитаціей и членовъ русскихъ радъ называли „шварцъ-гельбера-

второмъ засѣданіи, собраніе приняло русскій характеръ. Тогда угрозою было богослуженіе, во время котораго одинъ мѣщанинъ держалъ синее знамя со львомъ на одной и австрійскимъ орломъ на другой сторонѣ“. После богослуженія, начались въ гостиницѣ совѣщанія, среди шума и крика со стороны поляковъ. Одинъ изъ нихъ, студентъ, зажегъ въ печкѣ приготовленный порохъ; на головы собравшихся посыпался песокъ, раздались крики: „спасайтесь, домъ валится!“ Виновика переполоха, однако, удалось замѣтить и вытолкать за двери. Предсѣдатель послалъ за военнымъ патрулемъ, подъ охраной котораго собраніе продолжалось. Дальнѣйшія засѣданія станиславовской рады происходили каждый четвергъ въ церкви. Въ серединѣ поставлены были столы и кресла для членовъ правленія рады. Въ церковь входилъ кто хотѣлъ, говорилъ рѣчь, вносилъ предложенія, которыя записывались въ протоколъ и отсылались въ Главную Раду. Все это происходило довольно безпорядочно. „Вотъ выступаетъ священникъ и предлагаетъ, чтобы во Львовѣ создать „Народный домъ“ для музея и бібліотеки, чтобы при дорогахъ сажать фруктныя деревья и огораживать ихъ живою изгородью, чтобы завести русскій языкъ въ школы и администрацію, чтобы основать сирокотство въ Станиславовѣ, а уланскіе полки преобразовать въ казацкіе. Вотъ выступаетъ крестьянинъ и жалуется на помещика и мандатора, прогоняющихъ его съ земли и отнимавшихъ лѣсъ и пастбище. Въ толпѣ возникаетъ шумъ, предсѣдатель звонитъ, призывая къ порядку, а многіе крестьяне становятся на колѣни, полагая, что начинается обѣдня“... *Сенатунъ*. Прикари. Русь, 1. 27 сл. 3.

¹⁾ Тамъ-же.

ми". Такое-же настроеніе сказывалось, какъ мы видели, и среди нѣкоторыхъ священниковъ; но въ значительномъ большинствѣ ихъ чувство народности не было еще окончательно вытравлено. Они сгруппировались около „Головной Рады“ и потянули за собою массу населенія и немногочисленныхъ разночинцевъ русскаго рода, вышедшихъ въ большинствѣ изъ той же духовной среды, и вотъ эти-то элементы, въ новыхъ условіяхъ времени и составили контингентъ представителей и дѣятелей галицкой Руси.

Въ матеріальномъ отношеніи—это была круглая бѣднота, по положенію—это былъ классъ зависимый во всѣхъ отношеніяхъ: отъ консисторій, отъ помѣщиковъ-патроновъ, отъ гражданскихъ властей, наконецъ въ національномъ смыслѣ—это былъ элементъ безформенный: имъ трудно было говорить по русски, и можно повѣрить, что въ собраніи 2 Мая нѣкоторые плохо понимали ораторовъ, говорившихъ горячія рѣчи о Руси и обращались къ нимъ съ просьбой разъяснить содержаніе этихъ рѣчей¹⁾. Мудрено ли, что подобное представительство возбуждало насмѣшки, казалось какой-то карикатурой? Стихотвореніе Устѣновича было на скоро переведено съ польскаго²⁾. Тоже самое можно сказать и о составленномъ Головной Радой воззваніи къ русскому народу: по языку и слогу—это почти что польская рѣчь. Только наличность народной русскоѣ массы, знамя народности, поднятое временемъ сообщало дѣйствительный смыслъ заявленіямъ

¹⁾ „Молимъ васъ, госѣды, поясните намъ, що такое вы такъ долго говорили“. Галицкая Русь въ европ. полит. 72.

²⁾ „Я перевелъ мой стихъ, посвященный памяти Марціана говоритъ Устѣновичъ въ своей автобіографіи, на галицко-русское нарѣчіе и чтобы теплымъ вѣтеркомъ жалосныхъ воспоминаній разогрѣть сочувствіе и въ тѣхъ многихъ лицахъ изъ мірекой русскоѣ интеллигенціи, которая уже слишкомъ позабыла языкъ русскій и даже русскоѣ буквы не знали, постарался я напечатать текстъ польскій вѣдетъ съ русскимъ. И такъ мелочь не стоила бы воспоминаній, но она имѣла большое вліяніе на проснувшуюся народную жизнь галицко-русскоѣ братіи“. Лит. Сборн. гал.-р. Матицы. 1885 стр. 44.

этого убогаго во всѣхъ отношеніяхъ галицко-русскаго представительства. Его заявленія о русской народности возбуждали то подозрѣнія, то рѣзкіе протесты и глумленія. Сами представители этой народности не были по вопросамъ о ней свободны отъ разныхъ сомнѣній и недоумѣній, и только развѣ инстинктивное чувство отдельности отъ Поляковъ объединило въ одно цѣлое эти всевозможнѣйшія варіанціи національнаго перерожденія. Это чувство и сказалось главнымъ образомъ какъ въ денутаціи 19 Апрѣля, такъ и въ собраніи 2 Мая, такъ и въ „Одозвѣ“ 10 Мая, наконецъ въ организаціи мѣстныхъ русскихъ радъ и только съ этой стороны дѣйствія Галичанъ имѣютъ вполнѣ опредѣленный характеръ ¹⁾. Въ остальномъ Галичане представляли эмбрионъ съ очень неяснымъ обликомъ. Всѣ ихъ дѣйствія были въ сущности точной копіей дѣятельности Поляковъ, но, въ свою очередь, они обусловили дальнѣйшую политику последнихъ по отношенію къ Руси.

Мы видѣли, что Поляки, убѣдившись въ невозможности склонить Русскихъ на свою сторону, ушли изъ собранія „у св. Юра“. Это, однако, вовсе не значило, что они представили Руси свободу дѣйствій. Напротивъ, они еще рѣшительнѣе стали отрицать ее, еще настойчивѣе стали заявлять о другой Руси, по ихъ мнѣнію, „настоящей“. Скоро выступили на сцену и представители этой „настоящей Руси“.

Отъ имени „русской шляхты“ (Нузына, Степкій, Шумлянскій, Голесевскій, Дзѣдушицкій) и другихъ подобнаго рода „настоящихъ русиновъ“ заявленъ былъ, во имя польско-русской исторической уніи, протестъ противъ русской „петиціи къ монарху“. Такихъ „настоящихъ Русиновъ“ оказалось во Льво-

¹⁾ См. чрезвычайно характерное письмо Гр. Шанкевича „Do pana Juliana Aleksandra Kamińskiego, co się zowie przyjacielem ludu, we Lwowie“. Ж. и Сл. V, 216 сл., а также „Słowo jedno w celu wzajemnego porozumienia się“. „Слово“ это было написано О. Подляскимъ въ концѣ Марта 48 г., по поводу статьи въ „Dzienn. Narod.“, доказывавшей, что Русскіе должны бы, собственно, называться Поляками, по имени Кіевскихъ Полянъ. Лит. Сборн. гал.-р. Мат. 1886, стр. 210 сл.

въ 64 человека, и изъ нихъ составленъ былъ въ противовѣсъ Головной Радѣ такъ называемой „Русскій Соборъ“. 8 Юня, по иниціативѣ извѣстнаго намъ К. Ценглевича, издано было соответствующее воззваніе „къ русскимъ братьямъ“, гдѣ, между прочимъ, заявлялось, что „Русская Рада“, состоящая преимущественно „изъ превелебныхъ священниковъ не може ся skutечно займовати чимъ иншимъ, токмо дѣлами церковными и честною працею о спасеніи небесномъ; а нашъ Соборъ, складающійся не токмо съ велебныхъ отцовъ духовныхъ, але такожъ зо вѣхъ инчихъ становъ, постановивъ, не минаючи такожъ праведного намѣренія Р. Рады, заняти ся вѣсьми потребамъ русскаго народа“. 16 Юня происходило первое засѣданіе Р. Собора. Юл. Горонкевичъ призывалъ Русь къ тѣсному единенію съ Польшею. „Зорь Галичскою“ рѣшено было противопоставить „Дневникъ Русскій“ а въ редакторы его въ скоромъ времени удалось привлечь одного изъ членовъ „русской тройцы“ злополучнаго П. Вагилевича. Въ виду того, что Р. Рада послала на славянской сѣздъ въ Прагѣ своихъ депутатовъ, „Соборъ“ рѣшилъ послать депутацию и съ своей стороны ¹⁾.

¹⁾ Первые шаги организаціи „Р. Собора“, какъ всякое темное дѣло, по нѣмалѣ явил. Повидимому, предварительныя совѣщанія происходили въ квартирѣ Пузыны (*Schäfer-Pepl. Z. przeschl. 531*); генеральная ренетиція происходила, по Огоновскому, 23 Мая въ редутиныхъ залахъ стараго театра; по Свистуну — въ английской гостинницѣ. Важную роль въ организаціи „Собора“ Свистунъ приписываетъ эмигранту изъ Малороссіи Генр. Яблоцкому. Онъ будто-бы указалъ полякамъ, что неблагоприятно отрицать малорусскую народность, а наоборотъ — слѣдуетъ привить ей представителю сознаніе отдельности отъ Россіи. Фактъ безъ сомнѣній интересный, но въ данномъ случаѣ значеніе Яблоцкаго (Генриха? или Льва? ср. *Левичій Гал.-р.-биол. X 468*) сводилъ по преувеличено авторомъ „Воспоминаній изъ недавней будущущины“, на котораго ссылается Свистунъ. Дѣло въ томъ, что подобныя взгляды на ю-з. часть русскаго племени были тогда офицерасироукраинцами. Такъ думали даже мнѣе русскіе въ Россіи. Объ этомъ см. нашу ст. „По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей“, гл. 1 и 2. Что касается Галиціи, то достаточно вспомнить Ценглевича, Попеля,

Въ Прагѣ галицко-русское дѣло въ первый разъ высту-
пило на широкую сцену впервые обозначившихся тогда сла-
вянскихъ интересовъ. Галицкая Русь предстала здѣсь въ двой-
номъ обликѣ—депутатовъ „Головной Рады“ и „настоящихъ
Русиновъ“ „Р. Собора“. Это, конечно, ставило членовъ, съѣз-
да, а особенно главныхъ его распорядителей и хозяевъ, Че-
ховъ, въ немалое затрудненіе. Въ концѣ концовъ рѣшено бы-
ло составить изъ обѣихъ депутацій, вмѣстѣ съ Поляками,
польско-русскую федерацію, на основѣ полной равноправности
языка и обряда въ школь и администраціи. Идея униіи была
такимъ образомъ спасена, но въ постановленіяхъ польско-рус-
ской ескіи была, по настоянію депутатовъ „Рады“, допущена
въ принципѣ возможность раздѣленія Галиціи на двѣ части
по народностямъ. Вопросъ этотъ положено было предоставить
рѣшенію будущаго сейма¹⁾.

Такъ передъ лицомъ всего славянства номѣрилась сила-
ми русская правда и русская кривда. Силы были, повидимо-
му, неравны. „Настоящихъ Русиновъ“ поддерживали всеми
средствами Поляки, игравшіе на съѣздѣ очень видную роль.
На депутатахъ „Головной Рады“ лежала печать національной
неопредѣленности и тѣнь узкаго клерикализма; тѣмъ не ме-
нѣе допущеніе въ принципѣ раздѣла Галиціи по народностямъ,
противъ чего такъ возставали Поляки, представляло крупную
правдивую побѣду депутатовъ Рады. Представитель га-
лицко-русскаго духовенства, крыломанецъ Гинилевичъ приоб-

чтобы признать, что мысль о противобѣдѣ „Головной Рады“ могла
возникнуть совершенно независимо отъ воздѣйствія украинскихъ эми-
грантовъ. Вѣдомымъ также, что нѣкоторые русскіе священники коле-
бались, не знали, что имъ дѣлать, куда пристать. Официальные пред-
ставители Руси—митрополитъ и его конексторія держались совершенно
въ сторонѣ, а учащаяся русская молодежь была почти поголовно
ополочена. Если Полякамъ удалось сманить на свою сторону Вагиле-
вича, то слѣдуетъ, въ сущности, удивляться, что „настоящихъ Руси-
новъ“ набралось всего только 61 человекъ.

¹⁾ *Moraczewski, Opis pierwszego zjazdu Słow. Pozn. 1848 стр.*
31. Cieszyński, Прикарп. Русь. 1, 276 сл. Zd. Tobolka, Slov. Sjezd. 145.

рять на съездъ всеобщее уваженіе и сочувствіе¹⁾ и, конечно, во многомъ содѣйствовать разсѣянію усердно распространяемыхъ легендъ насчетъ „Русской Рады“, какъ собранія клерикаловъ и орудія въ рукахъ Стадіона и центрального правительства.

Дѣятельность польско-русской секціи славянскаго съезда въ Прагѣ представляетъ для насъ эпизодъ далеко не посторонній. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ о ней самыя скудные свѣдѣнія²⁾. Одно только можно сказать съ полною достовѣрностью: представители Руси и Польши въ равной мѣрѣ выводили съездъ изъ узкихъ рамокъ австрійской лояльности, являясь въ тоже время совершенными противоположностями по идеаламъ, взглядамъ, чаяніямъ. Политическая программа даже такого некрещеннаго либерала и демократа, какъ Фр. Смолька была обращена исключительно въ сторону народностей *политическихъ* и совершенно игнорировала интересы славянскихъ единицъ *этнографическихъ*; тогда какъ именно эти интересы и выдвигались на первый планъ представителями русскаго міра и въ этомъ отношеніи они, при всемъ своемъ разительномъ несогласіи, были вполне согласны по существу какъ между собою, такъ и съ большинствомъ представителей славянства. Въ частности, къ Галичанамъ можно бы вполне примѣнить замѣчаніе Шпрингера о Чехахъ, что, будучи по формѣ консерваторами, они требовали отъ вѣнскаго правительства въ сущности гораздо больше, чѣмъ именованіе радика-

1) *Moraczewski*, к. в. 92.

2) Кажется, даже мало надежды на умноженіе этихъ скудныхъ свѣдѣній въ будущемъ. Новѣйшій историкъ славянскаго съезда Тоболька наводилъ во Львовѣ и въ другихъ мѣстахъ справки на счетъ относящихся къ польско-русской секціи бумагъ, увезенныхъ, какъ оказывается, во Львовъ Целаревимъ и переданныхъ „Радѣ народовой“ (*Slov. Sjezd*, 205 стр. 1). Между тѣмъ только въ этихъ бумагахъ, какъ бы онѣ ни были отрывочны и неполны, можно бы найти болѣе точныя указанія на вопросы, обсуждавшіеся въ польско-русской секціи и на роль такихъ разнородныхъ представителей Руси, какъ Галичане, египтофръ Милорадовъ и наконецъ Бакунины.

ды. И это понятно. Они вносили въ политику принципъ живыхъ а не фиктивныхъ политическихъ народовъ между тѣмъ какъ даже Смолька имѣлъ въ виду только историко-политическіе организмы¹⁾. Оттого атмосфера славянскаго съѣзда въ Прагѣ оказалась для Смольки невыносимой. Его потянуло въ Вѣну, и онъ уѣхалъ туда уже 8 Іюня²⁾. Оттого такъ разошлись съ дѣйствительностью тѣ надежды, которыя возлагалъ на славянъ напр. Морачевскій³⁾.

Вернемся, однако, во Львовъ.

3-го Іюня Стадіонъ уѣхалъ изъ Львова. Онъ былъ вызванъ ко двору для составленія новаго министерства, отъ чего онъ, однако на первое время отказался. Только 30 Іюля

¹⁾ Вотъ интересная программа Смольки, какъ ее сообщаетъ Widmann, 414 сл. Австрія должна вернуться къ своей старой исторической роли—принять римско-нѣмецкую корону и объединить Германію. Она должна отказаться отъ итальянскихъ земель; возстановить всецѣло венгерскую конституцію и такимъ путемъ стремиться къ созданію вокругъ Венгріи соединеннаго придунайскаго государства (Unteress Donauereich), съ которымъ Австрія должна остаться въ личной уніи. Галиціи должно быть дано отдѣльное управленіе съ ея національными учрежденіями, и она должна быть заранѣе предназначена послужить ядромъ будущей Польши, которая тоже должна быть связана съ Австріей личной уніей. „Такимъ образомъ Австрія, по мнѣнію Смольки, стала бы цѣльнымъ нѣмецкимъ государствомъ, съ такими прекрасными аннексами, какъ Польша и Венгрія, съ принадлежащими къ нимъ территоріями“. Какова была бы въ такомъ случаѣ судьба этихъ „территорій“, этотъ вопросъ у Смольки, повидимому, и не возникалъ. Онъ говоритъ объ энтузізмѣ для габсбургской династіи, какой могла бы вызвать эта программа въ народахъ нѣмецкомъ, польскомъ и венгерскомъ, очевидно, включая въ понятіе этихъ „народовъ“ и народности, занимающія принадлежащія этимъ народамъ „территоріи“. Отголоски подобныхъ взглядовъ см. напр. у *Спасовича*, Новѣйшая исторія Австріи. В. Евр. 1866 т. II. 238 сл.

²⁾ *Widmann*. Fr. Smolka, 171.

³⁾ *Opis pierwszego zjazdu Slow.* 47 сл.

быть назначенъ на его мѣсто В. Залескій, но онъ прибылъ во Львовъ не раньше конца Октября. Все это время администраціей Галиціи вѣдалъ Голуховскій, а высшимъ представителемъ власти былъ командующій войсками генералъ Гаммерштейнъ; но его отношеніе къ гражданскимъ властямъ не были опредѣлены, такъ что означенный промежутокъ времени—съ начала Іюня до конца Октября—былъ для Галиціи временемъ административнаго междунаретвія. Благодаря этому, общественныя силы края получили возможность и обнаружиться, и развернуться, въ мѣру своего дѣйствительнаго значенія, особенно въ виду выборовъ въ парламентъ и полной, повидимому, растерянности центральныхъ властей¹⁾. Именно въ это время происходила окончательная организація русскихъ силъ, въ видѣ мѣстныхъ радъ, какъ отдѣленій „Головной Рады“, происходили выборы и открываются засѣданія парламента, а „Головная Рада“ обращается туда съ своими заявленіями. Въ тоже время на октябрскомъ съѣздѣ Галичанъ былъ произведенъ новый смотръ галицко-русскихъ общественныхъ силъ, подводили итоги ихъ дѣятельности и намѣчены задачи ближайшаго будущаго. Эти дѣйствія русскихъ Галичанъ встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны Поляковъ и выдвинутыхъ ими „настоящихъ Русиновъ“ „Р. Собора“. Напряженная борьба организованныхъ такимъ образомъ партій завершается къ пріѣзду Залескаго. Съѣздъ Галичанъ закончилъ свою дѣятельность какъ разъ наканунѣ пріѣзда новаго губернатора. Одновременно исчезла со сцены шумная декорачія „настоящей Руси“: „Р. Дневникъ“ прекратился, „Р. Соборъ“ сразу стоялъ.

Таково общее содержаніе періода административнаго междунаретвія во Львовѣ. Оміѣтимъ важнѣйшія подробности.

Мы уже упоминали о протестѣ „русской шляхты“ противъ программы и дѣятельности „Головной Рады“. Онъ былъ усердно поддержанъ К. Ценглевичемъ, Сунинскимъ, Домбчан-

¹⁾ Министръ Добльготъ, напр., даже не зналъ, кто, собственно, править Галиціей. *Widmann*, 225.

снимт. Обіййй смыслъ ихъ статей и брошюръ сводится къ ставшему впоследствіи классическимъ: „Niema Rusi!“ Въ частіи жъ, они особенно вооружались противъ выдвинутого „Головного Радою“ требованія раздѣла Галиціи на двѣ части по народностямъ. Какую цѣль, спрашиваетъ Домбчанскій, можетъ имѣть раздѣлъ Галиціи? Въдь если она останется подъ властью Австріи, въ такомъ случаѣ раздѣлъ поведетъ за собою только излишніе расходы казны, такъ какъ въ цѣломъ краѣ нѣтъ ни одного юриста, знающаго русскій языкъ и правописаніе; нѣтъ на русскомъ языкѣ ни законовъ, ни постановленій, такъ что новому губернскому правленію пришлось бы выписывать чиновниковъ изъ Россіи ¹⁾.

На ряду съ этими польскими голосами раздавались подголоски „настоящихъ Русиновъ“ въ „Дневникѣ Русскомъ“. Здѣсь на всѣ лады доказывалась необходимость „удерживанія згоды и односты зъ мыромъ сполнои отчины“ ²⁾; необходимость единенія „народа, который мешкаючи въ одномъ краі, лише одностію мыслей и венолностію ділани може осягнути совершеніе тыхъ слободъ, которы въ р. 1848 такъ світло засіяли майже для всей Европы“ ³⁾.

¹⁾ *Schnür-Pepl. Z przeszł.* 538. Это напоминаніе о Россіи могло быть не лишне, въ виду общераспространенныхъ слуховъ, будто еп. Яхимовичъ получилъ изъ Россіи милліонъ рублей для проведенія раздѣла Галиціи. Впрочемъ Домбчанскій счелъ нужнымъ заявить, что онъ не вѣритъ какъ этому слуху, такъ и слухамъ о томъ, что часть русскаго духовенства слѣпо повинуется инструкціямъ Стадіона.

²⁾ „Дневн. Р.“ № 1: „Program“, за подписью Вагилевича, а также „Wozwanie R. Sobora do swoich bratow“.

³⁾ Такъ выражается „Otożwa swiaszczennykow hreczesko-sojedynenoho i spowidania zemly sianoekoi“ Дн. Р. № 2. Здѣсь между прочимъ высказывается такая характеристическая мысль: „jesly przeźde nazywałyśmo się Chorwatami, Polakami, Bużanami i p., a napośledy kniazi ruski nakładły namъ nazwa Rusy — seje не może byti dostatoecznoju pryczynoju, abyśmo sowerszenno otdilnymъ odъ Polakowъ mały byti narodomъ. Jakъ wъ zakonnomъ małżeństwie dity не nazywajutъ się po matery, ale po otcowy, takъ i namъ czerezъ sojedynienie sъ narodomъ polskimъ może by należało przyjmyty imia spolnoji otczyny. Wopraczoмъ nazwa mało szczo

Этот дружный хор русской кривды во многом, однако содействовать разтягиванию занузаных галицких дѣлъ

znaczyt, holownoju rzeczju jest usunuty wszelki niezgodu mohuszczy spinyty ukriplenie slobod naszych konstytucyjnych". Эта „отозва“ священниковъ была поднесена нѣкимъ Др. Мед. Юс. Вльковекимъ. Въ № 3 помѣщено предостереженіе по поводу адреса „Р. Рады“ о раздѣлѣ Галиціи, а также извѣстная намъ рѣчь Ю. Горонкевича, перенесенная угрозами „ворогамъ вольности, дѣтямъ тьмы и невзгоды“. Въ № 4 имѣется очень характерное „свидѣніе“ Кир. Максима Вльковского, посла галицкаго на сеймѣ конституціонномъ во Відни“, очевидно, того самого Вльковского, который 19 Марта такъ возмущилъ Поддѣскаго своимъ заявленіемъ о Руси. По поводу полученнаго имъ анонимнаго письма, съ печатью М. К., Вльковскій заявляетъ, что, хотя нѣкоторое время онъ долженъ былъ молчать, но никогда не отступалъ отъ политическихъ основъ „powziatyh jeszcze w 1834 r.... Poniacie czestnobo Rusyna jest w meni tak dawnoje, jak jest poniatie samoho sobe“ и потому онъ не постигаетъ, какую пользу можетъ принести русскому народу отдѣленіе „ot naszych soplemennykow witwy polskoj,—ot witwy, kotroi roznorodnost najstrohszi izslidowanija drevnich pamiatnikow istoryczeskich jeszcze ne wyjasnyly“, которая связана съ нами не только происхожденіемъ, языкомъ, обычаями, но и „perejmioju terytorjalnoju i wuzlamy familijnymi. Odnym slowom, ne mozu moim prostym rozumom poniaty, jakuju koryst prynesty mozet narodowi ruskomu zaprojektowanuj podil Galieyi na rusku i polsku, ot dejakieh temnyh, samolubnyh czesty i podwyższenia bazajucznych czerez czorno-zolotu obłudnuju biurokraacyju znorowlenych Rusynów, rowno jak wszelkie insze otluczenie sie ot Polakow“. Въ послѣднихъ № 6—9 „Дн. Р.“ заслуживаетъ вниманія „Слово о Руси и ея становини политическимъ“, гдѣ, между прочимъ, выдвигаются личности Выговекаго и Мазены, какъ истинныхъ представителей и героевъ русской народности. „Дн. Р.“ выходилъ съ 30 Августа по 25 Октября (всего 9 №—овъ). Печатное число экземпляровъ издавалось латинскими буквами,—въ моихъ рукахъ былъ именно такой экземпляръ. Кратковременное существованіе этого органа „истинныхъ Русиновъ“ не лишено значенія. Въ „Р. Соборѣ“ и „Р. Дневникѣ“, въ раздвоеніи представителей Галиціи на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ слѣдуетъ усматривать первое проявленіе того двойственнаго облика Галицкой Руси, отъ котораго она не освободилась и до сихъ поръ. Также точно еще до сихъ поръ можно встрѣтиться съ отголос-

и отношеній. Такъ напр. протестъ „русской шляхты“, русскія кости которой давимъ давно поросли польскимъ мясомъ, не могъ не производить комическаго впечатлѣнія; еще болѣе комизма представляла въ галицкихъ условіяхъ „одозва священниковъ“, подписанная медикомъ или возведеніе Мазены въ народные герои. Составленный тогда-же для „настоящихъ Руссиновъ“ гимнъ: „Мы съ Ляхами, Ляхи съ нами, и въ прахъ вража сила! И, якъ было съ давень-давня, Засіає Русь преслава Руссиновъ дѣлами!“¹⁾ долженъ былъ живо напомнить Галичанамъ подобныя-же гимны и пѣсни 30-хъ годовъ и то плачевное положеніе, въ какомъ оказалась Галичина въ 40-е годы²⁾. Все это только подымало престижъ „Р. Рады“, сообщало ей дѣйствіемъ живой смыслъ и значеніе и давало ей возможность вдохнуть жизнь и энергію въ безформенные въ національномъ смыслѣ элементы галицко-русскаго общества.

Колебаніе нѣкоторыхъ священниковъ смѣнилось рѣшительностью, и призывы „Рады“ повсюду пробуждали новую жизнь и дѣятельность, между прочимъ, въ широкихъ массахъ подавленного населенія, для котораго нашъ и полякъ были синонимами. Народъ сразу обнаружилъ явное недовѣріе къ тѣмъ священникамъ, которые держали сторону пановъ³⁾. Это имѣло

сками идей, высказанныхъ въ „Словѣ о Руси и ея становини“; см. напр. „Русь-Украина и Московщина“ А. Цегельскаго. Льв. 1901. (изд. „Прогрѣтъ“).

¹⁾ *Систунъ* 1.278. Подобная же пѣсня составлена была Поляками по случаю освобожденія отъ панщины, причемъ самое освобожденіе было, конечно, приписано Полякамъ. „Прилетѣла ластивонька та до насъ зъ весною; Ой прихавъ намъ зо Львова до насъ зъ новоною. Ой прихавъ тай сказавъ намъ: Помогай Богъ, людо! Якъ бувало, такъ бувало, теперъ добре будо... Нема хлопа, нема пана, лише вси однаки, Такъ вси хочемъ й такъ вси жедують Поляки... Ой лѣтила ластивонька понадъ берегами, Ней Ляхи будуть здорови, трымаймо зъ Ляхами!“.

²⁾ См. гл. I-я. О брошюрѣ извѣстнаго К. Ценглевича „Rzecz czerwonoruska“ тамъ-же стр. 42 пр. 1.

³⁾ См. переписку Каминскаго и Гр. Шапкевича Ж. и Сл. V. Въ одномъ письмѣ Каминскій замѣчаетъ: „od 30 Maja potworne myśli

дѣль большее значеніе, что какъ разъ въ это время происходили выборы въ парламентъ. Они прошли довольно благоприятно для русской народности, особенно если принять во вниманіе крайнюю скудость ея средствъ и сильную агитацію Поляковъ противъ русскихъ выборовъ¹⁾. Въ общемъ число 96 депутатовъ отъ Галиціи, не считая соединенной тогда съ Галиціей Буковины, выславшей отъ себя 12 депутатовъ, было 27 русскихъ крестьянъ и 8 священниковъ²⁾. Такимъ образомъ все ярче обнаруживался дѣйствительный характеръ гал.-русской народности, и таялъ, точно зимній снѣгъ отъ лучей весенняго солнца, польскій налетъ на русской толщѣ.

Скоро въ вѣнскомъ парламентѣ всталъ вопросъ о раздѣлѣ Галиціи. Съ этимъ вопросомъ мы встрѣчались уже на

krzyżują się po głowach naszych biednych włościan. Myśl o Rusi plastycznie w mowach kapłanów odbita nagina lud nasz do pojęć komunizmu. Oto zwrotka pieśni, która krąży pomiędzy ludem ruskim: „koly to Ruś, koly polakie najszly do nas, jak ksiądz holosiat, to i wsia zemla nasza, i pański lany, pasowyska i lisy, wsio nasze“. Тамъ-же, 371.

1) „Когда надо было выбирать депутатовъ въ вѣнскій сеймъ, явились въ села польскіе агенты и стали отговаривать отъ выборовъ. Одни говорили: все то брехня, что вамъ читали комиссары и поны въ церкви, не выбирайте, потому что всякаго, кто попробуетъ поѣхать въ Вѣну, будутъ тамъ безъ милосердія бить, и ужъ онъ навѣрно назадъ не вернется. Другіе говорили: не идите на выборы, добрые люди, и другихъ отговаривайте, потому что въ Вѣнѣ собираютъ подписи на паницину“... Русины въ 1848. *Основа* 1862 кн. 2.

2) *Списатель*. 1.287 *Schnür-Pepl. Z przeszł.* 550, здѣсь все носилъ поименованъ. Въ числѣ ихъ былъ и Стадіонъ, избранный русскими крестьянами въ округѣ Рава. Наряду съ поэтомъ Денеромъ и полякомъ Смолькой онъ представлялъ одну изъ типичнѣйшихъ фигуръ австрійскаго парламента, гдѣ его окружали галицко-русскіе депутаты, особенно крестьяне. На Вѣнецъ эти представители Руси производили нѣсколько странное впечатлѣніе, но отъ одного изъ нихъ П. Кануцка они услышали такую потрясающую рѣчь о положеніи гал.-русскаго крестьянства, какихъ въ парламентѣ произнесено было немного. Спасаюсъ говорить о Кануцакѣ, какъ о „сравненемъ съ цѣли рабѣ—мечителѣ“. В. Евр. 1866, т. 2, 321, а *Schnür-Pepl.* называетъ его рѣчи „niezdarne, wyuczone elukubracye“. *Z przeszł.* 553.

сѣздѣ въ Прагѣ, гдѣ депутаты „Р. Рады“ одержали нравственную побѣду надъ „настоящими Русинами“ „Р. Собора“. На выскомъ грунтѣ было, конечно, легче, чѣмъ въ славянской Прагѣ потѣснить на задній планъ убогое галицко-руское представительство, возбуждавшее немало недоумѣній и выдвинуть „настоящихъ Русинновъ“, чистыхъ отъ какихъ бы ни было подозрѣній въ связяхъ съ пугаломъ тогдашней Европы—Россіей. Это было тѣмъ легче, что выдвинутый „Р. Радой“ вопросъ о раздѣлѣ нетрудно было представить въ „черно-желтомъ“, такъ сказать, освѣщеніи.

Дѣйствительно вопросъ этотъ возникъ впервые въ административныхъ кругахъ, сейчасъ-же по занятіи Австріей Кракова (въ концѣ 1846) и очень живо обсуждался властями въ теченіе 1847 г. Въ виду протестовъ со стороны Франціи и Англіи, какіе вызвало занятіе Кракова, въ виду поддерживаемыхъ съ польскою стороны слуховъ, что австрійская оккупанція имѣетъ лишь временный характеръ и что затѣмъ опять будетъ восстановлена краковская республика, рѣшено было ускорить административное раздѣленіе края, и уже 27 Февраля 1847 изданъ былъ въ этомъ смыслѣ императорскій рескриптъ, въ силу котораго Галиція подлежала раздѣлу на двѣ губерніи львовскую и краковскую. 29 Марта опредѣленъ былъ составъ округовъ обѣихъ губерній¹⁾, причемъ рѣшено было произвести раздѣлъ, лишь послѣ окончательной разработки всѣхъ относящихся сюда подробностей. Тогдашній начальникъ галицкой администраціи бар. Кригъ усматривалъ въ раздѣлѣ лучшее средство разбить сплоченный лагерь польской шляхты и главнымъ образомъ въ виду этого призналъ желательность раздѣла, хотя въ тоже время считалъ необходимымъ оставить нераздѣльными общественные фонды и указывалъ затрудненія въ соответствующемъ разграниченіи снархій, опасаясь, какъ бы этимъ не воспользовалась Россія во вредъ

¹⁾ Округа: Вадовице, Бохня, Н. Сончъ, Ясло, Тарновъ, Ришенъ и Санокъ должны были составить краковскую губернію; остальная часть Галиціи, вмѣстѣ съ Буковиной—львовскую.

католицизма. Почти все было уже подготовлено къ исполненію проекта, но новый губернаторъ, гр. Стадіонъ считалъ его неудобноисполнимымъ и остался при этомъ мнѣніи, несмотря на вторичное предписаніе раздѣла, требуя во всякомъ случаѣ оставить верховное единство, въ лицѣ общаго для обоихъ частей Галиціи губерниатора. Въ виду указаннаго выше политическаго значенія этого вопроса, рѣшено было, однако, установить въ Краковѣ отдѣльное окружное управленіе, независимо отъ окончательнаго выясненія вопроса о раздѣлѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ Галичане получили этотъ вопросъ въ наслѣдіе отъ прошлаго, но, конечно, сообщили ему совершенно иной смыслъ — не административно-политическій, а чисто національный. Въ такомъ именно смыслѣ дебатировался этотъ вопросъ въ Прагѣ и одновременно „Р. Рада“ передала Голуховскому, какъ представителю мѣстной администраціи, прошеніе на высочайшее имя о раздѣлѣ Галиціи, мотивируя его правами и потребностями русской народности. Голуховскій отпривилъ прошеніе въ Вѣну 15 Іюня, со ссылкой на прежніе отзывы Стадіона. Прошеніе пошло въ Вѣну какъ разъ въ минуту полной растерянности властей и, повидимому, немедленно составленъ былъ императорскій указъ о раздѣлѣ ²⁾. Но указъ не могъ имѣть силы, такъ какъ вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ парламентѣ и потому „Рада“ не получила никакого отвѣта. 17 Іюля она обратилась съ другимъ прошеніемъ въ министерство. Одновременно она обратилась къ мѣстнымъ „радамъ“, съ призывомъ собирать подписи въ пользу раздѣла и таковыя отсылать прямо въ Вѣну ³⁾, а 31 Іюля она издала заявленіе, въ которомъ изложена сущность исторіи русско-польскихъ отношеній и современное положеніе галицко-русской народности, составляющей въ

¹⁾ Подробности см. *Br. Łoziński: Agenor hr. Gólurowski*, стр. 138 сл.

²⁾ По сообщенію Смольки, онъ былъ подписанъ Императоромъ 19 Іюня. *Widmann*, 243.

³⁾ *Списуниъ*, Аг. Голуховскій, 32.

12 округах восточной Галиции сплошную массу въ количествѣ 2½ мил. Поляки, заявляютъ „Рада“, выступаютъ передъ Европой, какъ 22-милл. народъ, но времена, когда судбой народовъ распорикались произвольно, миновали, и Поляки „сдѣлали свой расчетъ безъ хозяина“. „Мы, продолжаетъ заявленіе „Рады“, не выступаемъ въ качествѣ представителей всѣхъ русскихъ земель бывшей Польши, не знаемъ, всѣ ли 15 мил. Русеи не желаютъ Польши, но мы ея не желаемъ“. Мы слишкомъ хорошо знаемъ польское господство и не вѣримъ въ измѣненіе польскихъ настроеній. Поляки и теперь считаютъ преступленіемъ наше пробужденіе; чѣмъ сами гордятся, то намъ ставятъ въ вину, называютъ насъ реакціонерами и обскурантами, но мы поднимаемъ голосъ въ защиту нашихъ народныхъ правъ. „Рада“, наконецъ, указываетъ, что она представляетъ органъ всего русскаго населенія Галиции и имѣетъ въ странѣ 34 отдѣленія, что галицко-русскаго народъ—не Поляки, никогда ими не былъ и не будетъ ¹⁾).

Это заявленіе было получено въ парламентъ только въ концѣ августа. Между тѣмъ уже 8 августа прочитана была упомянутая выше русская петиція о раздѣлѣ Галиции. Она была покрыта 15 т. подписей и, конечно, вызвала странное негодованіе Поляковъ. Русскіе, однако, нашли поддержку у Чеховъ и Пшемисль ²⁾. Тогда рѣшено было выдвинуть и въ парламентъ „настоящихъ Руссиновъ“ ³⁾. „Р. Соборъ“ не за-

¹⁾ *Малиновскій. Satzungen*, 551 слл.

²⁾ *Сенатумъ*. 1,289.

³⁾ Очень интересныя подробности объ этомъ имѣются въ письмахъ Смольки къ женѣ. 8 авг. онъ пишетъ: „Wiadomo nam, żeśmy zamierzonemu podziałowi Galicji, podpisanemu przez Cesarza dnia 19 Czerwca brewi mamy kark skreślić. Z powodu podanej petycji (речь идетъ о петиціи „Р. Рады“) jednak mogła by ta kwestja być odnowioną i na naszą szkodę exploatowaną; trzeba by zatem aby nam przysłano petycję Rusinów, aby Galicji na dwie gubernje nie dzielić z podpisami jak najliczniejszymi. Zdaje mi się, że w tym względzie już się coś robi; proszę Kabathę, aby się do Rady Narodowej udał względem jak najspieszniej-

медлить прислать требуемую польскими представителями контр-петицію, но въ пользу ея удалось набрать всего 577 подписей. „Рада“ прислала въ парламентъ новое заявленіе, отъ 20 августа, гдѣ вполнѣ раскрываетъ польскія махинаціи и изображаетъ русско-польскія отношенія еще болѣе яркими красками, чѣмъ въ первомъ ¹⁾.

Наконечъ въ Октябрѣ „Рада“ обратилась въ парламентъ съ разьясненіемъ экономическаго положенія Галичины ²⁾. Но тогда вънекому парламенту было не до этого. Въ концѣ концовъ вопросъ о раздѣлѣ Галиціи былъ рѣшенъ не парламентомъ, а, какъ увидимъ, иными путями, но онъ сталъ съ того времени и остается до сихъ поръ основнымъ вопросомъ польско-русскихъ отношеній въ Галиціи ³⁾, въ виду чего ука-

szego przysłania tej petycji⁴. Въ письмѣ 29 авг. Смолька пишетъ слѣдъ: „Właśnie czytają, że Rusini podali drugą petycję względem podziału Galicji z 15000 podpisów. Słyszeliśmy, że zbierają podpisy przeciwko podziałowi — niechby tę petycję jak najprędzej przysłali z jak najliczniejszemi podpisami. Dobrzeby było, żeby ktoś w kraju napisał wyjaśnienie sprawy ruskiej, któreby między posłów rozdać można. Musiałoby być *dobrze, gruntownie i w duchu pojednawczym* (купе. подл.) być napisane. My żadną miarą tyle czasu znaleźć nie możemy, ażeby coś podobnego napisać. Mogło by to równie służyć jako doskonały temat do mowy w Izbie, gdyby nas Rusini (jak się spodziewać można) publicznie w Izbie zaczęli⁵. Далѣе Смолька указываетъ лицъ, которыя могли бы это сдѣлать и просить хранить тайну обо всѣхъ этихъ приготовленіяхъ. *Widman*. 243. Чѣмъ объяснить подписание указа 19 Іюня — растерянностью ли властей, или желаніемъ обойти парламентъ, мы не знаемъ. Можно допускать то и другое. О растерянности центральныхъ властей свидѣтельствуетъ фактъ, что министръ Добльгофъ не зналъ навѣрно, кто, собственно управлялъ въ это время въ Галиціи.

¹⁾ *Malinowski*, *Satzungen*, 561 слл. По этому-же вопросу „Рада“ отправила еще одно заявленіе 25 авг. тамъ-же 578 сл.

²⁾ Тамъ-же 581 сл. Ср. также *Основа* 1862 кн. 2, стр. 6.

³⁾ „Była to niejako hydra polityczna, której łeb, ścięty przez hr. Goluchowskiego jako ministra stanu w r. 1860, odrósł zaraz po przyjściu Schmerlinga do steru, a potem ponownie ścięty w uchwałach sejmowych o administracyjnym ustroju kraju, już wprowadzić nie odrósł w dawnej sile, ale wnet jeszcze raz się przypomniał w demonstracyjny spo-

зная деятельность „Р. Рады“ сохранять до сихъ поръ не только историческое, но и жизненное значеніе.

Въ петиціи 19 Апрѣля Галичане ходатайствовали о введеніи русскаго преподаванія во всѣхъ народныхъ школахъ русскої части края, а также о подобающемъ расширеніи русскаго языка въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. 9 Мая „Головная Рада“ получила отвѣтъ министерства, по которому русское преподаваніе вводилось во всѣхъ народныхъ школахъ тѣхъ округовъ, гдѣ населеніе или большинство населенія составляли русскіе. Что же касается подобающаго расширенія русскаго языка въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ виду того состоянія, въ какомъ находился этотъ языкъ въ Галичинѣ, это признано было невозможнымъ и рѣшено пока что ограничиться основаніемъ въ университетѣ спеціальной кафедрѣ русскаго языка, для ея разработки и надлежащаго усовершенствованія¹⁾.

Очевидно, на практикѣ „подобающее расширеніе“ преподаванія на русскомъ языкѣ въ средней и высшей школѣ откладывалось на неопредѣленный срокъ, а галицко-русская народность оказывалась въ данномъ случаѣ, такъ сказать, безъ языка и слѣдовательно не равноцѣнной, а потому и не равноправной въ ряду другихъ народностей государства. Создавалось положеніе, надъ которымъ Галичанамъ приходилось задуматься по неволѣ.

Въ какой мѣрѣ это положеніе соответствовало дѣйствительности?

Если читатель вспомнитъ представленную выше (гл. 1-я) общую характеристику галицко-русской жизни, онъ, полагаемъ,

kóh (Denkschrift in Betreff der Theilung Galiziens. Sembr. 1866), i od-tąd słabszem już, co prawda, echem rozbrzmiewa jeszcze wciąż na wie-cach ruskich i w prasie ruskiej nie tylko świętojurskiego autoramentu, lecz i w jej na pozor ugodowem odeiciu tak, iż sprawę tej nie można uważać za ostatecznie pogrzebaną". *Dr. Łoziński*, к. в. 187.

¹⁾ Въ Декабрѣ 48-го г. эту кафедру занялъ младшій представи-тель „русскої тройцы“ Головаціѣй.

согласится, что трудно представить себѣ что нибудь безотрадное. Но въ этой характеристикѣ слишкомъ было намечены подробности, относящіяся къ состоянію и роли русскаго языка въ Галичинѣ. Мы остановимся на нихъ теперь; дѣятельность и рѣшенія октябрьскаго собранія по выдвинувшемуся на первое мѣсто вопросу о языкѣ предстанутъ такимъ образомъ въ связи съ своей дѣйствительной исторической обстановкой.

Какъ при переходѣ подѣ власть Австріи, такъ и теперь — съ наступленіемъ „весны народовъ“ — племенной характеръ Галичанъ возбуждалъ въ представителяхъ австрійской власти сомнѣнія и недоумѣнія. Депутация 19 Апрѣля была единственной депутатіей, которой было предложено вопросъ объ ея народности. Въ этомъ отношеніи положеніе, слѣдовательно, не измѣнилось сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда австрійскіе чиновники недоумѣвали, считать ли Галичанъ народностью „россійскою“ или „илирійскою“. Но въ одномъ отношеніи положеніе Галичанъ было тогда несравненно выгоднѣе: славяно-русская письменность была еще жива, и обособленіе Галичины отъ русскаго міра, съ переходомъ ея подѣ власть Австріи, въ извѣстной мѣрѣ возмѣщалось культурнымъ единствомъ ея не только съ угорскою Русью, но, при ея посредствѣ, и съ австрійскими сербами, среди которыхъ хранились еще живыя преданія о дѣятельности русскихъ учителей — Суворова, Козачинскаго, Минацкаго, а также поддерживались и сношенія съ Россіей¹⁾. Эти связи весьма замѣтно отразились въ составѣ преподавателей „русскаго института“ при львовскомъ университетѣ. Мартиновичъ былъ сербъ, вѣроятно сербъ былъ и Навловичъ; Лодій и Земачикъ были изъ угорской Руси. Славяно-русская письменность доставила такимъ образомъ Галичинѣ весьма существенную культурную поддержку въ первое время австрійскаго періода ея жизни. Во всякомъ случаѣ, эту письменность

¹⁾ А. Вудиловичъ. Общеславянскій языкъ, II, 273, II. Куличевскій. Вукъ Караджичъ, гл. I-я. II. Поповъ. Къ вопросу о реформѣ В. Караджича. Ж. М. Пр. ч. 220, особенно стр. 195 и 201.

нельзя было отрицать, нельзя было сказать, что она не годится для школьнаго преподаванія. Никто и не говорилъ этого, и славяно-русское слово раздавалось въ Львовѣ нѣсколько лѣтъ съ высоты университетской кафедръ, пробуждая среди галичанъ чувства „восхищенія“, при видѣ того, „якъ молодши таланты свое бистроуміе въ науковыхъ упражненіяхъ на своемъ родномъ языкѣ изъясняли и якъ превосходно въ такъ важномъ дѣлѣ поступали“ (см. выше, стр. 15).

Въ общемъ, однако, Галицкая Русь была настолько забита и припнжена, что ее не въ силахъ было приподнять даже пенитанное ею „восхищеніе“. Оно слишкомъ рѣзко расходилось съ общимъ складомъ галицко-русской жизни, который на все русское налагалъ печати чего-то до крайности убогаго и низкаго. Отсюда естественно было возникнуть мысли, что слушать философію и богословіе не на латинскомъ языкѣ, какъ слушаютъ нѣмцы и поляки — униженіе ¹⁾. „Русскій институтъ“ во Львовѣ былъ созданъ по соображеніямъ политическимъ. Если бы онъ продержался, онъ бы несомнѣнно поднималъ галицко-русскую жизнь и могъ бы расти и развиваться вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ самой жизни. Но для этого нужно было время. Только время могло измѣнить положеніе дѣлъ, поставить на ноги лежачаго. Но колесо галицкой жизни очень скоро круто повернулось опять въ сторону неблагопріятную для Руси. Оттого, напр. для Лодія не оказалось мѣста въ Галичинѣ, и въ концѣ концовъ онъ очутился на кафедрѣ въ Петербургѣ. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснять постепенное замраніе галицко-русской жизни, а вовсе не тѣмъ, что якобы „мертвый“ славяно-русскій языкъ будто бы мертвилъ и самую тогдашнюю науку и отрывалъ Галичанъ отъ связи съ народомъ и дѣятельности на его пользу. Подобный взглядъ, высказываемый нѣкоторыми изслѣдователями галицко-русской жизни ²⁾,

¹⁾ Что дѣйствительно такъ именно относились многіе Галичане къ „русскому институту“, объ этомъ прямо говоритъ І. Левицкій въ предисловіи къ своей грамматикѣ.

²⁾ Олоновскій. Ист. лит. II, 58; Павлицъ, Читальни, 4; Заневичъ. Литерат. стремленія. Ж. и Сл. II, 71.

невѣренъ уже по тому, что, какъ тогда, такъ и долго спустя, никто изъ галичанъ не отдѣлялъ славяно-русскаго языка отъ живой русскаго рѣчи ¹⁾. Не языкъ, а время и неблагопріятныя условія были причиною замиранія галицко-русскаго духовной жизни.

Но выступленіи на сцену новаго поколѣнія, славяно-русская традиція осталась только среди „поновъ-исаитыриковъ“, да дьячковъ, но, первые, какъ лица *veteris educationis*, поставлены были правительствомъ въ униженное положеніе неполноправныхъ; вторыхъ усердно сдавали въ солдаты польскіе помещики. Въ львовской семинаріи перестали преподавать даже церковно-славянскій языкъ, а когда въ 1835 г., его преподаваніе, было наконецъ введено, благодаря стараніямъ еп. Снѣгурскаго, семинаристы взбунтовались. Лектора Шиницкаго они встрѣтили криками: „*so, on nas chce barbarzyńcami porobić!!!?*“, а одинъ изъ семинаристовъ швырнулъ въ него польномъ ²⁾.

Въ лицѣ своего убогаго представительства Галичина стала живымъ образчикомъ національнаго перерожденія въ самыхъ разнообразныхъ его стадіяхъ. Отсюда разнообразіе субъективныхъ взглядовъ на Русь, ея положеніе и отношенія ³⁾. Складъ жизни выводилъ на верхъ Скородинскихъ, Ангелови-

¹⁾ Въ изданныхъ въ предѣлахъ Австріи грамматикахъ, начиная съ грамматикъ Лучкая 1830 кончая грамматикою Дьячана 1865 „малорусское нарѣчіе болѣею частью сливается съ церковно-славянскимъ и литературнымъ русскимъ языкомъ“. *И. Шиницкій*. Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, стр. 5. Вотъ почему указанія на появленіе такихъ произведеній на народномъ малорусскомъ нарѣчій, какъ напр. „Полигика свѣтека“ (1790), Зацевичъ, к. в. 72, рѣшительно ничего не доказываютъ. Подобныя произведенія могутъ только служить оправданіемъ примѣненія на практикѣ теорій ломоносовскихъ „дигидей“.

²⁾ *И. Ангеловскій*. I. Снѣгурскій, его жизнь и дѣятельность въ галицкой Руси. Льв. 1894, стр. 106.

³⁾ Съ этимъ фактомъ обыкновенно вовсе не считаются. Исключенія не составляетъ даже акад. Шиницъ: см. напр. *Ист. р. этногр.* III, 227, хотя въ другихъ случаяхъ онъ выдвигаетъ „тотъ интересъ, какой представляетъ въ развитіи науки ходъ личнаго развитія ея дѣтелей“.

чей, М. Левинских¹⁾, и родных, дальних, знакомых намъ Парикевичей, Кущицкевичей и безчисленное множество подобныхъ имъ представителей галицкой Руси, народность которыхъ определялась исключительно ихъ „русской“ вѣрой. Только масса населенія сохраняла русскій обликъ. Съ территоріей всей австрійской Руси, съ рѣчью народа на всей этой территоріи крѣпко съ незапамятныхъ временъ связалось русское имя²⁾, но русская рѣчь на всемъ этомъ пространствѣ раздавалась только подъ кровлями крестьянскихъ хатъ. Представители народа — священники употребляли эту рѣчь только въ будничныхъ сношеніяхъ съ народомъ, говорить по-русски въ другихъ случаяхъ значило выдавать себя аттестатъ культурной неотесанности, мужиковатости. Такие случаи производили сенсацію³⁾. Если мѣстная русская рѣчь и употреблялась иногда въ семейномъ кругу галицкаго духовенства, какъ свидѣтельствуетъ Головацкій въ своихъ воспоминаніяхъ, то это во всякомъ случаѣ было очень рѣдко. Общій складъ жизни былъ направленъ, какъ мы видѣли, къ полной полонизаціи, и представитель „русской тройцы“, М. Шашкевичъ перенимался съ братомъ по-польски⁴⁾.

Тамъ-же III, 420, ср. II, 422. Въ жизни эти личности условія должны сказываться, надо думать, еще рѣзче.

1) Das Schicksal der galizisch-russischen Sprache u. Literatur. Jahrbücher f. slaw. spr. u. Liter. Leipz. 1844, стр. 184, 207 сл. Головацкій. Zustände d. Russinen. Тамъ-же 1844.

2) *Русикъ* — въ галицкой, *Русинъ* и *Руснакъ* — въ буковинской и угорской Руси; въ женескомъ родѣ и во множ. числѣ всегда *русеска* (руська), *русески* (русьски). Съ теченіемъ времени вошла въ употребленіе польская форма множ. числа: *Русины*; никогда однако, народъ не употребляетъ прилагат. формы: русинскій. Характерно русское заглавіе указанной выше грамматики І. Левицкаго (1834): „Грамматика языка руссого въ Галиціи“. О значеніи ея см. выше, 32 пр. 2.

3) *Нісѣковскій*. І. Сибгурскій, 17. Какія завоеванія дѣлала въ Галичинѣ полонизація, это можно видѣть даже на роднѣ такого искренняго ревнителя русской народности, какимъ былъ сн. Сибгурскій: его родственникъ, свящ. Кущицкевичъ былъ совсѣмъ ополиченъ, а братъ этого священника, служившій мандаторомъ въ епископскихъ измѣненіяхъ даже перешелъ въ католичество. Тамъ же 12 сл.

4) Ж. и Сл. V, 30. Письмо относится вѣроятно къ 1839 г.

Русская проповѣдь въ церкви стала такимъ же предметомъ, какъ и русская рѣчь въ домахъ священниковъ. Извѣстная попытка семинарской молодежи воскресить ее была такой же мимолетной какъ и все галицко-русское возрожденіе 30-хъ годовъ, а вѣкорѣ затѣмъ оказалось, что даже епископу было нелегко найти священника, который могъ бы и рѣшился бы сказать русскую проповѣдь ¹⁾).

Старая традиція, старые устои русской жизни были распатаны окончательно все болѣе усиливающимися вліяніями польщизны, униі и официальнаго рутенства, старательно закупоривавшаго галичанъ въ тѣсныя рамки австрійскаго кордона. Въ то же самое время старая литературная традиція стала, какъ извѣстно, колебаться и среди австрійскихъ сербовъ, а на всемъ пространствѣ западно-русскихъ земель полонизмъ расцвѣталъ пышнымъ цвѣтомъ. Галичане оказались въ полномъ уединеніи, безъ великихъ руководящихъ началъ. Каждый образованный галичанинъ говорилъ и писалъ по своему ²⁾; у каждого были свои особыя понятія и о своемъ языкѣ, и о своей народности. Все эти разнообразнѣйшія варіаціи объединялись въ сущности двумя фактами: общимъ русскимъ именемъ и чувствомъ отдаленности отъ поляковъ ³⁾.

¹⁾ *Мелеховскій*, I. Сибирскій, 126.

²⁾ Вотъ что говорить объ этомъ Малиновскій: „Schon vor dem Jahre 1848 erschienen einzelne Versuche (d. Ruthenen) auf dem literarischen Gebiete, in wie weit es einem offen stand. Das nächste u. zugänglichste war die ruthenische Volksmundart, wie sie in dem Munde des Landvolkes jener Gegend, ja sogar jenes Ortes, von wo jene Literaten abstammen, gesprochen wird... Nach den Schriften verschiedener ruthenischen Literaten hat man daher auch verschiedenes Ruthenische unterschieden: das Ustianowicz'sche, Szaszkiewicz'sche, Mecz'sche, Lewicki'sche... u. s. w. Die ruthenische Sprach-u. Schriftfrage, стр. 82.

³⁾ Это одинаково сказалося и въ депутаціи въ Сѣціонъ 19 апр., и въ собраніи 2 мая, и въ объявленной 10 мая „Одразѣ“ „Р. Рады“. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что галичане никогда не смѣшивали формъ своей малорусской рѣчи съ польскими, хотя въ то же время не отличали этой рѣчи ни отъ церковно-славянской, ни отъ литературнаго русскаго языка.

Что касается, въ частности, т. наз. литературнаго языка, то одни продолжали писать по славяно-русски, не безъ замѣтнаго вліянія Державина, воображая при этомъ, что пишутъ по-малорусски¹⁾; другіе мечтали возстановить церковно-славянскій языкъ, въ качествѣ литературнаго (С. Семанъ); иные пробовали было обратиться къ живой народной галицко-русской рѣчи. Такъ поступила „русская тройца“. Ея шагъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Мы упоминали объ этомъ выше (стр. 40 сл.). Но въ исторической оцѣнкѣ этого факта слѣдуетъ строго различать довольно сильное проявленіе чувства народности отъ попытки сообщить ей сколько-нибудь определенное литературное выраженіе. Въ послѣднемъ отношеніи не слѣдуетъ забывать того, какъ отнеслись Галичане къ „Русалкѣ Днѣстровой“. Вотъ что говоритъ объ этомъ Голованскій. „Въ несчастливую годинопку уродилась она „Русалка“. Замѣнь помысли та поддохочувана найшлися поэмьки та недовольность, ба й ворогованя. Показалось, же що голова, то разумъ. Були такі, которы бы рады ей витали, але не въ томъ строю. Одному за се, другому за тое невподоба; одному въ семь, другому въ томъ недогода. Не взявъ врагъ и такихъ, що зовемъ цурали се такою невидальщиною и бѣсомъ на неї дивилися“. 2) Недовольство возбуждала „Русалка“ не только

1) Примѣромъ можетъ служить „Воззрѣніе“ странилица въ Пестѣ и Вудѣ, вступившаго мѣсяцемъ мартомъ 1838 года во время разлитія Дунаю Симеономъ Осочил. Лисенецкимъ, Галиціаниномъ, теперь ксе. кор. сожителница Віденьскаго питомцемъ въ малорусскимъ языку изображенное: „Ахъ, для Бога, кто-жъ бы ся не содрогаль? Да тутъ съ ужасемъ все пропадетъ; И ктожъ, уважаючи то, не дрожалъ, Аце видить, якъ все исчезаетъ...“ Эпиграфомъ поставлены слова Державина: „Тамъ всюду ужась, стоишь и крики, тамъ смерть, боязнь...“ Стихотвореніе это дѣйствительно привело въ ужась Максимовича. См. его, „О стихотвореніяхъ червонорусскихъ“. Кіевлян. кн. 2, 1841. Статьи эта сохранятся до сихъ поръ и значеніе, и интересъ.

2) „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки“ I, 54. Этого „Вѣнокъ“ былъ изданъ И. Голованскимъ въ Вѣнѣ въ двухъ выпускахъ 1846 и 1847 г., при чемъ Г. воспользовался именемъ брата своего Пизана, военнаго врача,

въ средѣ старшаго поколѣнія, но даже среди сверстниковъ и товарищей „русской тройцы“. ¹⁾ Причиной недовольства былъ языкъ и правописаніе „Русалки“.

И языкъ, и правописаніе ея представляли новостъ. Съ утратой старой литературной традиціи эта новостъ могла быть легко объяснима, но она не могла не возбуждать въ Галичанъ сильныхъ сомнѣній по существу. Дѣло въ томъ, что уже со второго десятилѣтія прошлаго вѣка австрійское правительство настойчиво рекомендовало Галичанамъ мѣстный народный говоръ, какъ единственный органъ ихъ литературной рѣчи. Мы видѣли, какую тревогу возбудило въ австрійскихъ властяхъ настырское посланіе митрополита 1821 года, потому что по языку оно отличалось отъ народной рѣчи. Конечно, „кроткое и либеральное“ австрійское правительство умѣло тревожиться въ мѣру, но не можетъ быть сомнѣнія, что эти тревоги были памяты Галичанамъ и возбуждали въ нихъ серьезныя думы ²⁾. Они понимали, что народная рѣчь „безъ устроенія“ можетъ давать поводъ къ постоянному вмѣшательству того же заботливаго правительства, и мы еще много разъ будемъ имѣть случаи видѣть, что эти опасенія Галичанъ дѣйствительно оказались вполне основательными.

Что касается правописанія, то вопросъ о немъ соста-

по осмѣлившись издать его подъ своимъ именемъ. Здѣсь были помѣщены почти все статьи Шанкевича изъ „Русалки“. Первый выпускъ былъ изданъ на средства князя Луки, Карла Бурбона, который, въ качествѣ сопослѣдователя греческаго престола, сношеніи съ духовенствомъ восточнаго обряда. Экземпляръ, посланный митрополиту Левницкому съ нарочитымъ письмомъ не былъ принятъ, и второй выпускъ Головацкій посвятилъ сербскому митрополиту І. Раяичу, который, въ отвѣтъ прислалъ издателю 500 гульденовъ.

¹⁾ *Огоновскій*. Ист. литер. II. 371.

²⁾ Эта черта галицкой жизни вполне вѣрно отмѣчена въ статьѣ „Русины въ 1848 г.“ Основа, 1862 гл. 2. Характерно также, что митрополитыя конексторіи, строгій блюститель интересовъ правительства, не усматривала, по словамъ Огоновскаго (II, 369), „ничего противозаконнаго въ починѣ Шанкевича и Головацкаго“.

вмѣстѣ какъ разъ въ это время самую живую злобу галицкой жизни, вълѣдствіе извѣстнаго проекта Лозинскаго, рекомендовавшаго Галичанамъ латинскую азбуку, на пользу которой давно уже указывало оный таки австрійское правительство и поляки. Противъ Лозинскаго возстало и старшее, и младшее поколѣніе—и І. Левицкій, и М. Шашкевичъ. Послѣдній отозвался о предложеніи Лозинскаго такъ: „наибольшимъ обманомъ, ба неспрощенымъ грѣхомъ въ семь дѣлъ е, що писатель, одвергнувъ азбуку питому рускою, принявъ буквы лянкіи, котри цѣлю не пристають (совсѣмъ не соотвѣтствуютъ) къ нашему языкови“ ¹⁾. Но въ „Русалкѣ“ тотъ-же Шашкевичъ сдѣлалъ шагъ если не къ „отверженію“, то во всякомъ случаѣ къ измѣненію „питомой русской азбуки“, и этотъ шагъ не могъ не вызвать самыхъ горячихъ толковъ, большею частью неодобрительныхъ, не только потому, что вълѣдствіе посягательства властей и поляковъ, азбука получила значеніе неприкосновенной святыни, но и потому, что нововведеніе Шашкевича имѣло дѣйствительно случайный характеръ ²⁾.

Во всей этой путаницѣ взглядовъ и мнѣній по вопросу о языкѣ и правописаніи слѣдуетъ еще отмѣтить попытки нѣкоторыхъ Галичанъ выяснить вопросъ теоретически. Эти попытки представляютъ весьма характерный признакъ галицкой

¹⁾ Огоновскій. II, 390.

²⁾ Вотъ что писалъ объ этомъ Максимовичъ Зубрицкому въ извѣстномъ письмѣ 1840 г. „Я не вижу причины, для чего, напр. Вагилевичъ (должно бы быть: Шашкевичъ), упрекающій Лозинскаго за писаніе польскими буквами, защищающій по справедливости нашу русскую азбуку, самъ вопреки ей пишетъ не порусски, изгоняетъ *ъ*, *ы*, вмѣсто *оу* даже въ глаголахъ пишетъ *ѣ*, и вводитъ молдованское *дме*, какъ будто недовольно ясно будетъ поставить *дме*: правописаніе его „Русалки“, признаться, очень дико, и правописаніе Левицкаго болѣе походить на русское“. Также точно рассуждалъ І. Левицкій. Изъ Галичанъ того времени онъ несомнѣнно былъ наиболее компетентенъ въ этихъ вопросахъ, и совсѣмъ напрасно Огоновскій называетъ его въ насмѣшку „азбучнымъ диктаторомъ“.

умственной жизни. Онъ приводить Галичанъ къ сношеніямъ съ разными лицами славянскаго и русскаго міра, причемъ особенное значеніе получаютъ въ данномъ случаѣ взгляды, высказанные Конитаромъ и Макенмовичемъ. Первый сдѣлывалъ Галичанъ на путь полного обособленія отъ самостоятельной Руси, второй, наоборотъ, намѣчалъ путь постепеннаго сближенія съ Русью, рекомендуя пока развивать и укрѣплять мѣстный народный элементъ и „червонорусскую“ словесность на южнорусскомъ языкѣ. „Для русиновъ австрійской имперіи, писалъ Макенмовичъ Зубрицкому въ 1840 г., живой языкъ— южнорусскій; пора языка польскаго для нихъ давно прошла; пора великорусскаго языка для нихъ еще не наступила“¹⁾.

Октябрьскому собранію пришлось сдѣлать выборъ между двумя намѣченными такимъ образомъ путями.

¹⁾ Довольно оживленная переписка Конитара съ Галичанами: І. Левицкимъ, Сибгурекимъ, М. Малиновскимъ, Лавровскимъ, Лозинскимъ начинается съ 1831 г. Указанія на нее имѣются въ дневникѣ Конитара (Сборникъ отдѣл. р. яз. и слов. т. 42), откуда извлечь относящіяся къ ней данныя *К. Студинскій*. З. корреспонденціи Д. Зубрицкаго. Зап. Шевч. т. 43, стр. 8. Къ сожалѣнію, эта переписка не издана и даже неизвѣстно, сохранилась ли. Судя по опубликованнымъ въ указанной статьѣ г. Студинскаго письмамъ Конитара къ Зубрицкому, переписка эта должна быть чрезвычайно интересна. Конитаръ усиленно подкалываетъ Зубрицкому идею племенной отдѣльности южной Руси отъ сѣверной. Австрійскую Русь онъ считаетъ тою солью, которую должна оесолить остальная Русь: „von den 15 Millionen Russinen seid ihr 4 in Galizien u. Ungarn doch die *Blüthe* u. sollet daher vielmehr jene durchsalzen, als euch von ihnen nach bloss materiellem Gesetz der Massen hinüberziehen lassen“. Также усиленно подкалываетъ К. Зубрицкому мысль о поѣздкѣ митр. Левицкаго въ Римъ, указывая, между прочимъ, на возможность получить тамъ кардинальскую шапку. (Ср. *В. А. Францесъ*, Къ исторіи изданій реймскаго евангелія. Ж. М. Пр. 1900 и отд. стр. 13). И это почти официально. „S r Excellenz (r. c. митрополиту, именъ К.) mögen sie alles mittheilen, sonst aber ist alles Tibi soli gesagt; wie sich's von solchen Dingen von selbst versteht“. Приемъ характерный и, надо думать, немыслимый не разъ. Не менѣе

Задачи Съезда определенно сформулированы въ приглашеніи, подписанномъ 9-ю лицами ¹⁾: 1) установить одинаковыя формы языка и наиболѣе соответствующее правописаніе; уяснить различіе галицко-русской рѣчи отъ языка старославянскаго, русскаго литературнаго („россійскаго“) и польскаго; 2) доставить представителямъ галицко-русскаго общества возможность взаимнаго ознакомленія, сближенія и обмена мыслей и взглядовъ; 3) собрать и опредѣлить галицко-русскія уметвенныя силы и раздѣлить между ними необходимыя для народа литературныя труды; наконецъ, 4) создать „институтъ народный“ въ родѣ Матицы чешской, какъ средоточіе культурныхъ интересовъ галицкой Руси ²⁾.

Собраніе было назначено на 19-е Октября (н. ст.) и продолжалось по 26-е число. Въ немъ приняло участіе 99 лицъ—число в. значительное, если имѣть въ виду, что какъ разъ въ это время во Львовѣ свирѣствовала холера. Установившіеся за членами собранія терминъ „ученыхъ“ слѣдуетъ принимать въ очень условномъ смыслѣ; такъ какъ лишь немногіе изъ нихъ знали русскую скоропись; но, безъ сомнѣнія—это былъ

ярко сказываются тенденціи К. въ отношеніи къ жгучимъ вопросамъ галицкой жизни. Онъ желалъ бы умѣрить страсти, внести въ нею спокойствіе, но такимъ путемъ, чтобы Русь забыла и о своихъ боляхъ, и о своихъ обидахъ, чтобы она сошла ихъ своимъ нормальнымъ положеніемъ. Онъ рекомендуетъ галичанамъ провозгласить „амнистію“ въ дѣлахъ вѣры и народности, хотя, конечно, онъ отлично зналъ, что галичане въ этомъ случаѣ представляли совершенно пассивный элементъ. Г. Студинскій вполне одобряетъ идеи вѣскаго гостелергера, но совсѣмъ иначе относился къ нимъ Зубрицкій и, какъ увидимъ всѣ представители Галичины въ октябрьскомъ собраніи. Одинъ этотъ примѣръ можетъ служить яснымъ доказательствомъ, что вѣсскія идеи пользовались тогда въ Галичинѣ далеко не такимъ успѣхомъ, какъ теперь.

¹⁾ Восемь священниковъ, съ Н. Устѣновичемъ во главѣ, и одно свѣтское лицо—землевладѣлец П. Борисевичъ, бывший однимъ изъ депутатовъ „Р. Рады“ въ Прагѣ.

²⁾ „Запрошеніе ученыхъ русскихъ на съездъ до Львова“. Было напечатано въ № 17 „Зори Гал.“ 5 сент. *И. Головацкій*, Историч. Очеркъ основанія гал.-р. Матицы. Львовъ. 1850, стр. XX.

второй послѣ майскаго собранія генеральный смотръ галицко-русскихъ общественныхъ силъ. Галичина выступила опять въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ дѣйствительности, т. е. главнымъ образомъ въ лицѣ священниковъ, съ немногими свѣтскими лицами, которыя, въ противоположность членамъ „Р. Собора“, считали себя русскими не только по обряду, но и по народности. Высшая обстановка собранія сравнительно съ майскою, значительно измѣнилась. Поляки уже не пытались убѣждать Русскихъ, что они—*natione Poloni*; только представитель администраціи, гр. Голуховскій, намекнулъ Куземяку, что польская „гвардія народовъ“, пожалуй, разгонитъ собраніе ¹⁾, но угроза оказалась напрасною. Возникли, впрочемъ, гораздо болѣе странные слухи, будто „ученные“ хотѣтъ изгнать изъ богослуженія церковно-славянскій языкъ. „Рада“ сочла нужнымъ успокоить населеніе ²⁾, и собраніе прошло мирно, давъ богатый матеріалъ для характеристики состоянія Галичины въ культурномъ отношеніи.

Члены собранія вполне понимали трудность и важность предстоящей задачи. „Свѣтлое Собраніе! всесчастіи и честіи мужи! Предпринимаемо дѣло великое; рѣши, котору маємо управити, есть еще дуже запустѣла; великіи и многіи пренятствіи суть намъ на перешкодѣ, говорилъ Куземскій, открывая засѣданіе съѣзда. Але трудностію не бітстрахаймося, по подвоймо сили наші, а що одному, двоимъ, тромъ тяжке, станесе легкимъ, если ся все всполню до того возьмемъ“ ³⁾.

Занятіе Съѣзда распределены были на 9 отдѣленій. Ближайшій интересъ представляютъ для насъ отдѣленія: 1) управы языка русскаго и словесности русскою, 2) литературы старославянскою, 3) исторіи и географіи и 4) училищъ. Въ трудахъ этихъ отдѣленій и были подведены итоги взглядовъ Га-

¹⁾ Die ruthenische Sprach—u. Schriftfrage, 24.

²⁾ *Сопстунъ*. Ар. Голуховскій, 66.

³⁾ Историч. очерки, XIII. Чтобы дать образчики тогдашней литературной рѣчи галичанъ, мы приведемъ ниже важнѣйшія рѣшенія съѣзда въ подлинномъ видѣ.

личать на главнѣйшіе вопросы ихъ жизни — о языкѣ и народности.

Въ отдѣленіи русскаго языка и словесности наибольшее вниманіе обращено было на вопросы правописанія. При этомъ обнаружилась различія, перѣдко совершенно противоположныя мнѣнія. „Одни радили держатися совсѣмъ церковно-словенскаго языка, удержуючи на подставѣ словопроизводства коренныя буквы, другіи желали поробити где-яки отмыны въ нихъ або тыхъ случаяхъ, тримавшися выговора народнаго, отступаючи больше або меньше отъ словопроизведенія. Були и такіи предложенія, щобы совсѣмъ новое правописаніе скростити. Що до языка були одни за народнымъ изъустнымъ языкомъ, другіи желали старословенскій языкъ, яко письменный употребити“¹⁾.

И въ отдѣленіи литературы старославянскою поставленъ былъ вопросъ: „чи не завести бы языкъ церковно-славянскій яко учебный и письменный?“, причемъ предѣдатель замѣтилъ: „много е рѣчей письменныхъ, а оденъ только языкъ сакскій образованный, такъ и между нами трудно буде зъ початку, сли языкъ старославянскій бысьмо запровадили, али по неякомъ часѣ призывчантися до него буде возможно“²⁾, и хотя въ концѣ концовъ эта мысль была оставлена, тѣмъ не менѣе признана была надобность въ періодическомъ изданіи на славянскомъ языкѣ. Предполагалось соединити это изданіе съ изданіемъ по богословію и философії³⁾.

Наиболѣе опредѣленно по вопросу о языкѣ высказался Голованскій. Во второмъ общемъ собраніи, 23 Октябри, онъ читалъ свою „Росправу о языкѣ южнорусскомъ и его нарѣчійхъ“, гдѣ задачи, предстоящія Галичанамъ въ отношеніи языка, формулированы были въ томъ смыслѣ, чтобы не ограничиватися однимъ живымъ народнымъ говоромъ, а воспользоваться всемъ богатствомъ матеріала, заключающагося въ

¹⁾ Тамъ-же С.

²⁾ Тамъ-же CV.

³⁾ Тамъ-же CX.

памятникахъ русской литературы¹⁾. Такимъ путемъ Головацкій надѣялся избѣжать, между прочимъ, необходимости ковать новыя слова, которыми, какъ извѣстно, сильно засорились позднѣйшія малорусскія произведенія.

Совершенно въ такомъ-же духѣ составлено было рѣшеніе и историческомъ отдѣленіи²⁾.

1) „Языкъ изустный народа, говоритъ Головацкій, с заневне правдиве и перше жерело для письменного языка, бо въ устахъ народа иайчистѣйше заховуются все формы, цвѣтъ ладъ и складъ языка, правый духъ его; за для того здавалобися и намъ советъ такъ писати, якъ народъ говорить, подобно якъ то зробили побратимцѣ наши: словани и лужичане, котри не мавши подставы въ старинныхъ памятникахъ своего языка, ескриди нове правописанье, поднесли живуцій народный языкъ до книжного, поповинючи его словами изъ другихъ словенскихъ языковъ. Алежъ, чи и мы такъ убоги, безъ заботковъ своего языка, чи и насъ такъ давно давила змора чужеземной мовы и не допускала развитія народнои“. Указавъ затѣмъ, что памятники древней русской литературы составляютъ достояніе русскаго народа и что ихъ нельзя оставлять безъ вниманія, при разработкѣ языка, Головацкій заключаетъ: „Тѣ то стародавни памятники руски суть роднымъ накропкомъ, на котрѣмъ має вирости дерево народнои словесности... На томъ предвѣчномъ тлѣ розмалюємо своєродными красками образъ нашего народнои життя; на той каменной цолтѣ, на семъ народномъ цвѣтцѣ, а не на утломъ деревѣ самого простонароднои языка побудуємо храмъ народнои просвѣщенія, народнои словесности, котра не буде хвилочною забавкою декого, але заживнымъ кормомъ всего народа. Буде то храмъ народнои развитія, котрый перестоятъ вѣки, и котрого жадна сила не здолає ани звихнути, ани поваляти“. Тамъ-же, 74—77.

2) Главную задачу галичанъ въ изученіи русскаго историческаго прошлаго должно было составить изученіе исторіи ю.-з. Руси „до которой земли наша причисляеген“. При этомъ періодѣ самостоятельной ея жизни, до половины XIV в. предполагалось разработать болѣе подробно, чѣмъ это сдѣлано въ трудахъ Карамзина, Полевого, Устрялова. „При такомъ изложеніи часточной подробной исторіи нашей земли, пользи никогда пренебрегати тую тѣсную связь, котрая насъ до половины XIV в. получала съ однокровными и одноплеменными на-

Если по всему этому прибавить, что въ выработанной Съездомъ программѣ для гимназій порядокъ изученія языковъ предполагался слѣдующій: въ первомъ классѣ кирилловскій или церковный языкъ, во второмъ—великорусское нарѣчье, то нельзя не признать, что Собраніе рѣшительно отвергло тотъ путь, на который махнулъ Галичанъ Конитаръ.

На третьемъ общемъ собраніи рѣшено было основать „галицко-русскую матицу“—средоточіе культурной галицко-русской жизни. Предѣвателемъ ея былъ избранъ Куземекій, но учреждена она была лишь въ слѣдующемъ 1849 г., и только тогда окончательно порѣшены были старые споры о литературномъ языкѣ Галичанъ.

Въ учредительномъ засѣданіи предложенъ былъ вопросъ, на какомъ языкѣ печатать изданія Матицы: „чи въ нарѣчію простомъ и необразованомъ, чи языкомъ образованымъ и литературою цвѣтущимъ, якимъ лише Россія, чи напоследокъ церковнымъ языкомъ?“ Большинство присутствовавшихъ стояло за „простой языкъ“, т. е. за мѣстный народный говоръ. Тогда А. Петрушевичъ указалъ на значеніе литературнаго

ними братьями, нельзя пренебрегати тоє отношеніє, въ якомъ Русь наша стояла до цѣлои еще самобытной Руси. Но сей то причинъ такожь и въ другой частіи нашей исторіи, начинающейся съ времени постраданія нашего самостоянія политическаго, черезъ все наше Дихолѣтє, конечно намъ есть неустанно продѣ очима имѣти постепенное наше отчужденієся сперва политическое, послѣ такожь и религійное отъ прочей Руси; слѣдствіємъ сего есть нынѣшнее ледво не совершенное преобразованіє наше (особенно ученыхъ класъ нашихъ) що до истиннаго русскаго характера, подѣ сильнымъ вліяніємъ запада. Такимъ то только образомъ раскрыется передъ нами все наше прошедшее, и мы легко понимати станемъ положеніє наше теперѣшнее и отдадемъ будущую нашу судьбу. Не диво, що мы нынѣ по днєхъ нашего отрожденія, приходиши до сознанія народности нашей, принимаєся такъ охочо и живо до исторіи нашей. Есть бо таи чистымъ зеркаломъ, отражающимъ всю жизнь нашу—въ которое поглянувши увидимъ всю нашу древнюю красоту и нынѣшнее безобразіє. А такъ оно намъ скажетъ, що намъ нынѣ сбываєть (недостаєть) до прежней надобной намъ такъ сказать фізіономіи русскої“. Тамъ же, LXXIII.

русского языка, какъ языка, созданнаго силами всей Руси, а потому и общаго для всей Руси. Многие изъ членовъ Матицы его поддержали, и старыя толки и споры закончились слѣдующимъ рѣшеніемъ: „всѣ дѣла, назначенныя до просвѣщенія общенароднаго, издавати и печатати на добѣ сколько возможно тѣмъ языкомъ, якій живе въ устахъ народа; противно-же дѣла вишней науки, до круга читательства литературно образованнаго приналежащія, издавати въ языкѣ письменномъ, который має начало своего развитія въ далекой минувшости, а который ошибочно чисто-россійскимъ называютъ“¹⁾.

Галичане дѣйствительно открывали себѣ тотъ „храмъ народнаго развитія, который перестоятъ вѣка и котораго никакая сила не сможетъ ни поматнуть, ни повалить“, какъ выразился въ своей рѣчи Голованкій.

Такъ порѣшены были октябрьскимъ собраніемъ и „Матицею“ вопросы о языкѣ, о культурныхъ нуждахъ и задачахъ галицкой Руси.

Казалось, на этотъ разъ и вишнія обстоятельства стали складываться для Галичанъ вполне благоприятно.

Весною 1849 г. появился въ Галичинѣ русскій войска, снѣшившій „спасать“ Австрію. Встрѣча съ закордонными братьями пробудила дремавшія въ глубинѣ галицкой души общерусскія чувства. Галицкій крестьянинъ сразу призналъ въ „Москаль“ своего роднаго брата „твердой вѣры“²⁾ И на образованные классы встрѣча оказала весьма замѣтное влия-

¹⁾ Огоновскій, Истор. литер. II. 408.

²⁾ Народныя пѣсни про „Кохута и кохутовскую войну“ Ж. и Сл. I, 461 слл. Здѣсь чрезвычайно ярко сказывается отношеніе галицкаго населенія къ Россіи: въ своей бѣдѣ оно возлагаетъ на нее надежды („та бо чей насъ поратуетъ сила москалема“), а русскія войска кажутся ему „ясною зарею“ („наступили москальчики, якъ зоря ясна“). Интересное объясненіе подобнаго отношенія см. Франко. Каринато руське письменство. Львовъ, 1900, стр. 18.

ніе¹⁾. Точки соприкосновенія народныхъ и общественныхъ интересовъ между Галичиной и остальною Русью обнаружилась вполне²⁾.

Все это, конечно, не ушло отъ бдительнаго вниманія австрійскихъ властей. Приняты были вскорѣ весьма рѣшительныя мѣры.

Много еще великой вѣщицы испытала, да и до сихъ поръ испытываетъ Галичина, но въ одномъ отношеніи 48-й годъ, и, въ частности, особенно разсмотрѣнный нами короткий промежутокъ административнаго междуцарствія во Львовѣ, давшій возможность галицко-русскимъ общественнымъ силамъ извѣстной свободы дѣйствій, составляетъ въ галицкой жизни эпоху въ полномъ смислѣ слова.

Даже кратковременная самостоятельность общества и обусловленная ею организація общественныхъ силъ вывела Галичанъ изъ той безнадежной апатіи, какая царила среди нихъ до сихъ поръ; пробудила русское самосознаніе въ широкихъ массахъ общества; привела общество въ живое, непосредственное соприкосновеніе съ народомъ³⁾. Благодаря этому, массовая полонизація, какою до сихъ поръ смѣнялись минуты галицко-русскаго пробужденія болѣе не повторялась. А когда, съ торжествомъ реакціи, стала все болѣе и болѣе властно править галицкими дѣлами одна изъ мнимыхъ создателей Руси, Голуховскій, осторожно направляя эти дѣла къ полному подавленію русской народности, онъ встрѣтилъ съ собою

¹⁾ „Якъ на лихо, говорить одинъ изъ видныхъ представителей современной Украины-Руси, львовскимъ Русинамъ (та невис й иншимъ) ще 1849 відъ переходу Москалівъ, загально запала въ голову думка, що ти говорять одною мовою зъ Русинами, а то й чинять одинъ народъ“. *М. Павликъ*, Читальни, 56.

²⁾ Такъ напр., уже осенью 49-го г. Коломійская народная читальня получила изъ Россіи книгъ на 80 руб. *М. Павликъ*, Читальни, 43.

³⁾ Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность священниковъ (напр. о. Синеводскаго) на пользу народнаго просвѣщенія. Она особенно сильно сказалась въ наиболѣе удаленной отъ польскаго вліянія Коломійщинѣ. *Павликъ*, тамъ же.

стороны необыкновенно дружной и энергичной отпоръ. Это былъ результатъ того воспитанія, той общественной школы, какую въ короткое время создали въ Галичинѣ ея скромные представители — сельскіе поны.

Въ тяжелой и однообразной, какъ слякотная осень, галицкой жизни разсмотрѣнные нами пять мѣсяцевъ составляютъ дѣйствительно ея свѣтлую весну.

Объ этой веснѣ до сихъ поръ вспоминають съ одинаковой отрадой Галичане всѣхъ партій и направленій ¹⁾. По сходясь въ чувствахъ, они рѣзко расходятся въ оцѣнкѣ фактовъ этой исторической эпохи. Главную причину разногласія составляетъ этнографическое опредѣленіе галицко-русской народности, какое было дано тогда и „Головной Радой“, и собраніемъ „ученыхъ“. Галицкая Русь была объявлена частью 15-милліоннаго народа, иначе говоря — было заявлено только о принадлежности Галичины къ малорусской Руси и умолчано объ ея отношеніяхъ къ остальной Руси.

Одни осуждаютъ такое умолчаніе, какъ явную нелогичность и объясняютъ его лишь тяжелыми политическими условіями; другіе же придаютъ заявленію сакраментальное значеніе вполне сознательнаго обособленія частей русскаго цѣлаго, въ смыслѣ не только двухъ народностей, т. е. частей одного народа, а двухъ разныхъ народовъ, двухъ разныхъ національностей. Въ такомъ смыслѣ они считаютъ заявленіе Галичанъ о своей народности въ 48-мъ г. священнымъ историческимъ завѣтомъ. Споръ объ этомъ продолжается и по настоящее время.

Въ данномъ случаѣ нѣтъ надобности останавливаться на немъ. Разсмотрѣнные факты говорятъ сами за себя достаточно краснорѣчиво, и если о нихъ спорять еще и теперь, то это потому, что вопросы, выдвинутые въ 48-мъ году, остаются и до сихъ поръ непорѣшенными и продолжаютъ составлять злобу галицкой жизни. Благодаря этому, современность чрезвы-

¹⁾ За исключеніемъ, развѣ, т. наз. радикаловъ.

чайно тѣсно связывается съ прошлымъ и сообщать ему свое нынешнее осужденіе, хотя на самомъ дѣлѣ она во многомъ рѣзко отличается отъ тогдашняго времени. Достаточно указать лишь на одинъ фактъ. Наиболее усердными и краснорѣчивыми проповѣдниками обособленія южной Руси отъ сѣверной были тогда члены „Р. Собора“, и самый терминъ „*окремленность*“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ его нынешніе представители „украинско-руської“ теоріи, появился впервые на страницахъ „Р. Дневника“. Не менѣе краснорѣчиво развивалъ эту же теорію и прословутый „изобрѣтатель“ Руси Стадіонъ, причемъ его взгляды представляютъ почти буквальное повтореніе взглядовъ Коншара¹⁾. Мало того, слѣдуетъ сказать, что подобные взгляды были тогда господствующими какъ въ вѣнскомъ, такъ и въ кромержекомъ парламентѣ. Даже Палакий и, въ особенности, Ригеръ склонны были „половинить“ Русь, усматривая при этомъ призваніе юго-западной половины въ томъ, чтобы она, усвоивъ европейское просвѣщеніе, послужила закваской европеизма и для сѣверо-восточной половины.

§

¹⁾ Вотъ какъ формулировалъ Стадіонъ свои взгляды въ Oesterr. Lloyd 1849, N 59. Мы, съ своей стороны, неспытавшемъ истинное, неизмѣримое утѣшеніе, если бросимъ взоръ на великій народъ Рутеновъ, почти исчезнувшій изъ памяти народовъ и теперь возстающій изъ вѣкового сна исторической смерти къ національному сознанію и силѣ. Должно быть въ этомъ народѣ дремлютъ дѣйствительно великія силы, если, несмотря на вѣковое безпримѣрное рабство, онъ сохранилъ и жизнеспособность, и упругость, удивляющую міръ. Это—въ полномъ смыслѣ слова—народъ будущаго; онъ призванъ сыграть въ исторіи великую роль. Чувства человеколюбія неистощиваютъ удовлетвореніе, при видѣ того, что на развалинахъ погибшей отъ внутренняго безевія Польши, возстанетъ новый народъ, призанный стать передовымъ постомъ европейской цивилизаціи на востокѣ. Чего не въ силахъ была сдѣлать Польша, то сдѣлаетъ Рутенія: она раздавитъ извивающуюся около сея гнида змѣю. Вотъ почему Рутены составляютъ, по убѣжденію Стадіона, вѣдущіе открытіе новѣйшаго времени. *Свистунъ*. Аг. Голуховскій, 23.

Но все эти тонкія соображенія тогдашнихъ представителей западно-европейской политической мысли разбились о силу живого, непосредственнаго чувства Галичанъ, проснувавшегося въ короткую эпоху галичко-русской общественной самостоятельности. Въ рѣшеніяхъ октябрьскаго собранія это чувство напало себѣ даже вполне определенное и сознательное выраженіе.

Въ условіяхъ того времени этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ. Русскій міръ въ національномъ отношеніи представлялъ тогда разрушенную храмину въ полномъ смыслѣ слова, а „завѣтные преданія“ о быломъ русскомъ національномъ единствѣ почти ни въ комъ еще „не шевелили отраднато мечтанія“. Для исторической науки, въ которой тогда вмѣщались все разнообразныя дисциплины современнаго народовѣдѣнія, вся великорусская часть Руси представляла, начиная съ XIV в., какъ бы пустое мѣсто, лишь изрѣдка озаряемое то политическими и религіозными уніями, то заревомъ пожаровъ и потоками крови, пролитой вѣлѣдствіе этихъ уній. Великорусскій востокъ и белорусско-малорусскій западъ были другъ другу до такой степени мало знакомы, что ихъ обособляли даже крупные представители тогдашней русской исторической науки. Лишь немногіе исключительные умы замѣчали тогда „узлы будущаго сращенія Россіи“. Такимъ узломъ Хомяковъ считалъ Харьковъ. Но что касается, напр. „матери городовъ русскихъ“ — Кіева, то вспоминая о немъ, тотъ-же Хомяковъ могъ указать лишь на его святиню. Къ ней, на окраину „чуждаго города“ притекала вся Русь; но въ самомъ Кіевѣ еще въ 60-хъ годахъ царила польщизна, какъ царила она надъ всею „приниженою до земли“ западною Русью. Не даромъ-же у кіевскихъ святинь Хомяковъ не доиспытался не только Галича, но даже Волыни. Несмотря на совершенное измѣненіе политической карты, съ паденіемъ польскаго государства, границы бывшей Польши — на западѣ отъ Днѣпра и Двины — держались въ жизни еще очень долго. Это не могло не оказывать вліянія на господствующія представленія. Достаточно вспомнить взгляды Погодина, вытекавшіе изъ

въ извѣстной полемикѣ съ Максимовичемъ¹⁾. Рѣшительный переломъ въ этомъ отношеніи наступилъ лишь въ 60-хъ годахъ и, какъ увидимъ, немедленно-же сказался и на галицкой жизни. Однимъ словомъ, если Галичина 48-го года не могла быть русскою Венеціей, то прежде всего, по тому, что русскому національному сознанію было еще очень далеко до итальянскаго; но едва-ли можно не признать, что сама по себѣ Галичина обнаружила тогда не мало аналогіи съ позднѣйшей итальянской прредентой. Национальныя чувства пробуждало въ ней историческое горе. Руководителями ея въ этомъ направленіи были Поляки и „настоящіе Русины“ — Ценглевицы, Сущинскіе, Домбчанскіе. Всякое стремленіе къ подъему галицко-русской народности, всякое заявленіе о ея человеческихъ правахъ провозглашалось ими какъ стремленіе къ Москвѣ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти постоянныя обвиненія²⁾ въ тяготѣніи къ Россіи сообщали новое направленіе галицкой общественной мысли. Въ этомъ смыслѣ получаетъ очень важное значеніе, напр., брошюра А. Петрушевича, *Skłóvilka napisanych w obronie ruskiej narodowości* (Lw. 1848), гдѣ галицкая Русь является только малой частью Руси Пестора, наряду съ Кіевомъ, Новгородомъ, Сѣверщиной, Суздаль-

¹⁾ См. объ этомъ мою статью „По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей“. Научно-лит. Сборникъ гал.-р. Матицы 1901 кн. 2—4 и отд. Льв. 1902.

²⁾ Эти обвиненія начались съ 19 марта (см. выше 52) и принимали иногда чрезвычайно странныя, а то и прямо каррикатурныя формы. Такъ напр., по случаю требованія Галичанъ о введеніи рускаго преподаванія „Dziennik narodowy“ помѣстилъ слѣд. корреспонденцію изъ Вильны: „здесь удивляются, что Русины хотятъ ввести свой языкъ въ школы, хотя онъ безъ грамматики. Немцы смотрятъ на это такъ, какъ если бы, напр., ольденбургцы захотѣли возвести свое простонародное нарѣчіе на степенъ государственнаго языка. Все это — дѣло *россійскихъ агитовъ*, а всю агитацію ведетъ он. Яхимовичъ“. *Самострунъ*. Аг. Голуховскій, 62. По случаю требованія раздѣла Галиціи были пуцены слухи, будто Яхимовичъ получилъ изъ Россіи цѣлый миллионъ рублей!

ниной... „Русская рѣчь, говоритъ Петрушевичъ, звучитъ въ устахъ 50-милліоннаго народа: это — великая русская мать, и велика сила ея сыновъ, а нынѣшнее просвѣщеніе еще удвоитъ ее“¹⁾).

Усиленныя обвиненія Галичанъ въ тягостный къ Россіи заставили „Головную Радѣ“ высказаться по этому вопросу. 23 августа она отправила въ парламентъ отзывъ „къ нѣмецкимъ братьямъ“, гдѣ, между прочимъ, „Рада“ заявляетъ слѣдующее: „Мы ихъ (великороссовъ) соплеменники. Общая славянская кровь течетъ въ нашихъ жилахъ, общія судьбы въ прошломъ, родственный языкъ, права и проч. дѣлаютъ русскихъ братьевъ (die russischen Brüder) цѣнными и дорогими (werth und theuer) нашему сердцу. Мы этого не отрицаемъ, иначе вы легко обвинили бы насъ во лжи, и мы не могли бы выступить передъ глазами Европы, какъ честные и добросовѣстные мужи. Но между народомъ и правленіемъ, между кровнымъ родствомъ и полити-

¹⁾ „Wiem dobrze, говорить Петрушевичъ, że posądzony będę o rosyjanizm, którego to imieniem dziś każdego szczerze kochającego swą ojczyznę, chrzczę Rusina, wręście niech nawet Szuzdalea imię otrzymam, i to cierpliwie zniosę, gdy wiem z dziejów ojczystych, że w r. 1191 Włodzimierz Jarosławicz, książę nasz halicki, nekany od Węgrów i Lechii poddał się w opiekę, jako siostrzeniec Wsewołodowi II, w. ks. Suzdałskiemu i znalazł silną obronę z całym swym narodem przeciw Kazimierzowi II, królowi naszych braci Polaków“. Въ заключеніе Петрушевичъ призываетъ русскую молодежь обратиться къ серьезному изученію прошлаго своего народа. „Losy Rusi, której tylko małą częśćkę składamy, jej przyszłość, t. j. posłannictwo tego wielkiego narodu, jedynie ważnemu badaczowi dziejów jego rozkryć się może. Z tej to książki narodu twego, młodzi ruska! nie z gazet i dzienników, wybadasz całą przeszłość twoją, pojmiesz tak zawile zdarzenia dzisiejsze i nwidzisz oraz wielką ciebie czekającą przyszłość. Zawierzaj! Wielka w tej księdze zna chodź się mądrość... Z niej to czerpaj nieustannie wytryskającą wodę żywą, a ta cię napoi gorącą miłością ojczyzny twej ruskiej... Въ отвлъ на брошюру Домбжанскаго, появилось въ 1850 г. во Львовѣ цѣлое исследование — первый опытъ историческаго обзора русско-польскихъ отношеній — Die Dąbezańskisch-ruthenische Frage in Galizien, beleuchtet von einem Russinen.

ческимъ благополучіемъ — разнища“. Человѣческая природа стремится къ лучшему, и если бы мы разсчитывали на лучшее въ Россіи, то тяготѣніе къ ней было бы вполне естественно. Задача Австріи заключалась бы въ такомъ случаѣ въ томъ, чтобы подавить это тяготѣніе. Но чѣмъ? — угнетеніемъ? Оно вызываетъ противоположеніе, и мы тогда естественно обращали бы свои взоры къ Россіи. Слѣпленіемъ съ Польшею? — но въ такомъ случаѣ „въ новой египетской неволѣ были бы повинны исключительно нѣмцы“, а мы бы естественно стали думать, что Россія не выдастъ насъ нашимъ „смертельнымъ врагамъ“. Германизацией? — но на Руси не было ея примѣровъ. Нѣмецкимъ образованіемъ? но оно бы насъ поднило. „Чѣмъ же можетъ быть обезпечена вѣрность Галичанъ Австріи? Nichts, als nur Nationalheil!“ Въ заключеніе Рада выражаетъ надежду, что, открывъ вполне свое сердце нѣмецкому народу, она можетъ разсчитывать на нѣмецкое великодушіе, какъ на твердую скалу ¹⁾).

При извѣстной дипломатичности въ стилизаціи, заявленіе „Рады“ не оставляло, кажется, никакихъ сомнѣній по существу и можетъ служить доказательствомъ не только значительной цѣльности и силы народнаго сознанія, но и значительнаго гражданскаго мужества представителей тогдашней галицкой Руси, особенно въ виду хорошо извѣстнаго имъ настроенія по отношенію къ Россіи въ парламентѣ.

Таковъ характеръ кратковременной эпохи галицко-русской общественной самостоятельности, таковы ея историческіе заветы!

Ридовые поны понимаютъ совершенно ясно, что галицко-русская народность, какъ культурная единица была еще въ будущемъ. Но они смотрѣли въ это будущее съ полной вѣрой и надеждой, глубоко убѣжденные и въ своихъ правахъ и въ

¹⁾ *Малиновскій*, Satzungen, 575 сл. По свидѣтельству В. Двигущаго, авторомъ этого в. характернаго документа былъ тогдашній законоучитель въ Черновцахъ, а впоследствии митрополитъ Спиридонъ Литвиневичъ *Молчановскій*. Жизнь и дѣятельность Наумовича, 55.

своихъ силахъ¹⁾. Они проникнуты были горячимъ желаніемъ, чтобы русская правда засвѣтила „якъ красное солнце въ каждую хатинку, въ каждое оконце“. Отъ лица своей „припущенной до земли“ народности они смѣло выступили передъ европейскимъ парламентомъ и громко заявили о своихъ гражданскихъ правахъ, протестуя вмѣстѣ съ тѣмъ противъ того гнета, какой нещипывали живыя народности, во имя разныхъ политическихъ археологій. Они указали своей родинѣ широкій и свѣтлый путь возрожденія и обновленія, и велика ихъ историческая заслуга, какъ передъ галицкой, такъ и передъ всею Русью.

Назначенный на мѣсто Стадіона, губернаторомъ Галиціи²⁾ В. Залескій прибылъ въ Львовъ 25 октября. Его привѣтствовала депутація „Русской Рады“, и глава ея, священникъ Жуковскій, вспомнилъ между прочимъ, и о томъ благотворномъ значеніи, какое сыгралъ въ жизни Галицкой Руси изданный Залескимъ въ 1833 г. сборникъ галицко-русскихъ пѣсень. Съ мена, посвященный тогда, говорилъ Жуковскій, поддержаны были заботами отдѣльныхъ представителей Руси, и теперь, благодаря наступившей свободѣ, дали плодъ, ожививъ всю галицко-русскую массу, пробудивъ въ ней народное сознаніе. Въ отвѣтъ на рѣчь Жуковского, Залескій сказалъ, что и онъ родился на русской землѣ, а русская рѣчь была его первою рѣчью, которой онъ долго пользовался въ дѣтствѣ. Теперь онъ озабоченъ, чтобы Русь не терѣла никакихъ кривдъ³⁾. Оказалось, однако, что во взглядахъ на „кривды“ Руси польскій романтикъ рѣшительно разошелся съ „Радой“.

¹⁾ См. рѣчи Жуковского, Муха и особенно Куземскаго и П. Устіановича. Очеркъ основаніе гал.-р. Матицы.

²⁾ Включая сюда краковскій округъ и Буковину. Предусматривалась возможность раздѣленія края, но на этотъ случай Залескій заранѣе назначался губернаторомъ Кракова. *Łoziński*. Ag. hr. Góluchoński, 143. Инструкція, данная Залескому 2 августа у Видмана, Smółka, 864.

³⁾ *Оюновскій*, ист. лит. II, 30.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ новаго губернатора, по прибытіи въ Львовъ, было посѣщеніе официального представителя Русн, митрополита Левинскаго, стоявшаго въ сторонѣ отъ русскаго движенія и проживавшаго въ это время въ уединеніи въ Унесевѣ. Залескій, соблюдая возможную тайну, отправился къ нему, съ цѣлью, какъ оказалось, склонить его къ изданію пастырскаго увѣщанія къ русскому духовенству, „чтобы оно постаралось умирить обнаружившееся среди русскаго населенія броженіе и воздержалось отъ такихъ рѣчей, которыя могли бы быть плохо поняты народомъ и побуждать его къ достойнымъ наказанія выходкамъ противъ польской шляхты“¹⁾. Митрополитъ, привыкшій быть всегда покорнымъ орудіемъ власти, согласился; но изданное имъ посланіе вызвало всеобщее негодованіе²⁾. Немедленно же явился къ митрополиту представитель „Р. Рады“, и онъ долженъ былъ ступать. Но опасности угрожающей русской народности не были устранены. Въ сущности, онъ только теперь ясно обозначились на политическомъ горизонтѣ.

Назначеніе Залескаго состоялось подъ вліяніемъ польскихъ пословъ парламента и свидѣтельствовало о поворотѣ во взглядахъ высшихъ руководящихъ сферъ на галицкія дѣла и отношенія. Эти взгляды стали все болѣе и болѣе склоняться въ сторону цѣмечныхъ либераловъ, мечтавшихъ о созданіи единой Германіи и въ виду этого усиленно поддерживавшихъ политическія идеи Мадьяръ. Съ этими

¹⁾ *Łoziński, Ag. Goluchowski*, 49. Шляхта была, очевидно, увѣрена въ необходимости народнаго движенія; въ дѣйствительности однако, до безпорядковъ дѣло не дошло; волненія въ Гуцуловѣ объясняются, повидимому тѣмъ, что тамошній священникъ, *pauze polonais*, не пользовался довѣріемъ крестьянъ. Ж. и Сл. V, 368. О крестьянскомъ движеніи въ буковинской гуцульщинѣ см. *Франко*, Лукіянь Кобилянця. Эпизодъ изъ исторіи Гуцульщины Зап. товар. Шевченка, т. 49.

²⁾ Въ Коломыѣ оно было предано публичному сожженію. *Łoziński*, к. в. 49.

мечтами вполне совпадали, какъ известно, и чаянія Полюковъ. Нечего и говорить, какими опасностями грозила славянству эта нѣмецко-либеральная программа ¹⁾. Но отношенію къ Галиціи назначеніе Залескаго было первымъ шагомъ къ ея осуществленію. Какъ должно было это отразиться на галицкой Руси, яче всего показываетъ министерское распоряженіе (29 октябри), по которому, до надлежащаго развитія русскаго языка и окончательнаго раздѣленія края, предписывалось немедленно завести въ гимназіяхъ и въ львовскомъ университетѣ преподаваніе на польскомъ языкѣ. Это распоряженіе было сдѣлано по требованію польскихъ псаловъ, какъ объ этомъ прямо говоритъ Смолька ²⁾. Такъ послѣ разныхъ колебаній³⁾, готовъ былъ наконецъ разрѣшиться вопросъ о преподаваніи въ галицкихъ школахъ. Легко понять негодованіе „Р. Рады“⁴⁾, понятно также, что, при новой комбинаціи парламентскихъ

¹⁾ Она имѣла въ виду возможное сокращеніе славянскаго представительства въ парламентъ и съ этой цѣлью нѣмецкіе либералы добивались обособленія Галиціи для того, „чтобы въ удобный моментъ подарить ее (hinzu-schenken) и создать такимъ образомъ великую польскую державу, соединенную съ Австріей и Германіей“. Такіе взгляды проповѣдывалъ извѣстный Шуселька. *Widmann, Fr. Smolka*, 183. Они совершенно совпадали съ политической программой Смольки, см. выше 78 пр. 1, и понятно, почему всѣми силами содѣйствовали нѣмецкимъ либераламъ. *Widmann*, 181.

²⁾ *Widmann*, 312.

³⁾ Еще въ началѣ сентября „Р. Рада“ получила предписаніе министерства проевѣщенія (отъ 31 авг.), по которому, съ начала новаго учебнаго года должны быть приглашены способныя и „отечестволюбивыя“ лица къ преподаванію въ гимназіяхъ русскаго языка. *Свѣстунъ. Аг. Голуховскій*, 63.

⁴⁾ Вотъ что писала „Рада“ въ своемъ отзывѣ по поводу распоряженія 29 окт. „Дивѣтся, до чего доведе! Уже одно право природное, право родного языка по школахъ, де способителъ урядники и де учателъ руски дѣти, одмовили дѣтѣмъ нашимъ. А явже урядники въ судѣ справедливо разсудитъ справу нашу, якъ онъ не научителъ по руски бесѣдовати той писати? Чи такъ маюгъ насъ судити, якъ давилѣнъ, чужа-ми языками, намъ незрозумѣлыми? Братя! Право то до мови нашої

парцій, „Рада“ ужь совсемъ не могла рассчитывать на какую бы ни было поддержку со стороны парламента. Въ такомъ положеніи „Рада“ постановила обратиться къ Императору и огривила къ нему двухъ депутатовъ, Куземекаго и Борискевича, съ заявленіемъ непоколебимой вѣрности престолу всего галицко-русскаго населенія и ходатайствомъ о его нуждахъ ¹⁾). Все это совпало какъ разъ съ началомъ рѣшительной борьбы съ Мадьярами, которая, какъ извѣстно, составляетъ поворотный моментъ въ жизни Австріи 48-года.

Подъ вліяніемъ мадьярскаго возстанія выступили наконецъ открыто другъ противъ друга двѣ враждебныя силы: партія противоконституціонная и конституціонная. Первая опиралась на войска, съ Виндшигрецомъ, Радецкимъ и Елацичемъ во главѣ ²⁾), вторая—на свободомыслищіе элементы парламента и общества. Императоръ внезапно уѣхалъ изъ Вѣны и обнародовалъ направленный противъ парламента манифестъ (7 окт.). Парламентъ въ свою очередь, издалъ отзывъ къ на-

русской въ школахъ тай уридахъ есть намъ святое, неодолие для сираведливости, черезъ конституцію забезпечено. „Р. Рада“ упоминается о то право и ставитъ его подъ оборону цѣлота народа русскаго и призываетъ всѣхъ, по всѣхъ Радахъ, мѣстахъ тай громадахъ объявити въ протестахъ несломну волю, же николи не одречемся мовы русскои ни въ школахъ, ни въ судѣ, же домогаемъ въ панной русскои сторонѣ такой самой чести для русскои мовы, яку на мазурахъ (т. е. въ польскои Галиціи) має мова польска“. *Свистуль*, тамъ-же, 65.

1) Ходатайство это касалось: 1) раздѣла Галиціи, 2) учрежденія русскои народной гвардіи, 3) введенія русскаго языка во всѣхъ школахъ и 4) во всѣхъ официальныхъ учрежденіяхъ; 5) новаго устройства сельскихъ общинъ, причемъ мандаторы должны быть замѣнены чиновниками; 6) установленія отдѣльной комиссіи для разсмотрѣнія экономическаго положенія населенія (вопросъ сервитутный); 7) удаленія изъ Галиціи чиновниковъ, враждебныхъ русскому населенію; наконецъ 8) уравниенія правъ русскаго и латинскаго духовенства и обязательнаго празднованія русскихъ праздниковъ. *Огоновскій*, Ист. лит. II. 31.

2) Къ этой-же компаніи принадлежалъ и львовскій генераль Гаммерштейнъ.

родами Австрій, призивав ихъ на зациту конституціоннаго порядку. Славине, за неключеніємъ Поляковъ, и, въ частности Галичане отнеслись къ этому призыву несовѣстливо ¹⁾. Мы уже знаемъ, почему; знаемъ также, въ какомъ положеніи оказались въ октябрскіе дни въ Вѣнѣ славинскіе и, въ частности, галицкіе послы. Осправляя денутацію къ Императору, „Р. Рада“, какъ бы слѣдовала его призыву 7 октября. Съ этого времени и упрочилась окончательно за Галичанами ренутація „слугъ реакцій“ ²⁾.

Такъ трагически сложились для Галичинъ обстоятельства, несмотря на то, или, можетъ быть, благодаря тому, что требованія ихъ шли въ сущности гораздо дальше требованій тогдашнихъ нѣмецкихъ либераловъ.

Когда денутація „Рады“ прибыла въ Олумуць ³⁾, гдѣ тогда находился Императоръ, Вѣна, не дождавшись мадырской помощи, была доведена до отчаянія, и Виндингрець началъ въ ней свою расправу. Наряду съ Хорватами здѣсь отличились и Галичане ⁴⁾. Одновременно съ расправой въ Вѣнѣ, подвергся бомбардировкѣ и Львовъ (2 ноября), а вельдъ

¹⁾ *Springer*, II, 559.

²⁾ Что такая ренутація до сихъ поръ усиленно поддерживается въ польской литературѣ, это несудивительно, но странно читать подобныя же отзывы у Галичанъ, хотя бы даже „радикаловъ“ и при томъ не только такихъ, какъ Вудзыновскій или Бачинскій, но даже такихъ какъ М. Павликъ (Читальни) и Франко. Замѣчательно, что послѣдній въ одной изъ своихъ замѣтокъ („Не въ пору патосъ“, по поводу статьи Вудзыновскаго „Хлопска посѣлость въ Галичинѣ“ ⁴⁾. „*Народъ*“ 1894), прекрасно указалъ несогласность обычныхъ взглядовъ на роль галицкой Руси въ 48-мъ г.; но уже въ слѣдующемъ году онъ повернулъ на торную дорогу. См. его отзывъ объ „*Ukraina irredenta*“ Бачинскаго. Ж. и Сл., IV, 475.

³⁾ Она была принята Фердинандомъ 6 ноября.

⁴⁾ Одинъ изъ польскихъ пословъ парламента встрѣтился въ Вѣнѣ въ кровавый день 1 ноября съ знакомымъ ему галицкимъ гренадеромъ. На вопросъ: „а що ты тутъ робиши, Грыцьо?“, Грыць съ гордостью отвѣтилъ: „та що, різаємъ Німцівъ — все: діті, баби!“ *Widmann*, 479.

затѣмъ Залескій получивъ министерское предписаніе (отъ 4 ноября), въ которомъ прежде всего указывалось, что „высшіи государственный соображенія требуютъ оставленія въ Галиціи возможно малаго количества войскъ“¹⁾, почему бдительность властей должна быть особенно напряженной. Въ виду этого, верховное начальство въ край поручалось командующему войсками генералу Гаммерштейну, который „пользуется полнымъ довѣріемъ министерства“, а губернатору предлагался рядъ мѣръ, между прочимъ,—порученіе отдельному лицу заведыванія краковской губерніей и обращеніе „къ русскому народному комитету, который многократно доказалъ свою привязанность къ императорскому дому, съ парочитымъ „возваніемъ о поддержаніи, при содѣйствіи русскаго духовенства порядка и спокойствія въ русскіхъ селахъ“²⁾. Такимъ образомъ теряли силу прежнія инструкціи Залескому и вводилось, очевидно, въ угоду Галичанамъ административное раздѣленіе края. Залескій исполнилъ предписаніе, выразивъ, однако, свое полное несочувствіе предложенію министерства, а особенно его обращенію къ содѣйствію массы населенія, такъ какъ, при ея „низкомъ уровнѣ и даже дикости, эгоизмъ и злоупотребленіе легко могутъ взять верхъ и надъ лояльностью“³⁾. Его замѣчанія были, конечно, сданы въ архивъ, и онъ уѣхалъ изъ Львова, передавъ руководство дѣлами Голуховскому, который т. обр. вторично сталъ во главѣ администраціи края, на этотъ разъ въ качествѣ его „шефа“ (Landeschef).

Положеніе новаго „шефа“ было не изъ легкихъ. Въ глазахъ польскаго общества онъ выступалъ въ подозрительной окраскѣ австрійскаго чиновника, къ тому-же какъ будто сильно прикосновеннаго къ „изобрѣтенію“ Руси. Въ тоже время Русь не могла питать къ нему никакого довѣрія: его отноше-

¹⁾ Только въ городахъ: Краковѣ, Тарновѣ и Львовѣ.

²⁾ Предписаніе это полностью у Мозинскаго, Ag. Goluchowski, 50.

³⁾ Тамъ-же, 58.

ніе къ недавнему Львовскому съезду было у всѣхъ въ свѣжей памяти. Наконецъ, оффіціальное положеніе Голуховскаго представляло не мало трудностей: кругъ компетенціи новой губернской комиссіи въ Краковѣ не былъ точно опредѣленъ, а верховный авторитетъ власти въ край, въ силу предписаній 4 ноября, принадлежалъ Гаммерштейну.

Изъ всѣхъ этихъ затрудненій Голуховскій очень скоро выйдетъ побѣдителемъ. Недавній скромный „совѣтникъ губерніи“ скоро станетъ намѣстникомъ и тайнымъ совѣтникомъ, отстранитъ всецѣльнаго въ данную минуту Гаммерштейна, пріобрѣтетъ полное довѣріе императора и надолго станетъ верховнымъ распорядителемъ судебъ Галиціи. Мало того, онъ не только примиритъ съ собою польское общество, но станетъ во главѣ его, какъ признанный и надежный руководитель. Его „черно-желтая“ окраска не будетъ болѣе возбуждать никакихъ подозрѣній въ искренности его польскаго патріотизма, и когда онъ второй разъ снова, въ качествѣ намѣстника, станетъ во главѣ края, все польское общество Галиціи единодушно выскажетъ во всенародномъ адресѣ его лозунгъ: „przy tobie, Panie, stoimy i stać chcemy!“

Голуховскій можетъ служить характернѣйшимъ представителемъ того поворота въ политическомъ настроеніи Польковъ, которымъ смѣнилась ихъ кипучая конспиративно-революціонная дѣятельность. Если наиболѣе типичнымъ выразителемъ последней можно считать Смольку, то Голуховскій представляетъ ей оборотную сторону. Смолька вышелъ изъ конспираціи, Голуховскій изъ чиновничьей канцеляріи, но крайности сошлись въ одномъ: оба они разными путями вели Галицію къ полной идейной солидарности съ Австріей, оба — всѣми силами души стремились къ подавленію Руси¹⁾. По ихъ слѣдамъ пойдеть цѣлый рядъ видныхъ и даровитыхъ дѣятелей австрійской Польши. Они обратятъ на себя вниманіе всего польскаго общества, сдѣлають Галицію средоточіемъ польскихъ

¹⁾ О Смолькѣ это приходится утверждать съ негнимою грустью.

надежды и чаяній. Голуховскому дѣйствительно удастся достигнуть своей цѣли: убить вопросъ о раздѣлѣ Галиціи, добиться уничтоженія „Русской Рады“, положить начало господству польскаго языка въ школахъ и экономической недолѣ галицко-русскаго крестьянства. Но какъ разъ въ то время, когда благодарное потомство воздвигнетъ Голуховскому памятникъ во Львовѣ — на указанномъ имъ пути откроется бездна.

Возвратимся къ изложенію фактовъ.

Галичане не обманули оказаннаго имъ довѣрія. Масса населенія поднималась на защиту Вѣны отъ Мадьяръ и при вербовкѣ поставила солдатъ больше, чѣмъ требовалось ¹⁾). Die gesinnungstüchtigen ruthenischen Pfaffen und das treue biedere, opfwillige Bauernvolk der Ruthenen оказались первыми добровольцами, посѣлывшими „спасать“ Австрію. Изъ русскнхъ горцевъ (ruthenische Bergschützen) составлены были отряды, оберегавшіе венгерскую границу Галиціи, а „Р. Рада“ предложила правительству проектъ образованія народнаго ополченія противъ Мадьяръ ²⁾).

¹⁾ *Мончаловскій, Жизнь Наумовича, 15.*

²⁾ Первое такого рода ополченіе было организовано въ Станиславскомъ округѣ, а смотръ его происходилъ около Богородчанъ. Собралось около 10,000 крестьянъ съ косами, вилами, топорами и ружьями. На правомъ крылѣ выстроилось 300 гундуловъ, на маленькихъ лошадицахъ, съ винтовками черезъ плечо; далѣе— 600 вооруженныхъ винтовками и карабинами гундуловъ и подгорянъ. Предводителями этихъ отрядовъ были гайдуки и лѣсничіе камеральныхъ имѣній. За ними выстроилось 8,000 крестьянъ съ косами, вилами и топорами; на лѣвомъ крылѣ—400 всадниковъ съ косами и пиками. Смотръ производилъ прибывшій изъ Львова генералъ. Впереди дефилирующаго ополченія ѣхалъ на конѣ старшій священникъ, въ селони и съ крестомъ въ рукахъ. Ополченцы проходили съ пѣснями: „Пречистая дѣво, мати русскаго крѣю“, „Миръ вамъ, братья“, „Манеруютъ шваллиеры, счастлива имъ дорога“. Войты получили приказъ разставить на возвышеніяхъ, начиная отъ венгерской границы, соломонныя вѣхи. Ихъ пламя должно было служить сигналомъ военной тревоги. Когда все

Такимъ образомъ были совершенно парализованы замыслы Поляковъ о возстаніи въ Галиціи и ихъ совмѣстномъ дѣйствіи съ Мадырами. Не даромъ Смолька опасался галицко-русскаго народнаго ополченія болѣе, чѣмъ „московской“ интервенціи ¹⁾).

Но все эти возмущенія Австріи услуги въ сущности не измѣнили положенія галицкой Руси. Достаточно сказать, что распоряженіе 29 октябри о преподаваніи въ школахъ оставалось въ силѣ и даже, повидимому, осуществлялось не безъ излишняго съ польскою стороною усердія ²⁾).

Негодованіе, выраженное „Русскою Радою“ не оказало никакого вліянія. Но, строго говоря, не въ этомъ заключалась вся горечь положенія галицкой Руси, а въ томъ, что „Рада“ не могла, въ сущности, настаивать на русскомъ преподаваніи, не могла подвергать опытамъ весь галицко-русскій подростъ. На это членамъ „Рады“ — отцамъ этого подростка не позволяла ихъ родительская совѣсть. Въ то же время, въ видѣ разнравившихся страстей, они имѣли полное основаніе опасаться еще большей полонизаціи своей молодежи, и вотъ въ такомъ положеніи — между Сциллой и Харибдой — „Рада“ обращается къ Императору съ просьбой о замѣнѣ въ гимназіяхъ Галичинъ польскаго языка — нѣмецкимъ.

Къ исполненію подобныхъ просьбъ австрійское правительство было всегда очень отзывчиво, а нѣмецкіе чиновники чрезвычайно усердны, и уже въ декабрѣ 48-го и началѣ ян-

эти приготовленія были сдѣланы, нѣмцы вздохнули свободнѣе, проследившись отъ умиленія надъ честнымъ, вѣрнымъ, жертволюбивымъ руссенекимъ народомъ”. *Совѣстникъ*, Прикази. Русь I. 317. См. также *слова*, Галицко-русское войско въ 1848—49 г. Живое Сло. I, 30 сл. Интересно знамя жолковскаго отряда: на одной сторонѣ Владиміръ св., на другой австрійскій орелъ и русскій левъ. Знамя эрцгерцогини Стефаніи прибіло во Львовъ, повидимому, въ декабрѣ и, кажется, осталось безъ употребленія.

¹⁾ *Widmann*, 607.

²⁾ *Łoziński*, *Ag. Goluchowski*, 159.

вари 49-го года, безъ всякихъ справокъ съ парламентомъ, были изданы предписанія, по которымъ польскій языкъ въ гимназіяхъ Галичины „временно“ замѣнился нѣмецкимъ „пока не найдутся учителя, знающіе галицко-русскій языкъ и пока ученики не усвоятъ его“. Тоже самое было объявлено и относительно университета, и ректоръ его, Тангль, при посѣщеніи университета „шефомъ края“, не только повторилъ передъ нимъ это официальное заявленіе о временно нѣмецкомъ, но въ сущности русскомъ характерѣ университета, но даже прибавилъ, что это справедливое распоряженіе правительства „наполнило радостью весь край по ея сторону Сана“¹⁾.

Все это ставило Галичанъ въ крайне тяжелое положеніе. Съ одной стороны, Австрія, явно за ихъ счетъ, обдѣлывала свои дѣла, съ другой — они же стали поемъвищемъ Поляковъ. Подобно тому, какъ Нѣмцы, издѣваясь надъ пражскимъ съѣздомъ Славянъ, называли нѣмецкій языкъ общеславянскимъ, такъ теперь Поляки стали называть нѣмецкій языкъ „die provisorische nationalsprache der Ruthenen“²⁾. Ходатайство „Радъ о временномъ оставленіи нѣмецкаго преподаванія дало Полякамъ въ руки очень удобное средство для агитаціи противъ русскихъ въ кромержижскомъ парламентѣ. Ловкіе политическіе дѣльцы, въ родѣ Дылевекаго, Борковскаго и др. новорачивали въ парламентъ сложныя и запутанныя галицкія дѣла тою стороною, которая не могла не смущать даже Чеховъ, наиболѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ сторонниковъ идеи живыхъ народностей³⁾. Оттого Галичанамъ приходилось не-

¹⁾ Тамъ-же, 161.

²⁾ Среди польскихъ педагоговъ сѣйчасъ-же нашлись лица, готовые въ виду „Р. Радѣ“ начать опыты русскаго преподаванія. Такъ поступилъ, напр., учитель математики въ перемышльскомъ лицѣѣ, Урбанскій. *Смислугоу*, Прикарп. Русь, I. 337.

³⁾ Вотъ что пишетъ Смолька 31 января 1849 г.: „przeciw zaprowadzeniu języka niemieckiego agitujemy, interpelujemy etc.—a jak mało się zdaje — nie bezskutecznie, gdy nawet bracia nasi stryjeczni (Czesi) tem zaprowadzeniem języka niemieckiego w celu popiorania narodo-

редко безнадежно опускать руки. Такъ напр., въ виду „парламентской ситуаціи“, Палацкакъ взялъ назадъ приготовленное и розданное уже послать предложеніе относительно проекта гминнаго устава¹⁾. Также мало могли разсчитывать Галичане на успѣхъ въ Кромержижскомъ парламентѣ главнѣйшаго вопроса ихъ жизни — вопроса о раздѣлѣ Галиціи. Опъ долженъ былъ венчать, при обсужденіи выработаннаго Палацкимъ проекта австрійской конституціи, въ чемъ, какъ извѣстно, и заключалась главнѣйшая задача Кромержижскаго парламента.

Въ основу проекта Палацкаго²⁾ былъ положенъ принципъ федераціи всѣхъ этнографическихъ группъ, составлявшихъ владѣнія габсбургской короны. Благодаря этому, въ числѣ восьми національно-территоріальныхъ группъ оказалась объединенной и вся карпатская Русь (галицкая, буковинская, угорская), и въ этомъ объединеніи особенно ярко обнаружилось совпаденіе русскихъ и славянскихъ интересовъ, а равно и „радикальность“ чешской программы, которая, по справедливому замѣчанію Шпрингера (II, 618), могла бы быть проведена „развѣ послѣ новой побѣдоносной революціи славянъ“. До этого было, конечно, далеко, и программа осталась на бумагѣ. Для насъ она представляетъ чрезвычайно характерный документъ въ одномъ отношеніи. Этотъ первый опытъ рѣшенія австрійскаго вопроса, сообразно съ инте-

wości ruskiej oburzeni są, nie mogąc pojąć, jakim to sposobem *interes sławiański* wprowadzeniem języka niemieckiego popartym być może. Od tego czasu na bakier stoją z Rusinami, a w szczególności ze *Szaskiewiczem*, który i u chłopów naszych na sejmie coraz się więcej dyskredytuje. *Wilmann*, 617. Не менѣе характерна интерпретація Дилевскаго, а также рѣчь Борковскаго. Тамъ же, 617, 718. Упомянутое Смолюки о Шашковичѣ объясняется вѣроятно назначеніемъ послѣдняго на должность совѣтника министерства. Благодаря его настояніямъ, оставлено было въ народныхъ школахъ Галичины русское преподаваніе. *Смислунъ*, Прикарп. Русь I, 331.

¹⁾ Въ комисіи по составленію этого проекта не было ни одного изъ русскихъ донутатовъ. *Wilmann*, 623.

²⁾ Имѣемъ въ виду второй проектъ, касавшійся и земель коро-

рессами большинства населения габсбургской державы, отбросив вообще основы политической археологии¹⁾, оставить их, однако, неприкосновенными въ примѣненіи именно къ занимающей насъ территоріи. Русь и въ проектѣ Палацкаго оставлена была въ связи съ Польшею, и это была не только дань, заплаченная археологін, но и явный признакъ того, что именно польско-русскіи отношенія представляли самый слабый, т. е. всего менѣе разъясненный пунктъ славянскихъ отношеній. Но какъ бы ни было, проектъ Палацкаго былъ безспорно благопріятенъ интересамъ Карпатской Руси. Въ какой мѣрѣ онъ шелъ на встрѣчу дѣйствительнымъ потребностямъ ея жизни, доказываетъ то обстоятельство, что разрозненные ея частн стали уже тянуться другъ къ другу силой естественнаго притяженія. Въ засѣданіи „Р. Рады“ 4 февраля 1849 г., ей были представлены депутаты буковинской Руси, выразившіе радость по поводу энергичной дѣятельности „Рады“ въ пользу русской народности²⁾. Сношенія съ угорскою Русью завязались еще раньше на почвѣ той просвѣтительной дѣятельности, которая съ новою эрою русской жизни въ Австріи обнаружилась съ особенной силой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскій элементъ былъ наименѣе забытъ, а это именно слѣдуетъ ска-

¹⁾ Вотъ что говоритъ объ этомъ Б. Ригеръ. „Avšak nechat' jak-koli theoreticky možnou jest hádka, zdaly návrhy Palackého z r. 1848. a 1849 vychazeji ze statu slozeného, nebo jen decentralisovaného, naopak zcela jasno jest, že pomer jejich k programu historického statního práva českého je negativní; že t. zv. federalistický program Palackého v této době nikterak ze statopravním w jedno srovnati se neda... Při té podobě, jakou Palacký v l. 1848—49 navrhoval, nutno říci, že Palacký nikterak nezůstal stati na programu statopravním; on aspoň od zahájení konstitučního sněmu říšského podřizoval historický program česko-statopravní modernímu, a širšímu programu: *rakousko-federalistickému*. B. Rieger, *Ustava Rakouska dle Fr. Palackého v l. 1848—49. Památník na oslavu stých narozenin Fr. Palackého*. Praha 1898, стр. 671. Ср. *то же*, *Naš ustavní vyvoj od r. 1848*. Osvěta, 1898. О готовности Палацкаго и Ригера пожертвовать историческимъ правомъ см. *Widmann*, 678.

²⁾ *Основоуложн. Исторія*, II, 29.

затѣ объ угорской Руси, а также о болѣе отдаленной отъ польскихъ воздѣйствій коломийщинѣ¹⁾). Вотъ почему представленный въ томъ-же засѣданіи „Рады“ докладъ Борисенкевича о неблагопріятномъ положеніи русскаго вопроса въ Крамерикѣ²⁾ едва ли не слѣдуетъ объяснять тѣмъ состояніемъ раздраженія и безнадежности, до котораго довели Галичанъ всевозможнѣйшіе парламентскіе крючки, подносимые имъ такими парламентскими дѣльцами, какъ напр., Борковскій, Дылевскій и др., о чемъ было упомянуто выше.

4-го марта была объявлена правительственная конституція, причѣмъ общее устройство государства поставлено было въ зависимость отъ организаціи отдѣльныхъ коронныхъ земель. Проектъ устройства послѣднихъ предполагалось закончить въ теченіе 49-го года, послѣ чего они должны были поступить на разсмотрѣніе предполагаемаго общаго парламента имперіи. При такомъ планѣ вопросъ о раздѣлѣ Галиціи получалъ весьма существенное значеніе для Галичанъ. Безъ этого они не могли питать надежды провести свои желанія въ общемъ собраніи галицкаго сейма.

Дѣло это рѣшилось уже при новыхъ условіяхъ, административнымъ порядкомъ, причѣмъ, по злой провіи судьбы, оно было убито „изобрѣтателями“ Руси—Стадіономъ и особенно Голуховскимъ. Отмѣтимъ главнѣйшіе факты.

29-го марта Рада обращается въ министерство съ петиціей относительно раздѣла. Соедѣнившись на рядъ прежнихъ своихъ заявленій по этому вопросу, Рада указала, что административное отдѣленіе шести западныхъ округовъ Галиціи представляетъ мѣру неопредѣленнаго характера и не удовлетворяетъ желаній русскаго населенія, такъ какъ дѣло заключается въ томъ „чтобы русская часть области составила отдѣльный коронный край, наравнѣ съ другими“. Для спокой-

¹⁾ Ср. выше, стр. 104.

²⁾ Впрочемъ Борисенкевичъ, повидимому, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ отношеніе къ вопросу парламентской комиссіи. *Систунгъ*. Аг. Голуховскій, 34. Ср. *Widmann*, 176.

ствія и благосостоянія русскаго народа это, заивляет Рада, рѣшительно необходимо, и галицкая Русь никогда не перестанетъ стремиться къ этому законными путями ¹⁾. Но если прежде проектъ объединенія этнографически однородныхъ группъ вызывалъ въ парламентѣ протестъ представителей политическихъ націй, то теперь такое объединеніе оказалось не на руку представителямъ бюрократіи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Стадіонъ покровительствовалъ движеніямъ Славянъ лишь по скольку они могли ослабить Мадьяръ. Но онъ мечталъ не о федератіи народностей, а о соответственномъ примѣненіи французской системы департаментовъ. Петиція Галичанъ не совпадала съ этими планами и, чтобы избавиться отъ нея, Стадіонъ прибѣгнулъ къ косвенному воздѣйствію. Онъ предложилъ Голуховскому убѣдить Куземскаго въ томъ, что „законодательными постановленія относительно Галиціи въ частности ея раздѣла, будутъ изданы послѣ обстоятельнаго разсмотрѣнія исключительныхъ мѣстныхъ условій“, теперь же Стадіонъ обращается къ доброй совѣсти Куземскаго, чтобы онъ постарался успокоить русское населеніе надеждами на благосклонность правительства и умѣрилъ усердіе и энергію „Рады“ въ ея хлопотахъ о раздѣлѣ; такъ какъ обсужденіе подобнаго рода вопросовъ возбуждаетъ страсти и причиняетъ въ настоящее время затрудненія правительству.

¹⁾ *Łoziński, Ag. hr. Goluchowski*, 143 сл. „Рада“ выражала также желаніе объединенія съ галицкой Русью русскихъ комитатовъ северной Венгріи, съ одной конституціонной организаціей, однимъ законодательствомъ и управленіемъ. Еще 20 іюля „Рада“ обращалась „до народа русскаго въ Угорщинѣ“ съ такими словами: „привѣщаемъ до насъ именемъ народа русскаго галицкаго въ спольной паншѣ справѣ русской, подаваячи вамъ долонь къ соединенію, чтобы все Русины были однимъ сильнымъ, въ спольномъ сообщенію щасливымъ народомъ“. *Огоновскій, Петер. II*, 29. Петиція угорскихъ Русскихъ 13 окт. 1849 г. (*Bidermann, Die ungarischen Ruthenen, II*, 118) была повидимому, отголоскомъ этого обращенія „Рады“. Но на опасность ея объединительныхъ стремленій Голуховскій сейчасъ же обратилъ вниманіе правительства. Впрочемъ объ угорорусской петиціи ср. *Bidermann, Russische Umtriebe in Ungarn*, пр. 88.

Въ чемъ заключались переговоры Голуховскаго съ Куземскимъ и другими представителями „Рады“, остается неизвѣстнымъ. Целовольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что именно въ это время Голуховскій чрезвычайно энергично поддерживалъ хлопоты Галичанъ о предоставленіи „рутенскому народу“ разрушеннаго 2 ноября университетскаго зданія. Здѣсь предположено было построить 2-ую городскую церковь и „Народный Домъ“. Можно предположить, что за этотъ даръ Галичане согласились не причинять въ данную минуту „затрудненій“ властямъ, положившись, конечно, на увѣренія въ ихъ расположеніи и благодарности¹⁾. Стадіонъ, надо полагать, былъ заранее увѣренъ въ „рутенской“ покладливости, и въ то самое время, когда Галичане еще обсуждали проектъ указанной выше петиціи 29 марта, онъ уже велъ переговоры со Смолькой, съ цѣлью привлечь его на свою сторону и воспользоваться его содѣйствіемъ въ установленіи административныхъ реформъ въ Галиціи²⁾. Въ то же время онъ сообщилъ проектъ новаго ея устройства³⁾ Голуховскому.

Отвѣтъ Голуховскаго министерству (9 мая 1849 г.) представляетъ документъ весьма важнаго историческаго значенія. Правительственный проектъ, въ общемъ довольно благопріят-

¹⁾ „Jak opiewaly poufne konferencje hr. Góluhowskiego z ks. Kuziemskim i z innymi matadorami Rady ruskiej, mówiąc po złymu powody Łowicki (146), dla usmierzenia agitacyi wszczętej w sprawie dla hr. Stadyona niewygodnej a dla kraju wprost zgubnej, o tem oczywiście niema śladu w aktach. Domyśleć się jednak można, że hr. Góluhowski wytyczył przytem cały wpływ swój w tych sferach i że, jakto sytuacya uczynić nakazywała, postępował przy tem ostrożnie, unikał tonu groźnego, nawet stanowczego, a natomiast nie zaniedbał żadnego środka dyplomatycznego, który wiódł do celu“.

²⁾ Widmann, 765.

³⁾ По этому проекту, представительство Галиціи должно было дѣлиться на двѣ сеймовыхъ куріи, соответственно установленнымъ уже двумя губерніямъ округамъ. Каждая курія должна была состоять изъ 140 депутатовъ: 20 отъ городовъ, 30 отъ крупныхъ земельныхъ владѣній и 90 отъ сельскихъ общинъ.

ной для галицкой Руси, онъ подвергъ обещанію не только съ точки зрѣнія условій данной минуты, но обращать вниманіе на возможные послѣдствія въ будущемъ. Раздѣленіе ея-ма на двѣ куріи, повлекло бы за собой, говоритъ Голуховскій, фактическое раздѣленіе края на двѣ области — польскую и русскую, а это не могло бы не отразиться въ будущемъ на политическихъ отношеніяхъ русской части края. Правда, русская народность обнаружила во время послѣднихъ замѣнательствъ привязанность и вѣрность царствующему дому и имперіи. Эти чувства поддерживало въ населеніи русское духовенство, составляющее теперь единственный интеллигентный классъ русской народности, очевидно, въ томъ расчетѣ, что, съ раздѣленіемъ края, оно выбыетъ наконецъ изъ того приниженаго положенія, какое оно занимаетъ до сихъ поръ по сравненію съ духовенствомъ латинскимъ. Духовенство при этомъ руководило народомъ и опиралось на него. „Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія просвѣщенія, вліяніе духовенства должно будетъ уступить другимъ политическимъ вліяніямъ, направленнымъ или къ соединенію съ польской народностью, или, что еще болѣе вѣроятно, къ сближенію съ родственными народами подъ русскимъ скинотромъ. Въ томъ и другомъ случаѣ русская часть края станетъ ареной политическихъ прожектовъ, которые, въ виду стремленій къ объединенію всего племени въ одно русское государство, будутъ угрожать мирнымъ отношеніямъ къ сосѣднему государству или даже сохраненію за имперіей этой части края“. Изъ представленнаго „Р. Радой“ на высочайшее имя прошенія, объ объединеніи съ Галиціей комитатовъ сѣверной Венгріи, къ чему присоединены и заявленія тамошней Руси, правительство можетъ убѣдиться, что высказанный выше взглядъ не лишенъ основаній. Пока еще нѣтъ данныхъ подвергать сомнѣнію вѣрность нынѣшняго поколѣнія русскихъ. Однако приведенный выше актъ доказываетъ пробужденіе стремленій къ объединенію съ родственнымъ населеніемъ, „и если бы упомянутое прошеніе было удовлетворено, и Русь открыла бы въ своемъ народномъ развитіи, то несомнѣнно, если не теперь-

нее, то будущее поколѣніе обратилось бы къ соседнимъ народностямъ Россіи для образованія цѣльнаго могущественнаго государственнаго организма. Тогда русская часть края, по мѣрѣ усѣховъ просвѣщенія и матеріальной культуры, стала бы очагомъ просековъ и стремленій съ цѣлью ослабить вліяніе духовенства и достигнуть указаннаго объединенія. Однимъ словомъ, изъ за Руси возникла бы такая же борьба, какая уже давно, съ перерывами, но съ желѣзной выдержкой, продолжается изъ за возстановленія свободной и самостоятельной Польши“¹⁾.

Эти соображенія Голуховскаго развѣляли вѣнскія мечты о „Рутеніи“. Они не могли не обратить на себя вниманія австрійскихъ государственныхъ дѣятелей. Это была не канцелярская отписка, а выраженіе принципиальныхъ взглядовъ и соображеній государственнаго значенія, и нельзя не сказать, что взглядъ Голуховскаго на Русь былъ проще, реальнѣе, болѣе соответствовалъ историческимъ возможностямъ, чѣмъ взглядъ Стадіона; выраженный въ указанной вышѣ (стр. 106) статьѣ „Австрійскаго Лойда“. Было совершенно естественно думать, что „окрѣпшія въ своемъ народномъ развитіи“ части разрозненнаго цѣлаго почувствуютъ потребность единенія и окончательно потеряютъ всякую охоту давить въ угоду вѣнскимъ политикамъ какую-то фантастическую „змѣю“.

Въ тоже время Голуховскій старался парализовать всякія ходатайства, заявленія и жалобы „Р. Рады“ и ея отдѣленій. Галичане подавали ихъ bona fide въ Вѣну, не подозревая, что они совершали обратное путешествіе къ Голуховскому, который не упускалъ ни одного случая, чтобы не дискредитировать русскихъ въ глазахъ правительства. II, надо отдать справедливость, онъ дѣлалъ это чрезвычайно ловко.

Такъ, по поводу желанія Жолковскоі Рады, чтобы по дѣламъ греко-уніатскаго обряда были установлены въ правительственныхъ учрежденіяхъ особенные докладчики изъ священ-

¹⁾ Łoziński, к. в. 148 сл.

никовъ, Голуховскій замѣтилъ, что Жолковская Рада, какъ и другія русскія Рады, возникла въ бурный 48-й годъ. „Такъ какъ онѣ не имѣютъ устава, точно опредѣляющаго кругъ ихъ дѣятельности и въ тоже время желаютъ постоянно что-то об-суждать, даже при теперешнемъ мирномъ состояннн края, то нѣкоторыя изъ нихъ, подъ видомъ охраны народныхъ интере-совъ, касаются самыхъ различныхъ предметовъ (уничтоже-ннѣ патроната, опредѣленнѣ вознагражденнѣ рабочихъ въ имѣ-нняхъ, жалобы общинъ на мандаторовъ и т. п.). Въ виду это-го Голуховскій предлагать совершенно закрыть „Рады“—этотъ „зловредный остатокъ бурнаго 48-го года“ и постоянно повто-рять это предложеннѣ почти каждый мѣсяцъ¹⁾. Замѣчательно, что все это случилось какъ разъ въ то время, когда галиц-кая Русь оказывала австрійскому государству и династнн ве-личайшую услугу, совершенно парализовавъ возможность поль-скаго возстаннѣ въ Галицин. Не менѣе характерно и то, что именно обстоятельства, связанныя съ переходомъ черезъ Га-личину русскихъ войскъ, сплывшихъ „спасать“ Австрню, по-дали Голуховскому давно желанный поводъ къ рѣшительному нападеннѣ на дѣятельность „Р. Рады“.

Въ Галицин были сосредоточены склады провнантескихъ запасовъ для русской армнн²⁾. Ихъ заготовка въ надлежащемъ количествѣ составляла нелегкую задачу галицкой администра-цин. Дѣло осложнилось тѣмъ, что освобожденное недавно отъ крѣпостной зависнмости населеннѣ не хотѣло даже за деньги работать у польскихъ помѣщиковъ. Голуховскій обратился къ населеннѣ съ очень рѣшительнымъ циркулярнымъ заявленнѣмъ, угрожая принудительными мѣрами, въ случаѣ отказа работать у помѣщиковъ. Едва-ли нужно объяснять, какъ было истолко-

¹⁾ Тамъ-же, 157.

²⁾ Уже 3 мая, ст. ст., при торжественномъ празднованнѣ годов-щины освобожденнѣ крестьянъ во Львовѣ, присутствовало два рус-скихъ генерала и нѣсколько офицеровъ. *Огоновскій*, II. 34. Первые рус-скнѣ отряды прибыли во Львовъ 14 мая; возвращались назадъ во вто-рой половннѣ сентября. *Schnitz-Łepłowski*. *Z przeszłości Galicyi*, 594.

вано помещиками это циркулярное предписание. Въ связи съ издавшими немного раньше разъясненіями по сервитутнымъ дѣламъ, циркуляръ вызвалъ среди крестьянъ толки о возстановленіи панщины. „Головная Рада“ была завалена жалобами и просьбами о заступничествѣ. При такихъ условіяхъ она не сочла возможнымъ обратиться къ населенію съ приготовленнымъ ею воззваніемъ — оказать всяческое содѣйствіе въ поставкѣ провіанта для русскихъ войскъ. Это и подало Голуховскому давно желанный поводъ обвинить „Раду“ чуть ли не въ государственной измѣнѣ¹⁾.

Положеніе „Рады“ оказалось невозможнымъ. Она не бы-

¹⁾ Вотъ что между прочимъ писалъ по этому поводу Голуховскій Баху 29 іюля 1849 года. „Р. Рада“ стремится занять такое положеніе, чтобы власти не предпринимали ничего безъ предварительныхъ съ нею сношеній. Объ указанномъ циркулярѣ я изрочно не сообщалъ „Радѣ“, такъ какъ я желалъ сохранить за правительствомъ независимость дѣйствій; я не могу считать „Раду“ институціей. Она повторяетъ ошибку польской „Рады народной“, желая подчинить себѣ правительство и, пожалуй, сдѣлать его лишнимъ. Въ этомъ направленіи она дѣйствуетъ послѣдовательно, завѣряя въ своей величайшей лояльности и вѣрности. Показаній противъ этого до сихъ поръ дѣйствительно не имѣется; но не можетъ быть сомнѣній въ стремленіи „Рады“ пріобрѣсти вліятельное положеніе, а отсюда могутъ возникнуть затрудненія для правительства, особенно въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ отказъ въ раздѣленіи края и образованіи самостоятельнаго русскаго округа, къ чему направлены все усилія „Рады“. Между „Русскими“ есть не мало такихъ, которые не раздѣляютъ взглядовъ „Р. Рады“ и скорѣе склонятся на польскую сторону. Ихъ содѣйствіемъ пользуется прежняя польская Рада народова для возбужденія въ „Р. Радѣ“ недоразумѣній, особенно въ отношеніяхъ къ правительству; такъ какъ польская Рада никогда не забудетъ того, что была упрямлена правительствомъ за свои народныя стремленія. Такия отношенія могутъ вызвать очень неблагоприятныя послѣдствія, въ виду чего предложенный „Р. Радой“ непрерывъ засѣданій, какъ выраженіе ея недовольства, по случаю изданія указаннаго циркуляра безъ ея вѣдома, представляетъ фактъ не только желательный, но даже это могло бы послужить поводомъ къ ея закрытію, а во крайней мѣрѣ, преобразованію, согласно съ уставами обь обществѣхъ. *Łożyski*, к. в. 155.

да закрыта сейчас, какъ предлагалъ Голуховскій, но дни ея были уже сочтены, и ей уже нельзя было выступать, какъ прежде, въ качествѣ представительницы и защитницы интересовъ галицко-русскаго народа.

Съ пребываніемъ русскихъ войскъ въ Галичинѣ связанъ еще другой, не менѣе характерный эпизодъ, содѣйствовавшій окончательному упроченію власти Голуховскаго — его побѣда надъ Гаммерштейномъ.

Еще въ началѣ Іюня 49-го года Гаммерштейнъ получилъ отъ Баха предписаніе обострить существующее въ краѣ военное положеніе, чтобы такъ обр. совершенно парализовать „партію переворота“, какъ въ лицѣ эмигрантовъ изъ русской Польши нашедшихъ убѣжище въ Галичинѣ, также и въ лицѣ мадярскихъ эмиссаровъ. Можно полагать, что Гаммерштейнъ обнаружилъ при этомъ чрезмѣрное усердіе и не всегда сносился съ представителемъ административной власти. 17 Іюня 1849 г. въ послѣднюю свою аудіенцію у Императора Николая (въ Жмигродѣ), Голуховскій узналъ отъ него, что Гаммерштейнъ получилъ самыя широкія полномочія для очищенія края отъ „безпокойныхъ элементовъ“. Неблагодарное отношеніе Императора къ начальнику галицкой администраціи, повидимому, еще болѣе усилило неблагопріятное впечатлѣніе, какое производило на Голуховскаго русское хозяйничанье въ Галичинѣ, напомнившее ему эпоху польскихъ раздѣловъ.

По возвращеніи въ Львовъ, Голуховскій получилъ свѣдѣнія о произведенныхъ здѣсь безъ его вѣдома арестахъ и между прочимъ, объ арестѣ графа Іосифа Залускаго. Чувство личнаго достоинства, очевидно, задѣтое въ царской аудіенціи, соединилось, по словамъ Лозинскаго, съ сознаніемъ, что положеніе дѣлъ въ данномъ случаѣ угрожаетъ нравственнымъ интересамъ края, авторитету мѣстной власти, и достоинству государства. Настала минута, когда политическій смыслъ и государственныя умъ наказывали Голуховскаго выступить со всею рѣшительностью противъ военной диктатуры Гаммерштейна, чтобы или спасти свою власть, или пасть съ честью*.

22-го Іюня, Голуховскій написалъ Ваху письмо, въ которомъ рѣшительно протестовалъ противъ произвольныхъ дѣйствій военныхъ властей по отношенію къ польскимъ выходцамъ. „Хотя въ данномъ положеніи дѣлъ, писалъ Голуховскій, приходится оказывать русскому правительству такія уступки, какія, при другихъ условіяхъ, были бы невозможны, тѣмъ не менѣе, неисполненіе австрійскимъ правительствомъ постановленій относительно всѣхъ польскихъ выходцевъ, можетъ нанести прямой ущербъ его чести и достоинству (*Redlichkeit und Würde*), которыми оно украшалось всегда и при всякихъ обстоятельствахъ”¹⁾.

Инцидентъ съ Залускимъ произвелъ большое впечатлѣніе при дворѣ. Въ дѣло вмѣшалась австрійская дипломатія, и Залускій былъ возвращенъ въ Галицію. Голуховскому, такимъ образомъ, удалось посрамить своимъ австрійскимъ патріотизмомъ даже австрійскаго министра и австрійскаго командующаго войсками. Съ этого времени онъ сталъ пользоваться полнымъ довѣріемъ Императора. Гаммерштейнъ сходилъ со сцены, а Голуховскій становился намѣстникомъ, тайнымъ совѣтникомъ и полновластнымъ хозяиномъ Галиціи на цѣлыхъ десять лѣтъ (до 1859 года).

Этотъ періодъ 10-лѣтняго намѣстничества Голуховскаго Галичане называютъ *голуховщиною* или—точнѣе—*первою голуховщиною*, въ отличіе отъ повторныхъ его намѣстничествъ въ 1866—68 и въ 1871—75 г. И дѣйствительно, за все это время личность намѣстника играетъ въ галицко-русской жизни роль центральнаго пункта не только въ томъ смыслѣ, что всѣ мѣры по отношенію къ Руси исходятъ отъ него, какъ отъ представителя власти, а въ томъ, что всѣ эти мѣры запечатлѣны его индивидуальностью, въ которой ярко воплотилось одно изъ характернѣйшихъ общественныхъ теченій польской

¹⁾ *Łoziński. Ag. hr. Gólurowski, 72 сл.* Четыре дня спустя Голуховскій обратился къ Ваху съ новымъ письмомъ по тому же поводу, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ имъ, которыми польскимъ дѣтелямъ.

мысли и жизни (см. выше стр. 117). Именно это теченіе оказалось наиболѣе соответствующимъ новому австрійскому курсу, старавшемуся поскорѣе похоронить всѣ мечты и надежды 48-го года. Такой характеръ новаго періода по отношенію къ галицкой Руси особенно ярко обнаружился во время посѣщенія новымъ Императоромъ Галиціи осенью 1851 года.

Къ этому времени Голуховскій объѣхалъ восточную Галицію и доложилъ Императору о спокойномъ ея настроеніи: даже русское духовенство прекратило свою агитацію, что-же касается шляхты, то она думаетъ только объ экономическихъ дѣлахъ и въ этомъ отношеніи возлагаетъ надежды на правительство. Русское духовенство оказывалось, такимъ образомъ, въ донесеніи Голуховскаго самымъ опаснымъ, шляхта—самымъ лояльнымъ элементомъ. Очевидно, правительство должно относиться къ этимъ элементамъ соответственно ихъ качествамъ. Это и составляло основной мотивъ тѣхъ наз. „Голуховщинъ“.

По отношенію къ Руси все въ этомъ смыслѣ было подготовлено Голуховскимъ уже къ пріѣзду Императора. „Р. Рада“ уже съ Іюля 1849 года—съ извѣстнаго донесенія Голуховскаго Баху—вышла на волосокъ и не могла принимать никакого участія въ дѣлахъ края, что, въ свою очередь, не могло не отразиться на настроеніи галицко-русскаго представительства. Когда въ 1850 г. въ министерствѣ начались совѣщенія по вопросу объ устройствѣ Галиціи, „Рада“ готовилась было выслать въ Вену депутацію, но въ концѣ концовъ должна была ограничиться нѣсколькими статьями въ вѣнскихъ газетахъ. Въ этихъ статьяхъ слышится уже не то, что слышалось въ прежнихъ заявленіяхъ „Радъ“. Она стала теперь повторять аргументы Конитара и Стадіона¹⁾. Въ августѣ того-

¹⁾ Такъ въ Reichszeitung, № 135, съ особенной силой подчеркивалась „самостоятельность“, т. е. отдѣльность рутенскаго народа отъ „россійскаго“, указывалось на то, что „греко-католическое духовенство въ Австріи лучши образовано, чѣмъ благочестивое россійское“ и даже на то, что соплеменникамъ рутеновъ въ Россіи угрожаетъ „слиянiе съ россійщиной“. Для большей убѣдительности, статья не отри-

же года неутомимый и весьма перобкий по характеру Куземский предлагалъ закрыть „Раду“, мотивируя свое предложенье тѣми безконечными придирками, каковы онѣ стали подвергаться („насъ со всѣхъ сторонъ чѣпаются“) Наконецъ 30 июня 51-го года „Рада“ должна была закрыться и стала только „комиссией“ по дѣламъ „Народнаго Дома“¹⁾.

Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ „шефа края“, отъ всего галицко-русскаго движенія остался только набросокъ плана „Народнаго Дома“.

Въ октябрѣ 1851 года происходила въ высочайшемъ присутствіи торжественная его закладка. „Здѣсь я среди своихъ Рутеновъ“ сказалъ Императоръ, обращаясь къ Галичанамъ. Этими словами закончилась героическая эпопея „тирольцевъ востока“, ставшихъ теперь опаснымъ элементомъ, козни котораго были предотвращены, лишь благодаря патріотической бдительности „шефа края“.

Такъ уничтожена была организація галицко-русскихъ общественныхъ силъ, вызванная къ жизни благотворными вѣяніями „весны народовъ“. Снова пришлось проститься съ надеждами и смиренно возложить уюванія на будущее, когда окажется возможность собраться подъ крышею „Народнаго Дома“, для возобновленія прерванной работы²⁾.

чала наклонности гал.-р. духовенства къ „панславизму“ и Россіи, по утверждала, что эта наклонность будетъ ослабѣвать, по мѣрѣ уселенія въ Австріи отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Подобныя же статьи помѣщены были въ Lloyd, Oesterr. Correspondenz. *Смистуръ*, Ар. Голух. 47.

1) *Огоновскій*, II, 36. Ср. также *О. Терлеукий*. Галицко-русское писменство. Литер.-наук. Вістн. 1903 кн. 6-я, стр. 179 сл.

2) „Когда-жъ не стало „Головной Рады“ что пробудила земляковъ до жити, то галицка Русь попалась зновъ въ духову мертвоту. Тогда-то не було нікого въ галицкой Руси, що хотѣвъ бы (гоміе — могъ бы) поднести хоругви народну високо и поклонити земляковъ до праць на полѣ пресвѣтномъ и суспѣльно экономичномъ“ *Огоновскій*, II, 37. Изъ всѣхъ чаяній и надеждъ не вышло ничтогосиивко. Видѣ другой половины 1850 р. про коломийску читальню, а дали и

Оставшееся вакантнымъ мѣсто „диролцевъ воевода“ Голуховскій готовилъ для того элемента, который, по его донесенію, возлагать на правительство все свои надежды. Ему дѣйствительно удалось достигнуть цѣли, и въ этомъ, собственно, и заключается историческое значеніе того новаго курса галицкой жизни, который обыкновенно обозначается названіемъ Голуховщины.

Мы уже упоминали выше (стр. 117), что въ этомъ новомъ курсѣ Голуховскому удалось объединить вокругъ себя все польское общество. Знакомая намъ дѣятельность „шефа края“ вполне „реабилитировала“ его передъ галицкѣйской шляхтой, которая еще недавно считала его „шварцгелберомъ“ и относилась къ нему съ недовѣріемъ и подозрительностью. Когда этотъ „шварцгелберъ“, фаворитъ ненавистнаго Стадіона, оказалъ громадную услугу польскимъ помещикамъ, возстановивъ ихъ авторитетъ передъ русскими крестьянами, какъ разъ въ то время, когда могло казаться, что Галиціей распоряжаются русскія власти; когда затѣмъ онъ спасъ многихъ польскихъ революціонеровъ и эмигрантовъ отъ русской полиціи, тогда польское общество не могло не оцѣнить его по достоинству. Преж-

про си основника о. Синеводскаго, гине и слухъ; львовска читальня николи не була отворена; то само и тернопольска; завязки-жъ читальень середъ народу усыхають въ корени. *Павлик Читальни*, 51.— Что касается основанія „Нар. Дома“, было бы интересно точнѣе опредѣлить, въ какой мѣрѣ его начало связано съ переговорами Голуховскаго съ Куземскимъ. Публично мысль о „Н. Д.“ высказана была въ день первой годовщины освобожденія крестьянъ свинц. Тренцаковскимъ. Въ пользу этой мысли онъ дѣйствовалъ очень энергично, рассылая посланія ко всѣмъ европейскимъ народамъ, въ томъ числѣ и къ Русскимъ въ Россіи. *Огопоскій*, II, 36. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна степень чекотъ этого послѣдняго обращенія. Интересны судьбы мѣста, на которомъ построенъ „Н. Д.“ Сначала тутъ была знатный дворецъ князя Льва; затѣмъ, въ польское время — монастырь тринитаріевъ. Въ 1784 г. зданіе было подарено университету, который, какъ извѣстно, сыгралъ очень важную роль въ жизни гал.-р. общества. *Головацкій*. О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи *Наук. Сборн.* 1865.

нее недоверіе смѣнилось уваженіемъ и благодарностью, и между Голуховскимъ и польскимъ обществомъ установилась полная солидарность.

Обѣзжая Галицію передъ поѣздомъ Императора, Голуховскій могъ толковать со шляхтой, какъ ея незыблемый и надежный представитель, и шляхта съ полной готовностью предоставила себя его руководительству.

Приготовленъ былъ цѣлый рядъ адресовъ и петицій, вполне согласныхъ со взглядами намѣстника, и все эти адреса и петиціи были поданы не обычнымъ путемъ черезъ министерство, а переданы самому Императору въ формѣ „всенароднѣйшихъ прошеній“ намѣстника съ самыми благопріятными съ его стороны объясненіями.

Во всехъ этихъ заявленіяхъ былъ вполне определенно указанъ новый путь внутренней политики въ Галиціи. Она должна была сформироваться не съ интересами массы населенія, ибо „опытъ послѣднихъ лѣтъ достаточно ясно показалъ, что въ основу политическихъ соображеній нельзя класть численность населенія“, что „опора престола и законнаго порядка“ не въ массахъ, а въ тѣхъ элементахъ, которые составляютъ „ядро“, „преобладающее начало“. Краковская шляхта высказала этотъ принципъ со всею рѣшительностью; шляхта восточной Галиціи говорила пока только о „равноправіи“ народностей.

Въ краковскомъ адресѣ были впервые выражены вполне определенно новые взгляды польскаго общества на Австрію. Въ этомъ и заключается его историческое значеніе. Конечно, эти взгляды опредѣлились подъ вліяніемъ событій 48-го года, но не можетъ быть сомнѣнія, что они были сформулированы Голуховскимъ, какъ не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что именно Голуховскій, а не кто либо другой, соразмѣрилъ тонъ обоихъ адресовъ¹⁾. Въ этомъ отношеніи чувствуется рука дѣй-

¹⁾ Краковскій адресъ былъ подписанъ 63-ми, — адресъ шляхты восточной Галиціи — 68-и видными помѣщиками. Подробности см. *Łoziński. Agenor hr. Gołuchowski*, 522 слл.

ствительнаго мастера, и этотъ фактъ достаточно опредѣляетъ значеніе личности намѣстника.

Излишне объяснять, что программа краковскаго адреса была въ сущности лишь возвращеніемъ къ старымъ порядкамъ, при которыхъ шляхта въ Галицкой Руси была не только классомъ экономически господствующимъ, но „династіей и державой“, совершенно заслонявшей живой, не польскій племенной обликъ земли. Адресы шляхты и доклады Голуховскаго были направлены къ тому, чтобы совершенно затереть память о тѣхъ преданіяхъ австрійской государственной политики, какія установлены были въ Галиціи эпохой Маріи Терезіи и особенно Іосифа II, какъ по отношенію ко всей крестьянской массѣ, такъ и по отношенію къ русской народности. Въ поѣздку Императора по Галиціи долженъ былъ окончательно выясниться вопросъ о томъ, что будетъ положено въ основу внутренней политики Австріи по отношенію къ этой области: интересы массы населенія или интересы шляхетскаго „ядра“, дѣйствительныя потребности жизни или идеалы политической археологии.

Поскольку дѣло касалось Руси, то молчаливая высочайшая апробація того разгрома русскихъ общественныхъ организацій, какой произвелъ „шефъ края“, могла служить вполне опредѣленнымъ указаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій высшей мѣстной власти. Что же касается главнаго предмета заботъ шляхты — вопросовъ экономическихъ, которые какъ извѣстно, имѣли для Галичины не только экономическое, но и національно-политическое значеніе — то пока пришлось ограничиться благосклонностью, съ какою отнесся Императоръ къ адресамъ и петиціямъ шляхты и къ докладамъ Голуховскаго. Съ отъездомъ Императора изъ Галиціи и особенно съ послѣдовавшимъ вскорѣ упрядненіемъ конституціи (31 декабря 1851 года), Голуховскій почувствовалъ себя на свободѣ. „Голуховщина“ утвердилась окончательно, обнаруживъ какъ нельзя болѣе ярко, какія начала общественной жизни въ Галиціи представляли элементъ реакціи и застою.

Такъ разрышилась наконецъ сложная путаница переход-

наго періода галицкой жизни, тинувшаяся съ ноябрьскаго кризиса въ 1848 году. Съ наступленіемъ новаго курса, Голуховскому оставалось лишь постепенно осуществлять программу краковскаго адреса, и онъ дѣйствительно осуществлялъ ее съ замѣчательной послѣдовательностью.

Прежде всего Голуховскій постарался покончить съ кореннымъ вопросомъ галицкой жизни — вопросомъ о раздѣлѣ Галиціи.

Въ сущности этотъ вопросъ былъ убитъ уже представленіемъ Голуховскаго отъ 9 Мая 1849 г. Правда, австрійской бюрократіи трудно было отрѣшиться отъ обычныхъ полумѣръ и ухищреній, да и какъ будто боязно было сразу передать Галичину вполнѣ въ руки Голуховскаго ¹⁾. Оттого извѣстный проектъ Стадіона (стр. 125) подвергался еще разнымъ перелѣлкамъ. Желали разбить громадную область на части меньшаго объема ²⁾; но въ тоже время приходилось считаться не только съ противодействіемъ намѣстника, не только съ общностью законодательства и экономическихъ условій, но главное — съ возможностью указанныхъ Голуховскимъ политическихъ осложненій. Вотъ почему оба округа — краковскій и львовскій — оставались подъ властью одного намѣстника, и въ концѣ концовъ все дѣло свелось къ выдѣленію Буковины, гдѣ, согласно обычной австрійской политикѣ, русскому элементу противопоставленъ былъ волошскій ³⁾.

¹⁾ Въ половинѣ 49-го г. былъ основанъ „Галичо-рускій Вѣстникъ“. Это правительственное изданіе было перенесено въ Вѣну (въ февралѣ 1850 г.), гдѣ было переименовано въ „Вѣстникъ, временное писъмо, посвященное политическому и правѣтвенному образованію Русинновъ австрійской державы“ (Павликъ, Читальни, 39.), надо думать съ цѣлью оставить за Вѣной хоть нѣкоторое вліяніе на дѣла галицкой Руси.

²⁾ Въ 50-мъ г. предполагали образовати три округа: краковскій, львовскій и станиславовскій *Łoziński*, 110, *Свѣтъ*, Ар. Голух. 52.

³⁾ Отдѣльность краковскаго округа Голуховскій унѣтговилъ сѣйчасъ-же, какъ только сталъ министромъ. Буковина, выдѣленная, въ

Очень сложную исторію представляет вопросъ о русскомъ преподаваніи, языкъ и наконецъ азбукъ.

Вопросъ о русскомъ преподаваніи обсуждался, какъ извѣстно, очень живо въ теченіе 1849 г. какъ въ парламентскихъ и правительственныхъ кружкахъ, такъ и въ обществѣ. Когда рѣшено было „временно“ завести нѣмецкое преподаваніе, львовская администрація напоминала русскимъ консенаторіямъ о необходимости озаботиться приготовленіемъ русскихъ учителей и учебниковъ для будущихъ русскихъ преподавателей; польскіе депутаты вносили въ парламентъ интерпелляціи, а русская Рада обращалась въ министерство съ записками въ защиту правъ русскаго языка. Въ то-же время, латинскіи консенаторіи указывали въ петиціяхъ къ Императору на опасность, угрожающую отъ русскаго языка латинскому обряду, а въ польскомъ обществѣ указывали на Яхимовича, какъ на главное орудіе „московской пропаганды“. Наконецъ созвана была въ Вѣнѣ комиссія для обсужденія новаго плана гимназическихъ реформъ и окончательнаго выясненія и рѣшенія вопроса о русскомъ языкѣ¹⁾. „Р. Рада“ хлопотала при этомъ объ установленіи для Галичины отдѣльной школьной комиссіи. Голуховскій, однако, не дожидаясь министерскихъ распоряженій, рѣшилъ приступить къ дѣйствіямъ и устроить общую комиссію изъ подходящихъ лицъ. Въ числѣ этихъ лицъ встрѣчаемъ Евсевія Черкавскаго, ставшаго вѣкорѣ главнымъ орудіемъ Голуховскаго въ вопросахъ, относящихся къ русскому языку.

Хотя предполагаемая Голуховскимъ комиссія не была утверждена министерствомъ, тѣмъ не менѣе Голуховскій добился

1849 г., была организована, какъ отдѣльная область только въ 1854 г. О положеніи буковинской Руси см. *Смалъ-Стопкій* Буковинська Русь. Черновци 1897 и *Sylv. Daszkiewicz*. Die Lage der gr-orient. Ruthenen in der bukoviner Erzdiöcese. Czern. 1891.

¹⁾ Въ комиссіи участвовали главный составитель новыхъ гимназическихъ программъ Беницъ, Шафарикъ, а изъ Галичанъ — Куземскій, Шашкевичъ, Головацкій. *Свистунг*, Аг. Голуховскій 79.

уже въ Мав 1850 г. назначенія Черкавскаго „провизоризмъ“ инспекторомъ гимназій, послѣ чего онъ усиленно торошилъ его и его товарища составленіемъ отчетовъ, съ приложеніемъ собственныхъ наблюденій, и писавъ приготовить все это къ концу Августа и со всеѣмъ этимъ матеріаломъ явиться въ Вѣну. Задача всей этой ускоренной дѣятельности заключалась въ томъ, чтобы сохранить изъ предписанія Залескаго (см. выше 119) все, что только можно было сохранить, по крайней мѣрѣ въ западной Галиціи.

Но прибытіи въ Вѣну Черкавскій убѣдился, что въ общемъ угодилъ своему начальнику. Голуховскій даже выразилъ сожалѣніе, что въ проектѣ не указана необходимость заведенія одной польской гимназіи во Львовѣ. Въ виду этого въ министерскомъ совѣщаніи Черкавскій проводилъ мысли, внушенныя Голуховскимъ и соотвѣтственно этому „расширилъ первоначальныя предположенія относительно польскаго преподаванія въ западной Галиціи“. Противъ ожиданія и къ немалому удивленію Черкавскаго, Голуховскій не поддерживалъ его въ засѣданіи, вѣдѣтіе чего министръ упрекнулъ Черкавскаго въ нелогичности и въ концѣ концовъ достигнуто было менѣе, чѣмъ можно было надѣяться¹⁾.

Вотъ почему Голуховскій озаботился, чтобы въ адресахъ и петиціяхъ, заготовленныхъ къ приѣзду Императора, былъ затронутъ вопросъ о русскомъ преподаваніи и отмѣчено его несоотвѣтствіе педагогическимъ соображеніямъ. Пунктъ этотъ,

¹⁾ Подробности у Ломинскаго, к. в. стр. 162 сл., заимствованы изъ неизданныхъ записокъ самого Черкавскаго. 4 Сент. 1850 г. Голуховскій представилъ министру просвѣщенія гр. Туру собственноручную записку, въ которой указывалъ, что въ восточной Галиціи живетъ свыше 800 т. поляковъ и что въ виду этого было бы несправедливо игнорировать ихъ потребности. Во Львовѣ Голуховскій насчиталъ всего 6000 Русскихъ. Основная мысль записки таже, что и въ адресахъ петицъ восточной Галиціи. „Widocznie więc (замѣчаетъ по этому поводу Ломинскій стр. 166) hr. Goluchowski położył nacisk większy, bezwarunkowo największy, na zatrzymanie jakich takich warunków, czy śladów polskości w urządzeniu szkół wschodnio-galicyskich“.

по замѣчанію Лозинскаго (стр. 270), быть внесенъ по внушенію или даже прямо по наказу Голуховскаго. Велѣдь затѣмъ Голуховскій представилъ Императору (27 Дек. 1851 г.) записку, въ которой не только рѣшительно выступилъ противъ преподаванія въ гимназіяхъ на галицко русскомъ языкѣ, но даже выразилъ сомнѣніе въ возможности подобнаго преподаванія когда либо въ будущемъ. Общеизвѣстно, говоритъ Голуховскій въ этой запискѣ, что польскій языкъ прекрасно разработанъ и имѣетъ богатую литературу. Этимъ языкомъ пользуется и образованный кругъ русскаго общества, состоящій преимущественно изъ священниковъ. Поэтому для успешнаго изученія языковъ въ западной Галиціи необходимо положить въ основу польскій языкъ. Что же касается русскаго населенія, то „обиходный русскій языкъ до такой степени переполненъ польскими выраженіями, лишь нѣсколько измѣненными, что незнакомые съ отношеніями могутъ считать его нарѣчіемъ польскаго языка. Въ письменномъ русскомъ языкѣ употребляются или такія-же выраженія, или создаются новыя слова, непонятныя для непосвященныхъ, или наконецъ присваиваются выраженія „россійскія“. Оттого во многихъ сельскихъ общинахъ русскій текстъ законовъ понимается труднѣе, чѣмъ польскій, и многія изъ нихъ выразили желаніе получать польскій текстъ“. Исслѣдованій о русскомъ языкѣ нѣтъ, литературы оцъ не имѣтъ, и пройдетъ еще много времени, пока его можно будетъ положить въ основу изученія языка. „Но даже тогда, когда это станетъ возможно, потребуется внимательно извѣстныя обстоятельства прежде, чѣмъ вводить его, въ качестве языка преподаванія. Пробужденная пылкость молодежи уже не успокоится, и не найдя удовлетворенія въ собственной литературѣ, обратится къ иной славянской литературѣ. Ищущаго знаній привлечетъ въ такомъ случаѣ родственная сосѣдняя „россійская“ литература, если этому въ исключительныхъ случаяхъ не помѣшаетъ личное влеченіе къ польской литературѣ. Нельзя отрицать, что въ такомъ случаѣ стали бы возможны и нашли бы себѣ поддержку взгляды и настроенія, не отвѣчающія интересамъ государства

и католической церкви. Это и заставляло сомневаться, можно ли вообще когда либо ввести въ гимназіяхъ галицко-русскій языкъ, въ качествѣ языка преподаванія¹. Наоборотъ, желательно оставить таковымъ языкъ нѣмецкій, обезпечивъ мѣстному русскому языку необходимую для него возможность развитія. Въ такомъ случаѣ обученіе русскому языку могло бы быть необязательнымъ, и каждый ученикъ обучался бы, согласно желанію родителей, одному изъ мѣстныхъ языковъ²).

Эта записка была подана Голуховскимъ 27 Декабря, 1851, а 31-го того же Декабря была окончательно упразднена конституція. Голуховскій остался полновластнымъ хозяиномъ Галиціи и могъ спокойно проводить въ жизнь все, что намѣчено было какъ въ обѣихъ его официальныхъ запискахъ, такъ и въ адресахъ польской шляхты. Мы уже знаемъ, что все это должно было вести къ образованію новыхъ „тирольцевъ востока“, болѣе надежныхъ, чѣмъ прежніе и къ окончательному утвержденію въ Галиціи того польскаго облика, который въ 48-мъ году оказался въ сущности лишь видимостью. Къ этой цѣли и направлена была вся дѣятельность Голуховскаго съ самаго начала, причемъ, какъ мы видѣли, онъ обнаруживаетъ не только необыкновенную изворотливость, энергію и настойчивость, но и такое патріотическое мужество, какого трудно было ожидать отъ воспитанника чиновничьей австрійской канцеляріи.

Мы уже видѣли, какимъ образомъ Голуховскому удалось сдѣлать Русь безгласной. Оставалось соблюдать формальныя приличія передъ центральной властью, что, конечно, было не трудно, особенно при томъ полномъ довѣріи, какимъ пользовался Голуховскій при вѣнскомъ дворѣ³).

¹) *Łoziński*, в. в. 271.

²) Какой тактики держался Голуховскій въ вѣнскихъ министерствахъ, объ этомъ было упомянуто выше по поводу школьныхъ дѣлъ. Въ другихъ случаяхъ практиковался обычный бюрократическій приемъ — класть подъ сукно. Такъ поступилъ Голуховскій съ ходатайствомъ Галичанъ (1850 г.) о разрѣшеніи обществъ „галицко-русской Матицы“. Уставъ этого общества былъ утвержденъ лишь 23 Авг. 1861, т. е. уже при Шмерлингѣ.

Вотъ почему Императорскій указъ (9 Дек. 1854 г.) допускавшій въ младшихъ классахъ гимназій мѣстный народный языкъ, галицкія власти склонны были толковать исключительно въ пользу польскаго языка ¹⁾, и Черкавскій пробовалъ было устранивать совмѣстное обученіе русскому и польскому языкамъ, для наглядной иллюстраціи той основной мысли Голуховскаго, что галицко-русскій языкъ есть лишь діалектъ польскаго языка ²⁾.

Одновременно съ дѣйствіями Голуховскаго въ Вѣнѣ, выступилъ въ Римѣ противъ Галичанъ львовскій католическій архіепископъ Баранецкій ³⁾.

Въ осуществленіи мѣръ, намѣченныхъ Голуховскимъ для обезпеченія надлежащаго, по его взгляду, развитія русскаго

¹⁾ Вотъ какъ мотивируетъ такое толкованіе извѣстный помощникъ Голуховскаго, Евсѣвій Черкавскій: „несомнѣнно, это былъ единственный языкъ въ краѣ весьма доступный и распространенный, по крайней мѣрѣ, въ образованныхъ слояхъ населенія и притомъ достаточно выработанный для научнаго изложенія. Этого нельзя было сказать столь же рѣшительно о другомъ языкѣ края—русскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ ни такъ распространенъ, какъ польскій, ни общепонятенъ, вслѣдствіе стремленія сблизить „русскую“ письменность съ „россійскою“... См. *Лозинскій* 173 — выдержка изъ записокъ Черкавскаго.

²⁾ *Свистунъ*. Ар. Голуховскій 87. Многіе учителя однако отказывались отъ такой системы обученія.

³⁾ Вотъ что писалъ митрополиту Левицкому кардиналъ Франconi: „domino nostro Pio p.p. IX. relatum est, non paucos isthic e ruthenis sacerdotibus græco catholicis eosque canonicos et parochos rurales sub nationalitatis specie latinis adversari, plebemque hisce ultimis subjectam sub quibusdam pretextibus ad græcum ab illis pertrahi ritum... Præterea narrantur græci sacerdotes... in publicis scholis, ubi sacerdotes latini abas catechesim docuerunt, græcos adolescentes licet invitos a latinis separare atque eo sermone illos instruere, qui ab edocendis fere omnino ignoratur, etsi ea sit lingua ruthena, quam plebs quidem infima loquitur, sacerdotes vero, cum hucusque polona lingua usi sunt minime sciunt“... Die ruth. Sprach-u Schriftfrage стр. 50. Какъ дружно съ Баранецкимъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ Голуховскій см. у *Лозинскаго*, 167.

языка въ Галичинѣ весьма существенной помѣхой оказался представитель каедры русскаго языка въ университетѣ — Головацкій.

Въ его лицѣ совмѣщались для Галичины все лучшія воспоминанія недавняго прошлаго; начиная съ „русской тронны“. Свои взгляды на русскій языкъ Головацкій, повѣстно, не считалъ нужнымъ сообразовать съ взглядами намѣстнической канцеляріи, имѣя полное основаніе сомнѣваться въ ея компетентности въ этомъ вопросѣ, и какъ только это вышло, Головацкій сейчасъ же былъ заподозрѣнъ въ томъ, что онъ вводитъ въ мѣстный языкъ общерусскія слова и обороты. Голуховскій усмотрѣлъ въ этомъ большую опасность для государства, и немедленно въ намѣстническую канцелярію стали поступать донесенія, будто галицкіе священники во многихъ мѣстахъ употребляютъ новыя выраженія „совершенно непонятныя для народа“. Въ то же самое время Евсеій Черкавскій, при посѣщеніи галицкихъ гимназій замѣтилъ въ рѣчи школьной молодежи „явные слѣды руссофильства“. Все это поставлено было на счетъ Головацкому и обо всемъ этомъ Голуховскій сообщилъ министру просвѣщенія гр. Туну, который призналъ подобныя явленія вредными для интересовъ государства. Тогда Голуховскій сдѣлалъ Головацкому замѣчаніе. Оно, однако, не подействовало, и Голуховскій представилъ министру о необходимости рѣшительныхъ дѣйствій; такъ какъ можно опасаться, что „воспитывая въ своихъ взглядахъ молодежь, въ частности будущихъ учителей, Головацкій окажетъ пагубное вліяніе на все гимназіи восточной Галиціи“. Министръ опять согласился съ взглядомъ Голуховскаго, замѣтивъ при этомъ, что задача русской каедры въ львовскомъ университетѣ заключается въ томъ, чтобы „развить мѣстное народное нарѣчіе до степени письменнаго языка“. — Тогда Голуховскій потребовалъ отъ Головацкаго формальнаго оправданія, затѣмъ представленія лекціонныхъ записокъ, поручивъ Черкавскому ихъ разсмотрѣніе. Вместе съ тѣмъ Черкавскій долженъ былъ раскрыть и всякія другія опасности, какими угрожало госу-

дарству замѣченное въ развитіи русскаго языка въ Галичинѣ направленіе ¹⁾).

Черезъ мѣсяць Черкавскій представилъ „неопровержимыя“ (по замѣчанію Лозинскаго) доказательства, что внесеніе въ галицкую рѣчь выраженій и оборотовъ, заимствуемыхъ изъ церковно-славянскаго языка, къ которому прибѣгаютъ галицко-русскіе священники, ведетъ постепенно, но неизбежно къ полной ассимиляціи этой рѣчи съ „русскимъ языкомъ“, къ чему явно стремятся галицко-русскія изданія („Зоря галицкая“ и „Семейная бібліотека“), а особенно Головацкій. Все это Голуховскій немедленно сообщилъ министру (12 Марта 1858), представивъ при этомъ о необходимости: 1) закрыть кафедру русскаго языка въ университетѣ, до пріисканія болѣе подходящаго, чѣмъ Головацкій, кандидата, 2) до надлежащаго развитія русскаго языка прекратить его преподаваніе въ низшихъ классахъ гимназій; 3) ввести въ русскій языкъ латинскій алфавитъ и 4) принять разныя мѣры къ ослабленію въ Галичинѣ „панславизма“ ²⁾).

Указавъ министру явные признаки организованной дѣятельности энтоповъ „русской рады“ „*pour l'Empereur de Russie*“, Голуховскій въ заключеніе заявляетъ, что „среди славянскихъ народовъ Поляки представляютъ единственный элементъ, способный противодѣйствовать панславизму“ и что въ виду этого только они и могутъ быть надлежащей—опорой государства“ ³⁾.

¹⁾ Голуховскій предписалъ Черкавскому обратить особенное вниманіе на дѣятельность русскихъ законоучителей. Łoziński, 181. Какъ исполнилъ Черкавскій это предписаніе см. Die ruth. Spr.-u. Schriftfrage 54.

²⁾ Въ числѣ этихъ мѣръ предлагалось упразднить юліанскій календарь; такъ какъ онъ вносилъ въ населеніе края раздѣленіе и связывалъ „галицкихъ панславистовъ“ съ Россіей.

³⁾ Эту мысль Голуховскій внушалъ вѣнекому правительству съ особеннымъ усердіемъ, пользуясь при этомъ обстоятельствами, связанными съ крымскою войною. Повсюду въ Галичинѣ разыскивались признаки тиготѣи въ Россіи, и, конечно, ихъ найдено было множество.

Въ Вѣнѣ признали справедливость основныхъ взглядовъ Голуховскаго, но въ то же время почувствовали, что онъ ужь черезъ чуръ расправилъ крылья, и министръ Тунъ счелъ необходимымъ нѣсколько остудить его горячность. Онъ рекомендовалъ Голуховскому осторожность въ дѣйствіяхъ, въ виду связи галицко-русскихъ дѣлъ съ обрядомъ, прибавивъ, что австрійское правительство не желало бы „повторять польскіи ошибки въ отношеніи къ уніатамъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ министерство отклонило предложеніе Голуховскаго объ уничтоженіи преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ и что бы показать Галичанамъ, что въ Вѣнѣ несовсѣмъ забыли объ ихъ существованіи вѣнскій офиціозный „Вѣстникъ“ признавъ былъ оффиціальнымъ изданіемъ¹⁾. Въ то же время, однако, министерство согласилось съ намѣстникомъ на счетъ опасностей, угрожающихъ русскому языку въ Галичинѣ и сдѣлало Головацкому рѣшительное внушеніе; обратилось къ галицкимъ епископамъ съ приглашеніемъ противодействовать употребленію духовенствомъ церковно-славянскихъ словъ, какъ въ проповѣдяхъ, такъ и въ сношеніяхъ съ народомъ²⁾.

Въ этомъ смелѣ и должны были издать посланія къ духовенству оба епископа—львовскій Литвиновичъ и перемышль-

Оказалось, что многіе священники служили молебны о побѣдѣ Русскихъ; поблагонадежною оказалась даже перемышльская конексторія. Что-то въ родѣ политическаго заговора было открыто среди учениковъ ставропольской бурсы во Львовѣ и гимназистовъ самборскихъ и тернопольскихъ. Галицкая Русь въ европ. политикѣ, 80. *Ogłoszenie*, Пегорин III, 812 пр. 1. *Schnür-Popłowski*. Z przeszłości, 602, указываетъ на какой-то „Spisek dzieci“. Все это, конечно, не могло не производить впечатлѣнія. Донесеніями Голуховскаго слѣдуетъ вѣрнѣе обвинять министерское предписаніе 21 Іюля 1856, по которому была признана неестественность обязательности русскаго языка въ гимназіяхъ, и обученіе ему поставлено было въ зависимость отъ желаній родителей. Въ виду паники, навѣянной Голуховскимъ, желающихъ оказалось немного. Паника овладѣла и гимназистами. *Житие и Сл.* III, 467.

¹⁾ Объ этомъ „Вѣстникъ“ см. *Самострунъ* II, 30.

²⁾ *Łoziński*, 183 сл.

скій Яхитовичъ. Однимъ словомъ, Голуховскіи могъ считать себя вполне удовлетвореннымъ. Горечь ядовитого замѣчанія о польскихъ ошибкахъ по отношенію къ униатамъ была щедро вознаграждена цѣлымъ рядомъ дѣйствій, ставившихъ галичанъ въ самое тяжелое положеніе. Правда, рѣшено было, признать за вѣнскимъ „Вѣстникомъ“ оффиціальныи характеръ, но въ то же время по отношенію къ „Церковному Вѣстнику для Русиновъ австрійской державы“, который издавалъ въ Пенсѣ священникъ Раковскій, были приняты мѣры, очень скоро убившія это изданіе ¹⁾.

¹⁾ Этотъ „Церковный Вѣстникъ“ замѣнилъ издаваемую тѣмъ-же Раковскимъ „Церковную газету“. Она печаталась гражданскою и помѣщала статьи изъ кіевскаго „Воскреснаго Чтенія“ и московскихъ „Твореній св. отцовъ въ русскомъ переводѣ“. Понятно, въ глазахъ Голуховскаго все это грозило чрезвычайными опасностями, и, надо думать, онъ не разъ обращалъ на нихъ вниманіе министерства. Въ послѣднихъ №-ахъ 15 и 16 „Церковной газеты“ Раковскій помѣстилъ слѣд. объявленіе. „Часопись наша не буде выходить подъ названіемъ „Церковная Газета“, а прийме новое заглавіе, свѣдѣчь: „Церковный Вѣстникъ для Русиновъ австрійской державы“ и буде печататися кирилицею или церковною, а не гражданскою печатью. Зваживши, что зъ начала предпріятія нашего многіи не могли подружитися съ часописею нашею единственно за то, что дали емы ю печатати гражданскими буквами, а не кирилицею; разсудивши также и то, что хотя въ теченіи времени многіи усвоились въ употребленіи нами гражданской печати, однакъжь нѣкоторые и дондѣсь чуждались часописи нашей за то, что она не по вкусу ихъ печаталася, мы льстимъ себѣ надеждой, что теперь сей журналъ нашъ, когда онъ зверху зъ себе прежнюю оболочку и одѣнесь въ такую одежду, якой ему значатку многіи желали, встрѣтитъ у почтенной публики нашей еще благосклоннѣйшій пріємъ того, который, къ нашему немалому удовольствію, пользовалася выходившая до сихъ поръ Церк. Газета“. Но и „Церк. Вѣстн.“ проеуцествовалъ недолго (лишь съ Іюля по Октябрь 1858). Кирилица не спасла его, такъ какъ галицкій преторъ minima curavit и подъ церковными буквами усмотрѣлъ тотъ-же русскій языкъ, отъ котораго онъ вѣрми способами оберегалъ не только галицкую, но и всю вообще австрійскую Русь. *Львівскій. Гал.-р. бібліографія*, стр. 108.

Въ виду всего этого Голуховскій съелъ возможнымъ начать противъ Руси новую—еще болѣе рѣшительную кампанію.

Въ ноябрѣ 1858 г. въ львовской официальной газетѣ (Lemberger Zeitung) появилась статья Е. Черкавскаго о латинской азбукѣ въ русскомъ языкѣ. Затѣмъ въ той же газетѣ было перепечатано упомянутое выше посланіе епископа Литвиновича¹⁾, къ которому Черкавскій прибавилъ свои сообра-

¹⁾ Въ посланіи отмѣчается стремленіе ввести въ галицкую литературу „ein dem Volke wenig verständliches Idiom“. Связь этого „идіома“ съ церковно-славянскимъ языкомъ не можетъ въ данномъ случаѣ служить оправданіемъ; такъ какъ „das Kirchenslavische gehört den abgelebten Sprachformen unzweifelhaft an“, и потому не можетъ содѣйствовать дѣйствительному развитію языка, представляя въ тоже время опасность сближенія съ великорусскимъ. „Ein solches Resultat würde, gegenüber dem von den Ruthenen so entschieden u. allezeit aufrecht erhaltenen Selbstbewusstsein der Volksindividualität, einer Selbstvernichtung völlig gleich sehen; zugleich aber auch die höchsten Interessen unseres ewigen u. zeitlichen Heiles mit einer ähnlichen Vernichtung bedrohen, weil es den katholischen u. dem Allerdurchlauchtigsten Kaiserhause treu ergebenen ruthenischen Volksstamm in eine unmittelbare geistige Gemeinschaft mit einem Volksstamme bringen würde, welcher der katholischen Kirche entschieden feindlich u. dem Verbande mit unserem grossen Gesamtvaterlande fremd entgegensteht“... *Львівскій. Библиот.* стр. 112.

Посланіе производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто оно составлено было не въ консисторіи, а въ намѣстнической канцеляріи самимъ же Черкавскимъ. Оно было издано 25 Ноября 1858. Но уже въ Маѣ директоръ львовской полиціи Хоминскій предложилъ новому цензору русскихъ книгъ П. Вагинскому обращать особенное вниманіе на „die auftauchenden Tendenzen der Verschmelzung des literarischen Lebens der österreichischen Ruthenen mit jenen Russlands durch Anschluss ihrer literarischen Bestrebungen in sprachlichen Hinsicht an jene des russischen Staates“. *П. Франко. П. Гумалевичъ. Лит.-извѣст. Вѣстник* 1903 кн. XI. Интересно, что Франко замѣчаетъ про Хоминскаго: „такое Русинъ и по своему москвофиль“. Здѣсь-же, стр. 102—интересны замѣчанія про борьбу противоположныхъ стремленій въ душахъ тогдашнихъ Галичанъ.

женія не только по вопросу о церковно-славянскихъ элементахъ въ языкѣ, но и о русской азбукѣ, предлагая опять замѣнить ее латинской и такимъ образомъ окончательно устранить ту преграду, которая отдѣляла галицкую Русь отъ просвѣщеннаго Запада ¹⁾.

Такимъ образомъ была подготовлена Голуховскимъ на этотъ разъ уже оффиціальная постановка вопроса о латинской азбукѣ въ галицко-русской письменности. Для рѣшенія его требовалось прежде всего согласіе центральной власти, и вотъ между Голуховскимъ и Туномъ закинула оживленная переписка, и притомъ не сухого бюрократическаго, а почти научно-полемическаго характера. Голуховскій пользовался Черкавскимъ, гр. Тулъ Юсеф. Пречкомъ. Оба они одинаково имѣли въ виду замѣну кириллицы латиницею, но расходились въ частностяхъ. Тулъ, подъ влияніемъ Пречка, рекомендовалъ фонетическую модификацію латиницы въ формѣ чешской азбуки. Противъ этого возражалъ Голуховскій въ „обширномъ лингвистическомъ трактатѣ“ составленномъ Черкавскимъ, не желая, очевидно, допускать никакихъ отступленій отъ польскаго правописанія ²⁾. Кроме того Голуховскій слишкомъ ужъ горячо стремился къ увеличенію зданія. Тулу приходилось его сдерживать. Въ концѣ концовъ рѣшено было разсмотрѣть вопросъ въ спеціальной комиссіи, которая должна была собраться въ

¹⁾ „Es könnte für die ruthenische Literatur selbst u. ihren Aufschwung nichts heilsamer gedacht werden, als wenn die Scheidewand der cyrillischen Schrift, welche sie jetzt noch immer von den anderen westeuropäischen Sprachen trennt, gänzlich fiel“. Черкавскій вноситъ въпредъ „dass die Einführung der lateinischen Schriftzeichen in der ruthenischen Sprache, obwohl nur die äusserliche Bezeichnung der Laute betreffend, die so nothwendige Befreiung derselben von den Fesseln des Kirchenslawischen u. des Russischen fördern würde“. *В. А. Дидицкій. Споръ о р. азбуку. Льв. 1859.*

²⁾ Статьи Черкавскаго были изданы и отдѣльно по нѣмецки и по польски. *Левицкій. Библіографія, стр. 115.*

львовскомъ намѣстничествѣ, съ участіемъ делегата отъ министерства Пречка¹⁾.

Во второй половинѣ Мая 1859 г. болѣе видные представители галичанъ (епископъ Литвиницъ, М. Куземскій, М. Малиновскій, І. Лозинскій, Я. Голованскій, А. Яновскій, О. Полинскій) получили официальное приглашеніе явиться 30-го Мая въ намѣстничество для обсужденія вопроса о примѣненіи латинской азбуки къ русской письменности. Къ приглашенію приложены были, въ видѣ отдельной брошюры, соображенія Пречка, командированнаго во Львовъ Туномъ для участія въ дѣятельности составленной по этому вопросу комиссіи. Голуховскій, съ своей стороны, привлекъ къ участію Е. Черкавскаго²⁾. Засѣданія должны были происходить подъ предсѣдательствомъ самого намѣстника. Голуховскій былъ, повидимому, вполне убѣжденъ, что какъ епископы, вынужденные издать извѣстныя намъ посланія и какъ разъ теперь ожидающіе назначенія новаго митрополита, такъ и Голованскій, испытавшій столько непріятностей и висѣвшій въ университетѣ на волоскѣ, не посмѣютъ возражать. Дѣло считалось предрѣшеннымъ, и новое правописаніе предполагалось ввести съ новаго учебнаго года.

Вышло, однако, не такъ, какъ предполагали заботливые опекуны Галичанъ, старавшіеся ввести ихъ въ сонмъ просвѣщенныхъ народовъ Запада. Затрудненія обнаружались сразу на первомъ же засѣданіи³⁾.

Оно было открыто Голуховскимъ, который заявилъ безъ всякихъ стѣсненій, что усвоеніе галицко-русскому языку латинской азбуки имѣетъ цѣлью прекратить „россійское“ воз-

¹⁾ *Łoziński. Agendor hr. Gólurowski, 185.*

²⁾ Изъ чиновниковъ намѣстнической канцеляріи въ комиссіи участвовали георать Монъ и совѣтникъ Золигъ.

³⁾ Дѣятельность комиссіи (Галичане называютъ ее „азбучной“) подробно изложена въ книгѣ „Die ruthenische Sprach- u. Schriftfrage in Galizien“ Lemberg 1861. Здѣсь же имѣется цѣлый рядъ весьма характерныхъ документовъ по этому вопросу.

дѣйствіе. „Галичане, не сдѣлали-де ничего, чтобы надлежащимъ образомъ обособить свой языкъ отъ великорусскаго, и потому теперь за это вынуждены взяться правительство“. Голуховскій упоминалъ о своихъ переговорахъ съ епископомъ Литвиновичемъ, о его недавнемъ посланіи, о томъ, что въ употребленіи „россійскихъ“ и церковно-славянскихъ словъ повинны проповѣдники и законоучители, и что онъ самъ лично убѣдился въ томъ, что въ городской приходской а также въ соборной церкви во Львовѣ проповѣди произносятся на церковно-славянскомъ и „россійскомъ“ языкѣ, что, кетати сказать, въ глазахъ Голуховскаго было, повидимому, одно и тоже.

Послѣ объясненія Пречка повелѣ рѣчь епископъ Литвиновичъ. Прежде всего онъ рѣшительно запротестовалъ противъ обвиненій въ тяготѣніи къ Россіи: Галичане не разъ доказали свою вѣрность Австріи и готовность подчиняться приказаніямъ правительства. Имъ, быть можетъ, придется подчиниться и теперь, но если бы имъ было позволено высказать свое мнѣніе „откровенно“, то въ пользу кириллицы могли бы быть приведены слишкомъ существенные аргументы, къ которымъ нельзя относиться слегка. Въ отвѣтъ на это Пречекъ заявилъ, что правительство не приказываетъ, а желаетъ, чтобы вопросъ былъ подвергнутъ вполне „свободному“ обсужденію. Такимъ образомъ въ значительной степени удалось снять съ вопроса ту предрѣшенность, которую старался сообщить ему Голуховскій.... Далѣе Литвиновичъ замѣтилъ, что вопросъ, подготовленный, повидимому, давно представляетъ для Галичанъ совершенно неожиданность; въ теченіе нѣсколькихъ дней имъ нельзя будетъ обсудить его всесторонне. Что касается церковно-славянскихъ словъ, то это въ большинствѣ санкціонированные церковно спеціальные термины, а что до связи церковно-славянскаго и „россійскаго“, то объ этомъ едва ли удобно говорить въ настоящее время. На это Голуховскій замѣтилъ, что „правительству нечего оглядываться на Россію и что именно теперь оно должно показать свою силу“¹⁾.

¹⁾ Эти намеки объясняются тогдашнимъ политическимъ настро-

Тогда епископъ Литвиновичъ заявилъ, что церковныя книги, которыми пользуются Галичане, просмотрѣны во Львовѣ, по принятіи уни, специальной комиссіей, назначенной изъ Рима и что онѣ получаются не изъ Россіи, что, напротивъ, великороссы получили никогда церковно-славянскія книги отъ „Рутеновъ“.—„Рутеновъ“ упрекали, что ихъ языкъ, подобно мазурекому, есть лишь языкъ черни. На это между прочимъ указывалъ архіепископъ Баранецкій въ письмѣ въ Римъ, и это побудило митрополита Левинскаго обратиться съ посланіемъ, призывающимъ галицкихъ писателей и священниковъ придерживаться церковно-славянскаго языка, въ избѣжаніе подобныхъ упрековъ. Путаницу такимъ образомъ вызывали сами Поляки.

Тутъ Голуховскій прервалъ Литвиновича: „я самъ Полякъ, но я не беру подъ защиту польскихъ гарибальдійцевъ“.—„Да, возразилъ Литвиновичъ, полагаю, что архіепископъ Баранецкій и окружные епископы едва ли могутъ быть причислены къ гарибальдійцамъ“. Далѣе онъ заявилъ, что въ его переговорахъ съ Голуховскимъ вовсе не было рѣчи о кирилловской азбукѣ и рѣшительно запротестовалъ противъ того способа, какъ использовала его конфиденціальное пастырское посланіе львовская оффиціальная газета. Указавъ затѣмъ на постоянныя придиранья, какимъ подвергались за свой языкъ галичане, Литвиновичъ заявилъ, что напр. свое послѣднее посланіе онъ непременно издалъ бы по нѣмецки во избѣжаніе упрековъ въ тягостности къ „Россійскому“ языку, но получивъ императорскій манифестъ, онъ убѣдился, что оффиціальній „рутенскій“ переводъ Манифеста представляетъ такой же „рутенскій“ языкъ съ такимъ же правописаніемъ, какое обыкновенно считалось великорусскимъ, и только въ виду этого онъ рѣшился

епископъ Германіи и Австріи, въ виду дружественныхъ отношеній между Франціей и Россіей. Объ этомъ заявилъ и Наполеонъ, при открытіи палаты 26 Янв. 1859, а въ довѣрительной бесѣдѣ съ вел. княз. Константиномъ въ Парижѣ въ половинѣ Декабря 1858 г. Наполеонъ указывалъ Россіи между проч. на Галицію. *Татищевъ*. Императоръ Александръ II., т. I, стр. 249 сл.

есть посланіе издать на такомъ же языкѣ, а не по имени¹⁾. Конечно, въ такихъ условіяхъ, Галичанамъ писать трудно.

Такъ освѣтили положеніе Галицкой Руси оффиціальныи ея представитель. Голуховскій, повидимому, вовсе не ожидалъ подобнаго заявленія, предполагал, очевидно, что вакансія интронизической казедры сдѣлаетъ завѣдующаго ею податливымъ и сговорчивымъ, а это въ свою очередь, повліяетъ на остальныхъ русскихъ членовъ комисіи. Но крайней мѣрѣ, иначе нельзя объяснить попытку Голуховскаго сдѣлать Литвиновича причастнымъ своей затѣѣ. Рѣшительное заявленіе Литвиновича, что въ переговорахъ его съ Голуховскимъ, въ противность утвержденію послѣдняго, не было и рѣчи объ азбукѣ, не могло не произвести впечатлѣнія, не могло не подѣйствовать и на Голуховскаго. Ослабить силу замѣчаній Литвиновича оказалось невозможнымъ, а попытка отдѣлаться шуточками насчетъ поляковъ-гарибальдійцевъ и газетныхъ статей были парированы Литвиновичемъ не только съ необыкновенной находчивостью и ораторскимъ искусствомъ, но и съ такимъ достоинствомъ, что намѣстникъ долженъ былъ почувствовать себя весьма неловко.

Въ сущности затѣя Голуховскаго провалилась уже на первомъ засѣданіи. Если оставить въ сторонѣ политическіе мотивы, то въ пользу ея Голуховскій не могъ привести никакихъ другихъ аргументовъ, кроме якобы большаго удобства латиницы сравнительно съ кириллицей. Литвиновичъ замѣтилъ по этому поводу, что онъ вовсе не считаетъ кириллицу абсолютной необходимостью „также точно какъ не считаетъ латиницу абсолютной невозможностью“ для русскаго языка; такъ какъ въѣдъ и еврейскія и греческія слова можно писать латиницей; онъ стоитъ за кириллицу въ виду чисто практическихъ соображеній: народъ къ ней привыкъ и считаетъ ее вѣчнымъ признакомъ своей народности.

Неудивительно поэтому, что при голосованіи представи-

¹⁾ Посланіе 6 Мая 1859 г. по поводу манифеста объ италинской войнѣ. *Лесницкія*. Библіографія № 1131.

тель правительства гофратъ Монъ высказался прямо противъ затѣи, другому правительственному члену (Зелигу) дѣло показалось неисполнимымъ, и онъ отказался отъ подачи голоса, такъ что въ пользу латинщины высказался прямо одинъ лишь прислѣдникъ Голуховскаго Черкавскій. Но онъ смотрѣлъ на дѣло ужъ черезъ-чуръ просто: латинщина приблизитъ Рутеновъ къ Западу, а потому пусть только правительство прикажетъ и церкви поддержать, а Рутены будутъ современемъ благодарны за оказанное имъ благодѣяніе. Такое соображеніе оказалось, однако, совсемъ непонятно Литвиновичу: Рутены, замѣтилъ онъ, давно находятся въ кругѣ западнаго вліянія, а церковь имѣетъ другія—не грамматическія задачи ¹⁾.

Послѣ голосованія, „Куземскій замѣтилъ, что Рутены относились къ своей письменности вовсе не такъ беззаботно, какъ объ этомъ говорилось въ комиссіи, и въ доказательство сослался на извѣстные труды Галичанъ въ 48-мъ г. Къ немалому удивленію послѣднихъ оказалось, что эта сторона галицко-русской жизни совершенно неизвѣстна, не только Пречку, но даже намѣстнику. Въ виду этого пришлось назначить специальную комиссію для ознакомленія Пречка съ относящимся матеріаломъ, послѣ чего Пречку пришлось выразить удивле-

¹⁾ Литвиновичъ отличался находчивостью и краснорѣчіемъ. *Fests. Gesch. d. Un.* II. 940. Ему принадлежитъ извѣстное намъ посланіе Радъ „къ нѣмецкимъ братьямъ“ (см. выше, стр. 110) и вѣроятно также весьма интересныя замѣчанія на занеску перемишльскаго латинскаго капоника Іос. Гонно по вопросу о преподаваніи богословія въ духовныхъ семинаріяхъ и закона божія въ гимназіяхъ. *Малиновскій. Sitzungen* 518 сл. Пелешь изображаетъ Литвиновича, какъ равнодушнаго уніата. Конечно, онъ былъ уніатъ. Но для полной характеристики его уніатства не слѣдуетъ упускать изъ виду его отношенія къ Лебединцеву, побывавшему въ Галичинѣ въ 1865 г., съ дѣломъ пригласить въ Холмщину учителей и священниковъ. Познакомившись съ нимъ ближе, Литвиновичъ отнесся къ нему чрезвычайно сочувственно и простился съ нимъ слѣд. словами: „нехай Васъ Господь благословить куда Вы повернетесь на всяко добре дѣло“. Письма О. Г. Лебединцева. *Кіевск. Стар.* 1898, кп. 3.

ніе, какъ могъ быть этотъ матеріалъ оставленъ безъ всякаго вниманія.

Такимъ образомъ съ полной очевидностью обнаружился истинный характеръ всей официальной подготовки дѣла. По-видимому, только тутъ Пречекъ поини́лъ, наконецъ, въ какомъ дѣлѣ онъ участвуетъ и, во избѣжаніе скандала, предложить ограничиться суммарнымъ обозначеніемъ дѣятельности специальной коммисіи вмѣсто полнаго протокола.

Затѣя Голуховскаго оказалась такимъ образомъ ниже всякой критики и потерѣла фiasco ¹⁾. Приглашенные подписаться подъ своимъ обвинительнымъ приговоромъ Галичане ясно обнаружили несостоятельность и легкомысленность приговора; Голуховскій убѣдилъ, что 10 лѣтъ — слишкомъ малый срокъ, чтобы превратить Галичанъ въ Черкавскихъ. Но все же онъ не потерялъ надежды. Въ его рукахъ оставались все средства административнаго воздѣйствія, и онъ немедленно обратился

¹⁾ Голуховскій почувствовалъ это уже на первомъ засѣданіи. На второмъ онъ обнаружилъ полное равнодушіе къ дебатамъ. На третьемъ засѣданіи читался докладъ Куземскаго замѣчательный по той примотѣ, съ какою была освящена вся затѣя Голуховскаго. Куземскій зналъ его хорошо и не убоился сказать то, что зналъ. Голуховскій уметрѣлъ въ замѣчаніяхъ Куземскаго непочтительность къ себѣ, какъ представителю Императора, и заявилъ, сославшись на уважаемаго Галичанами г-рата Моша, что онъ не читаетъ никакихъ замисловъ противъ Галичанъ; но если въ ихъ писаніяхъ постоянно проскальзываютъ „россійскіи“ тенденціи, то нельзя винить правительство, что оно вынуждено имъ противодействовать. На последнемъ — четвертомъ засѣданіи Пречекъ поставилъ вопросъ: „слѣдуетъ ли удерживать гражданку и скороніе, которую употребляютъ великороссы?“. Голуховскій предложилъ, чтобы галичане писали такими-же буквами, какія употребляютъ въ печати, такъ какъ гражданка и скороніе — достоиніе „Россійскія“, а не „Рутеновъ“, и когда Головацкій замѣтилъ, что этотъ вопросъ не подлежитъ обезумѣнію, такъ какъ онъ не указанъ въ запискѣ Пречка, то Голуховскій немедленно уметрѣлъ въ этомъ замѣчаніи „тяготѣніе къ Россіи“. Наконецъ, по поводу заявленія Голуховскаго, что мѣстными властями предписано успокоить тревогу населенія, Литвиновичъ замѣтилъ, что именно подобное предписаніе можетъ оказать какъ разъ противоположное дѣйствіе.

къ нимъ. Его отчетъ министру Туру о засѣданіи комисіи (Іюнь 1859) представляетъ обвинительный актъ, направленный противъ Галичанъ вообще, въ частности противъ Литвиновича и особенно Куземекаго ¹⁾.

Въ то же время, Голуховскій обратился къ уѣзднымъ властямъ съ запросомъ объ отношеніи народа къ латинской азбукѣ. Оtvѣтъ, замѣчаетъ Лозинскій, былъ съ одной стороны благопріятный: по донесеніямъ властей оказывалось, что русскій народъ предпочитаетъ польскій текстъ „Вѣстника законовъ“ русскому тексту и, слѣдовательно, предоставленный самому себѣ повсе не противился бы латинской азбукѣ; но съ другой стороны, сообщеніе могло вызывать большое безпокойство, открывая повсюду, по словамъ Лозинскаго „террористическую агитацію въ оппозиціонномъ духѣ со стороны русскаго духовенства“, побуждаемаго къ этому совѣтникомъ министерства, „эпигономъ русской рады“ священникомъ Шаникевичемъ. Въ виду этого Голуховскій отпривилъ въ Іюль новое донесеніе Туру; настаивая на необходимости предполагаемой реформы и „вполнѣ раскрывая руссофильство эпигоновъ русской рады“ ²⁾.

Въ Іюль Голуховскій запретилъ печатаніе „гражданкой“ а въ Августъ преднесалъ употреблѣть изобрѣтенное Черкавскимъ правописаніе—первый опытъ современной фонетики ³⁾.

Но министръ Туръ, вѣроятно подъ вліяніемъ отчета Преч-

¹⁾ Въ отчетъ Голуховскій ставитъ въ вину Литвиновичу противорѣчію тѣмъ положеніямъ, которыми высказаны въ его пастырскомъ посланіи. Куземекаго представляетъ, какъ глава эпигоновъ „Р. Рады“, навдигающихъ обрядъ, какъ главный признакъ народности. По мнѣнію Голуховскаго, это даетъ основаніе подозрѣвать ихъ въ склонности къ „схизмѣ“. Очень неодобрительно отзывается Голуховскій и о Головацкомъ. Въ заключеніе Голуховскій настойчиво приглашаетъ Тура не отступать отъ задуманнаго плана. *Łozinski*, 188. 3 Іюль Голуховскій отпривилъ отчетъ о комисіи въ томъ-же духѣ министру внутр. д. Баху. *Die ruth.-Sprachfrage* 262.

²⁾ Голуховскій здѣсь прямо обвиняетъ галичанъ въ сношеніяхъ съ русскими, основываясь на пребываніи во Львовѣ извѣстнаго изслѣдователя судебъ червонной Руси Смирнова и Громеки. *Łozinski*, 189.

³⁾ *Die ruth. Sprachfrage*, 208.

ка и указаній Шаникевича, не рѣшился вполне поддерживать Голуховскаго, — отказался отъ введенія латиницы и ограничился лишь подтвержденіемъ распоряженія Голуховскаго насчетъ фонетики.

Галичане рѣшительно отказались исполнить предписаніе намѣстника. Фонетикой издавался только официальный „Вѣстникъ законовъ“, и со второй половины 1859-го года въ галицко-русской письменности воцарилась мертвая тишина¹⁾. Къ единодушному насильственному сопротивленію затѣямъ намѣстника присоединилась даже консисторія. Два раза (3 Февр. и 15 Мая 1859 г.) обращался къ ней Голуховскій съ предложеніемъ озаботиться переводомъ Библіи на мѣстное народное нарѣчіе²⁾. Но консисторія оставила эти предложенія безъ отвѣта.

Голуховскій, однако, не желалъ отступать. Онъ опять обратился къ тому средству, которое много разъ помогало ему склонять Вѣну на сторону своихъ плановъ и мѣръ: къ указанію на принципиальныя соображенія, которыми должна опредѣляться политика правительства по отношенію къ Русси. 4-го Авг. 1859 г. онъ отправилъ министру специальную записку, которая имѣетъ такое же историческое значеніе, какъ и извѣстныя намъ прежнія его записки — о „Рутенахъ“, и о русскомъ преподаваніи. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этой запискѣ: „Вашему Превосходительству извѣстно, какими выводами и основаніями я руководился въ вопросѣ о примѣненіи въ русскомъ языкѣ латинскаго алфавита. Далекій отъ всякихъ постороннихъ мелочныхъ соображеній, я имѣлъ въ виду необходимую для усиленія государственнаго единства

¹⁾ О тогдашнемъ положеніи галицко-русской печати всего ярче свидѣлствуютъ условія, какими обставлено было разрѣшеніе на изданіе В. Дѣдичемъ въ 1860-мъ г. „Зори Галицкой“ съ приложеніемъ листка „Пріятель народа“. Документъ этотъ цѣликомъ Die ruth.-Sprachfr. LIX.

²⁾ Церковно-славянскій языкъ Голуховскій, какъ извѣстно отождествлялъ съ „россійскимъ“ и считалъ опаснѣйшимъ проводникомъ „панславизма“.

болѣ тѣсную связь русскаго элемента съ другими племенами Имперіи; въ виду того, что этотъ элементъ остается до сихъ поръ имъ чуждымъ, а также прививку этому элементу стихій болѣ энергичныхъ и болѣ благопріятныхъ для существующаго порядка. Не заботясь объ одобреніи или неринаніи временно верховодящей русскою партіи, я обратилъ вниманіе на будущее этой народности и вмѣстѣ съ тѣмъ я исполнилъ обязанность петишнаго гражданина и вѣрнаго слуги государя, указавъ на тѣ опасности, которыя должны возбуждать подготовляемое русскими писателями объединеніе интеллектуальной жизни „Рутеновъ“ съ жизнью „Россійнъ“. Я въ такой мѣрѣ убѣжденъ въ жизненности предлагаемаго мною проекта о примѣненіи къ русскому языку латинской азбуки, что не сомнѣваюсь въ будущемъ его осуществленіи, если только „рутенскій элементъ не станетъ окончательной добычей русификаціи и не отдѣлится отъ общегосударственной австрійской жизни. Если бы это когда нибудь наступило, то у меня останется, по крайней мѣрѣ, утѣшительное сознаніе, что я обратилъ вниманіе Императорскаго правительства на угрожающую опасность въ такое время, когда она могла быть еще предотвращена и когда могъ бы еще быть искорененъ зародышъ гибельнаго направленія“¹⁾).

Вскорѣ послѣ этой записки 28 Авг. Голуховскій былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Запиской „о Рутеніи“ 9 Мая 1849 г. началось его управленіе Галиціей, запиской о русскихъ дѣлахъ кончилось. Если сравнить объ эти записки, придется признать, что 10-лѣтнее управленіе Голуховскаго привело къ довольно неожиданнымъ послѣдствіямъ. Опасности со стороны галицкой Руси, въ 1849 году только еще возможныя въ будущемъ, оказались въ 1859 году на лицѣ. „Привязанная и вѣрная царственному дому и Имперіи“ въ 49 г. Галицкая Русь къ 59 году оказывается всею сплошь неблагонадежною, за исключеніемъ развѣ Черкавскаго.

¹⁾ Лозинскій, к. в., 191.

Голуховскій самъ констатируетъ этотъ фактъ, но причину его онъ усматриваетъ не въ своей политикѣ по отношенію къ Русѣ, а въ тѣхъ „зародышахъ гибельнаго направленія“ которыми ему не удалось „искоренить“. И онъ съ полнымъ убѣжденіемъ призываетъ правительство къ ихъ „искорененію“. Русская азбука, русская скоропись, юліанскій календарь, церковно-славянскій языкъ священнаго писанія — все это должно быть „искоренено“, мало того „искорененію“ подлежитъ и русскій языкъ, по крайней мѣрѣ въ школѣ и печати (Зам. 27 Дек. 1851 г.).

Въ этомъ стремленіи „искоренить“ все начала, которыя могли бы хоть чѣмъ нибудь напомнить галицкой Русѣ о ея общемъ русскомъ родѣ, въ стремленіи превратить всю Русь въ Черкавскихъ и заключается такъ называемая голуховщина. Подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть, (какъ и разумѣютъ галичане) не личную диктатуру знаменитаго галицкаго намѣстника, а ту систему, которую онъ впервые вполне определенно формулировалъ въ своихъ занескахъ и безпощадно проводилъ на практикѣ, не упуская изъ виду ни малѣйшей мелочи.

Мы уже говорили, что Голуховскій является характернѣйшимъ представителемъ того поворота въ политическомъ настроеніи поляковъ, которымъ сдѣлилась ихъ кинучая конспиративно-революціонная дѣятельность. Условія австрійской политической жизни въ 60-хъ годахъ открывали для представителей этого типа все болѣе и болѣе широкое поприще, и онъ начинаетъ играть видную роль въ рядахъ новаго австрійскаго чиновничества выступившаго особенно въ такихъ областяхъ какъ Галиція съ извѣстнымъ лозунгомъ „Starke Hand“, замѣнившимъ знаменитый лозунгъ „мягкости“ стараго австрійскаго режима. Въ этомъ смыслѣ, по отношенію къ Русѣ, Голуховскаго можно дѣйствительно считать инициаторомъ новой системы, рѣзко отличающейся отъ прежней мягкой системы Коншара и Стадіона.

Чуждый „мягкости“ стараго австрійскаго режима, Голуховскій по отношенію къ Русѣ былъ чуждъ и компромис-

совѣ. Онъ могъ себѣ представить Русь только или въ видѣ „хлопа“, для котораго, конечно, незначѣть было „умножать нарѣчія и алфавиты“, или въ видѣ Черкавскихъ, готовыхъ довольствоваться всякими подачками. Выработавшійся въ Галичинѣ типъ „рутенца“, всѣ эти Яхмювичи, Литвинювичи, Куземекіе, Малиновскіе и проч. были въ глазахъ Голуховскаго лишь такъ сказать недосѣльными „москалями“ — измѣнниками той „братской отрасли Польши, которая давно сплелась съ нею въ одинъ народъ“, какъ выразился Голуховскій о Руси, открывая засѣданія сейма въ 1868 г. Съ ними Голуховскій не признавалъ никакого компромисса: „не дать окрѣпнуть“ (Зап. 49 г.) „пекоренить“ (Зап. 59-го) вотъ единственный принципъ, которымъ онъ въ этомъ случаѣ руководился, въ полной увѣренности, что, съ уничтоженіемъ этого типа „рутенцовъ“, отъ Руси останется только матерьялъ „для усиленія стихій болѣе энергичной“.

„Рутенизмъ“, какъ плодъ старой австрійской системы, былъ подвергнутъ Голуховскимъ желѣзному испытанію. Онъ отстоялъ отъ посягательствъ галиційскаго проконсула внѣшніе признаки галицко-русской народности: языкъ ея церкви, азбуку ея убогой письменности — остатки стараго общерусскаго единства. Но, съ другой стороны, естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: что-же кромѣ этого составляло достоинство галичанъ, какъ отдѣльной самостоятельной народности, такъ какъ именно въ качествѣ такой народности выступали галичане въ борьбѣ съ Голуховскимъ. На этотъ вопросъ представители тогдашняго рутенства едва ли были въ состояніи дать сколько нибудь опредѣленный отвѣтъ. Ихъ идеалы не выходили пока за предѣлы крайняго партикуляризма. Рутенизмъ могъ быть въ данную минуту очень выгоденъ для Австріи; но какъ государство, обязанное думать о будущемъ, она могла бы помириться съ нимъ лишь въ томъ случаѣ, если бы галицкая „Рутенія“ представляла совершенно обособленную территориальную единицу, а не соприкасалась съ тою-же самою Русью на восточной границѣ государства. Въ этомъ случаѣ мысли,

высказанный Голуховскимъ въ его запискѣ о Русенін не могли не занимать австрійскихъ государственныхъ мужей ¹⁾).

На зарѣ новой конституціонной жизни въ Австріи вопросъ о „Русенін“ оказался столь-же неопредѣленнымъ и загадочнымъ, какъ и въ 48-мъ г. ²⁾. Въ такомъ же положеніи онъ остается въ сущности и по настоящее время: „ширымъ народомъ“ еще не удалось убѣдить галицкую Русь, что именно Голуховскій въ борьбѣ съ „эпигонами „Русской Рады“ отстаивалъ истинныя потребности галицко-русскаго народа и готовилъ для него наилучшее оружіе противъ полонизаціи ³⁾.

Въ качествѣ министра, Голуховскій не забылъ о Галичинѣ ⁴⁾. Но заутанная общенародная дѣла отвлекали его

¹⁾ Лозинскій, конечно, ошибается, утверждая, что Голуховскій — первый изъ государственныхъ мужей Австріи раскрылъ „руссофильство“ галичанъ (Ag. hr. Góluśch. 191). Природу галицкой Руси отлично знали не только Конитаръ и Стадіонъ, но даже первые австрійскіе чиновники, дѣйствовавшіе въ Галичинѣ.

²⁾ Біографъ и апологетъ Голуховскаго полагаетъ, что положеніе дѣлъ на Руси оказалось хуже, чѣмъ въ 48-мъ г., ибо-до „на дѣйствительной галицко-русской нивѣ такъ бурно разрослись плевеи руссофильства, что ихъ не можеть искоренить до сихъ поръ усиленная работа ширыхъ народовцевъ“. Agenor hr. Góluśchowski, 177.

³⁾ Это утверждаетъ О. Терлецкій. Галицко-руське письменство. Льв. 1903, стр. 88. Отд. отт. изъ Літ.-наук. Вѣсти.

⁴⁾ 20 Дек. 59 г. Голуховскій предписалъ львовскому намѣстничеству не игнорировать мѣстныхъ языковъ. Но, что касается русскаго языка, то (гласить его предписанію) „такъ какъ кирилловскія буквы не пользуются ни общею извѣстностью, ни употребленіемъ въ краѣ, то въ виду этого, русскія заявленія должны быть писаны латинскими буквами, согласно высочайшему распоряженію 20 Окт. 52 г. относительно заявленій, подаваемыхъ въ судъ. Z dziejów odrodzenia politycznego Galicyi; стр. 37. Въ т. наз. „усиленный парламентъ“ Голуховскій немедленно вызвалъ своего соратника по крестьянской комиссіи 46-го г. — М. Краинскаго, который сойчасъ-же поднялъ вопросъ объ исполненіи патента 54-го г. о преподаваніи въ школахъ на мѣстныхъ языкахъ. Краинскій пользовался запиской Черкавскаго, а вскорѣ затѣмъ былъ вызванъ въ Виѣну и самъ Черкавскій, „jako najznakomitszy znawca wprawu i najdzielniejszy współpracownik w jej traktowaniu“. Łoziński, т. II. 175.

вниманіе въ другую сторону. Измученная галицкая Русь могла хоть немного вздохнуть, тѣмъ болѣе, что во главѣ галицкой администраціи былъ поставленъ извѣстный своею умѣренностью и корректностью г-нъ Мошъ.

Уже въ Февраль 1860 г. Литвиновичъ обратился въ Министерство съ замѣчаніями на учебные планы, указывая на права русскаго языка ¹⁾, а въ Сентябрѣ вакантная митрополичья кафедра предложена была наконецъ перемышльскому епископу Яхимовичу, котораго Голуховскій выставилъ въ своихъ донесеніяхъ чуть-ли не главнымъ столпомъ „руссифильства“.

Получивъ предложеніе Яхимовичъ обратился къ Императору съ заявленіемъ, что онъ не можетъ принять митрополию до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено разслѣдованіе по донесеніямъ Голуховскаго, возбудившаго сомнѣнія въ благонадежности какъ его—Яхимовича—лично, такъ и всего галицко-русскаго духовенства.

Разслѣдованія, конечно, не было; Яхимовичъ былъ назначенъ митрополитомъ, и въ этомъ нельзя было не видѣть высочайшаго признанія неосновательности донесеній Голуховскаго. Сейчасъ же по назначеніи Яхимовичъ обратился къ Императору съ представленіемъ по дѣламъ Русн ²⁾.

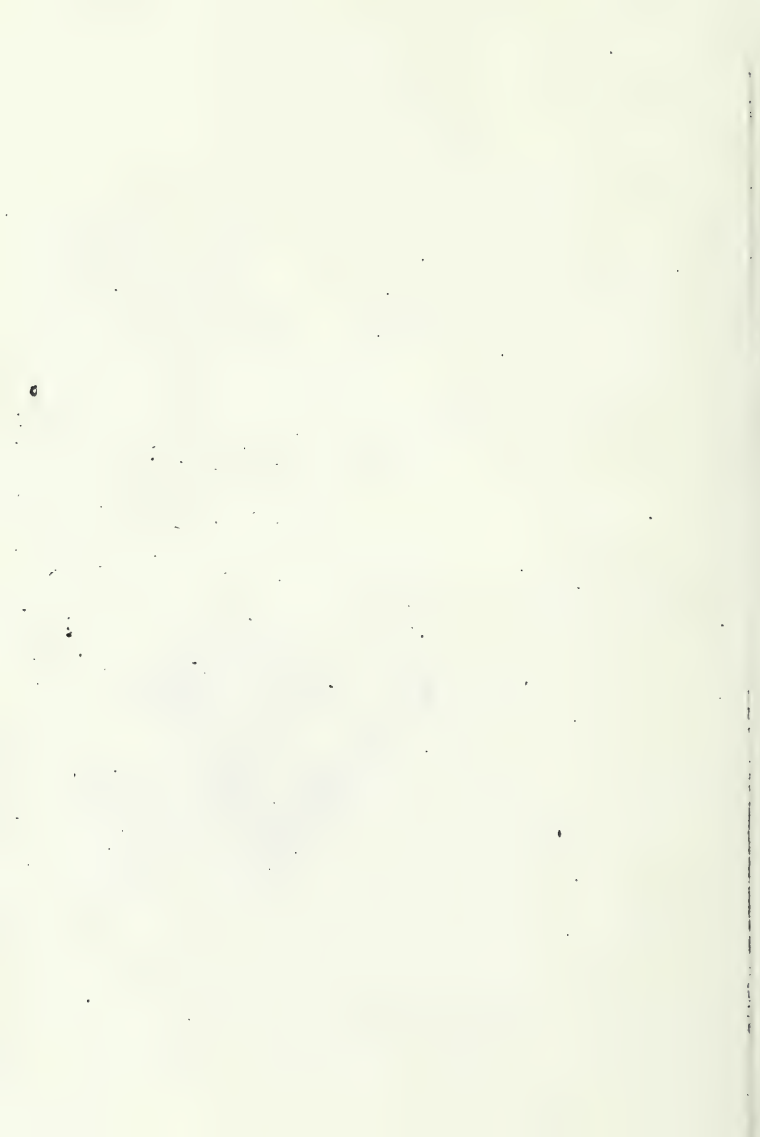
Не сразу, конечно, удовлетворены были желанія Русн, но уже одна возможность открытаго ихъ заявленія какъ равно

¹⁾ Die ruth. Sprachfrage, прил. XV.

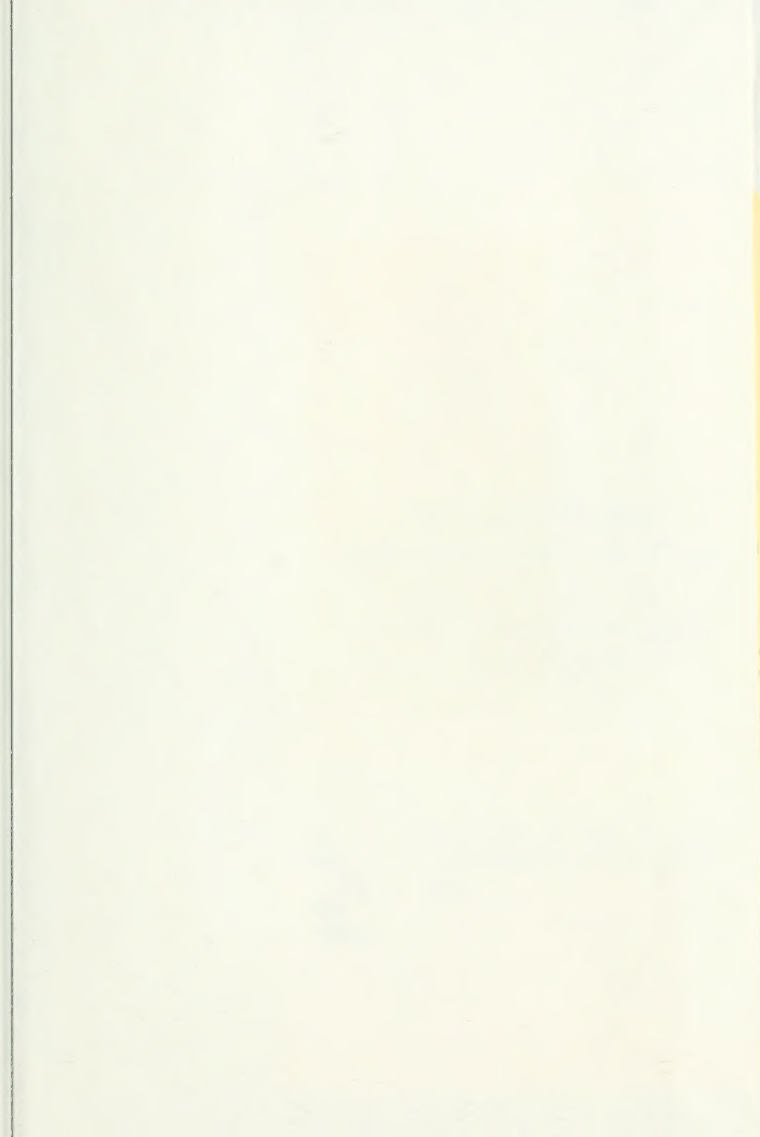
²⁾ Выказанныя здѣсь желанія галицкой Русн сводятся къ слѣд.: 1) упраздненію навязываемаго галичанамъ православія; 2) введенію русскаго преподаванія въ тѣхъ народныхъ и городскихъ школахъ, гдѣ русскіе ученики составляютъ большинство, а не только двѣ трети; 3) обязательное обученіе русскому языку въ гимназіяхъ восточной Галичины; 4) предоставленіе права подавать въ судебныя и административныя мѣста заявленія русскою скорописью; наконецъ 5) обязательное знаніе русскаго языка чиновниками восточной Галиціи. Поучительно сравнить это обращеніе Яхимовича съ петиціей галичанъ въ 1848 г. (см. выше, стр. 62, пр. 1). Оба обращенія Яхимовича къ Императору см. Die ruth.-Sprachfr. прилож. X и XI. Здѣсь же и донесенія Голуховскаго.

назначеніе въ представители галицкой Руси лица, не разъ обвиняемаго Голуховскимъ прямо въ политической неблагонадежности и притомъ назначеніе въ такое время, когда Голуховскій стоялъ во главѣ министерства, было прямымъ признаніемъ нравственной победы, какую одержали „Рутены“ въ своей борьбѣ съ Голуховскимъ. Оттого его распоряженіе о правописаніи пало само собою съ назначеніемъ Яхимовича, и при-
сѣтіе послѣдняго во Львовъ получило характеръ народнаго торжества. Измученная Галицкая Русь могла встрѣтить новую конституціонную эпоху австрійской жизни съ новыми надеждами. Дѣйствительно послѣ тяжелой грозы начался постепенный ростъ новыхъ направленій, которыя складывались уже подъ вліяніемъ неисключительно австро-польскихъ воздѣйствій.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
508
.772
F54
1907a

Filevich, Ivan Porfirevich
Iz istorii Karpatskoi
Rusi

(51)

